

КОЛЧАКОВЩИНА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ

Н. Авксентьев
В. Зензинов
Д. Раков
Гоппер
К. Сахаров
А. Будберг
Г. Гинс

Революция и гражданская война
в описаниях белогвардейцев

Иркутское отделение Советского фонда культуры
Институт гуманитарной информации и рекламы

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ

Под общей редакцией доцента Германа Вендриха

Информационно-издательское агенство "Провинция"

Иркутск, 1991

КОЛЧАКОВЩИНА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Колчаковщина.

Н. Д. Алекситъев. Государственный переворот Колчака	3
В. Зензилов. Правда о неправе	11
Д. Ф. Раков. В застенках Колчака	18
Ген. Гоппер. Начало и конец Колчака	46
Ген. К. В. Сахаров. Белая Сибирь	78
Бар. А. Будберг. Дневник	115
Г. К. Гинс. Крушение колчаковщины	187

Государственный переворот Колчака

(Рассказ корреспонденту „New York Herald“)¹⁾.

В воскресенье 17 ноября Зензинов и я обедали у товарища министра внутренних дел Роговского. Там мы встретились с только что прибывшей через большевистскую Россию делегацией архангельского правительства, которая рассказала нам о своих испытаниях и о положении дел в Архангельске.

Было около полуночи, когда мы собрались расходиться по домам. Вдруг мы услышали в коридоре ужасный шум, и группа пьяных офицеров ворвалась в комнату с направленными на нас револьверами. Они спрашивали: «где здесь Авксентьев?».

Я вышел вперед и спросил, что им надо. Они объявили меня арестованным. Я спросил их, знают ли они, кто я, и как смеют они разговаривать так с главой правительства?

Они заявили, что действуют от имени сибирской армии и что хотя они не имеют приказа о нашем аресте, но возьмут нас силою.

Я хотел протелефонировать начальнику штаба верховного главнокомандующего, но офицеры вырвали из моих рук телефонную трубку. Они вели себя грубо и вызывающе, и мы каждую минуту ожидали, что они здесь же нас застрелят.

Затем Зензинов, Роговский и я были выведены на улицу, где нас ждало около 300 вооруженных человек, часть из которых сидели верхами на лошадях. Нас силой посадили на грузовой автомобиль. Затем мы были отвезены в штаб казачьего атамана Красильникова в Омске.

Они продержали нас здесь полчаса, здесь же мы нашли и Аргунова, другого члена правительства, который также был арестован. Нас снова окружили солдаты и повезли за город.

1) Из кн. „Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года“. Сборник документов. Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919 г.

Мы пережили страшные мгновения, переезжая через рощу, где теми же казаками 23 сентября был убит министр сибирского правительства Новоселов. Производивший по этому делу следствие Аргунов как-раз недавно осматривал эту местность. Молчаливо мы простились друг с другом, чувствуя, что настал наш конец, но они отвезли нас дальше, в сельскохозяйственную школу, в казарму Красильникова; часть этого здания была отведена под госпиталь и передана американскому Красному кресту.

Нам отвели комнату, поставив внутри и снаружи ее стражу. Эта стража предупредила нас, что, если мы подойдем к ним близко, она будет стрелять в нас. Поведение офицеров было грубое.

В сельскохозяйственной школе мы находились до вторника, когда к нам явился человек в штатском и сообщил нам первые новости о произведенном государственном перевороте. Он показал нам газетное сообщение о происшедших переменах, и мы узнали об измене Вологодского, о назначении диктатором Колчака.

Пришедший к нам человек заявил, что он является представителем правительства, и предложил нам на выбор одно из двух: арест со всеми возможными из него последствиями, т.-е. возможностью быть убитыми, как Новоселов, или изгнание за границу. Правительство хочет знать, что мы выбираем.

Я ответил, что предложенный нам вопрос является странным. Мы находимся во власти людей, совершивших над нами насилие и имеющих возможность делать с нами все, что пожелают. При таких условиях трудно говорить о том, что мы предпочитаем, но мы предпочитаем быть свободными за границей, чем находиться в тюрьме в России.

Позднее мы узнали, что пришедший к нам человек был капитан Герке, начальник штаба Красильникова.

Через несколько часов министр юстиции Старынкевич сообщил нам, что мы свободны, что наш арест был незаконным деянием, и совершившие его будут преданы суду.

Мы полагали, что законное правительство, противозаконно подвергнутое аресту и теперь освобожденное, снова сделается законным правительством, но это было не так. Наши товарищи по временному всероссийскому правительству (генерал Болдырев и Виноградов) подали в отставку, а совет министров изменил нам. Министр юстиции Старынкевич сообщил нам, что он только что узнал о нашем местопребывании, иначе мы были бы освобождены гораздо раньше,—но это была неправда. От офицеров мы узнали, что министр юстиции вместе с атаманом Красильниковым был в казармах, где мы были помещены, через два часа

после нашего ареста. Все было сделано с ведома Вологодского, Старынкевича, Михайлова, Гинса, Тельберга и, конечно, Колчака, который преспокойно вернулся с фронта в день нашего ареста.

Мы заявили министру юстиции Старынкевичу, что так как мы освобождены от ареста, то желаем вернуться к себе домой, но он предложил нам остаться в казармах под охраной офицеров, так как в противном случае он не ручается за нашу безопасность. Реакционные офицеры, по его словам, могут ворваться к нам домой и убить нас, правительство же не может допустить этого убийства.

Мы настаиваем на том, чтобы вернуться домой, если же правительство заинтересовано в нашей безопасности,—оно может охранять нас там. В конце концов мы были отведены ко мне домой, и к нам в виде охраны были прикомандированы три офицера из отряда Красильникова. Мы вернулись домой около 6 часов вечера, и, когда стало известно в городе о нашем освобождении, многие приходили повидаться с нами—наши друзья, наши знакомые, кое-кто из чехов.

В 9 часов вечера нам сообщили, что мой дом окружен солдатами. Я протелефонировал министру юстиции, спрашивая его, что это все означает: свободны мы, наконец, или находимся под арестом? Офицеры заявили нам, что все это необходимо в интересах нашей безопасности.

Около часа ночи меня разбудили. Пять или шесть офицеров снова ворвались в мой дом под предводительством капитана Герке с направленными на меня револьверами. Они подвергли меня допросу, спрашивая, кто приходил вечером видаться со мной и с какой целью? Я выразил желание протелефонировать министру юстиции, но Герке сначала не хотел мне этого позволить. Затем я все-таки добился Старынкевича по телефону и спросил его: «Что все это значит? Если мы свободны, какое право имеют эти офицеры врваться в мой дом и нарушать мой покой и что предполагает в связи с этим делать министр юстиции?»

Старынкевич был несколько сконфужен. Узнав о ночном визите офицеров, он начал оправдывать последних, объясняя их поведение результатом нервной атмосферы, царящей среди офицеров. После этого офицеры ушли.

На следующий день, в 11 часов утра, явился в сопровождении офицеров Старынкевич и заявил нам, что мы снова арестованы по распоряжению Колчака, и если мы не желаем оставаться в тюрьме со всеми вытекающими из этого последствиями, то мы должны быть высланы за границу. При этом он заявил, что мы должны быть готовы к отъезду немедленно.

Наш дом был снова окружен солдатами. Никому не

было позволено посещать нас, а нам было запрещено разговаривать по телефону. Около 5 часов вечера явился товарищ военного министра Хорошкин и управляющий министерством иностранных дел Ключников. В большом смущении генерал Хорошкин заявил нам, что он явился по приказанию Колчака, который требует от нас подписать следующие обязательства:

1) будучи высланы за границу, мы обязуемся не возвращаться в Россию, пока не будет образовано всероссийское правительство и пока Россия не будет очищена от большевизма;

2) что мы обязуемся не заниматься никакой политической деятельностью и

3) что мы обязуемся не вести за границей никакой агитации против правительства Колчака.

Ген. Хорошкин заявил, что, пока мы не подпишем этих обязательств, мы будем находиться в тюрьме.

Мы наотрез отказались подписать подобные обязательства, заявив Хорошкину и Ключникову, что они могут делать с нами, что хотят, но что так как временное правительство уже пало с того момента, как Вологодский нам изменил, а другие члены его подали в отставку, то мы предпочитаем выехать за границу. Хорошкин и Ключников отправились с нашим ответом к Вологодскому и Колчаку. Вскоре они вернулись, заявив, что все это было недоразумением и что от нас не требуется подобных обязательств, но что через два часа мы будем высланы за границу. Ключников даже лично передал нам сердечный привет от Вологодского.

Нас посадили в автомобиль, окружили отрядом конных, отвезли на железнодорожный вокзал и поместили в поезд. Нашу охрану составляли: пятнадцать офицеров отряда Красильникова, около 30 солдат, отряд пулеметной команды и 12 английских солдат с офицером. Последние были присоединены к отряду, так как мы настаивали на международных гарантиях нашей безопасности. Когда поезд тронулся, офицер—начальник конвоя—показал нам инструкцию Колчака, в которой говорилось, что мы должны содержаться под строжайшим арестом и не иметь никаких сношений с внешним миром. В случае попытки к побегу или при попытке освободить нас извне мы должны быть расстреляны на месте.

Через шесть дней мы достигли китайской границы и были выпущены на свободу.

Правительство выпустило нам вслед целый ряд ложных извещений. Во-первых, оно объявило, что не знало, кто арестовал нас; затем оно объявило, что мы просили раз-

решения покинуть Россию, что также было ложно. Правительство также заявило, что мы по собственному почину дали обязательство не вести агитации против Колчака, что было третьей ложью. Если бы у них был такой документ, они бы его уже опубликовали. Они злостно нас оклеветали. Наконец они заявили, что охрана была приставлена к нам, чтобы оградить нас от народного гнева—новая ложь, так как гнев народа был направлен против узурпаторов.

Газетам не было разрешено опубликовать подробности о происшедшем, введена была строжайшая цензура, некоторые редактора были арестованы. Мы формально протестовали против всего этого.

Что касается суда, то это был не суд, а трагикомедия. Мы были высланы в ночь на 21 ноября. Перед отъездом мы вызвали к себе министра юстиции, который сообщил нам, что Красильников, Волков и Катанаев будут преданы суду. Тогда мы заявили, что желаем присутствовать на суде и выступить на нем в качестве свидетелей. Но это право у нас было отнято. Мы были высланы, а суд состоялся в тот же день и здесь же в один час закончился. Мы ждали оправдания офицеров, так как правительство Колчака не могло осудить тех, кто установил диктатуру этого правительства, но мы никоим образом не предполагали, что даже эти люди могут пасть до такой низкой клеветы и клятвопреступления. Суд установил, что эти офицеры арестовали нас, руководствуясь высоким чувством патриотизма, он установил также следующие наши преступления:

мы действовали исключительно согласно инструкциям центрального комитета партии социалистов-революционеров,

мы пытались дезорганизовать и разложить молодую русскую армию,

мы составили заговор для свержения Болдырева, Виноградова и Вологодского,

я лично получил от большевиков 200 миллионов рублей для большевистской пропаганды в армии,

товарищ министра внутренних дел Роговский организовывал убийство Болдырева и Вологодского,

мы организовывали партийную армию.

Мы заявляем, что все эти сообщения—ложь с начала до конца. Мы были лишены всякой возможности защищать себя в России, но уверены, что ни один честный человек в России не поверит ни единому слову этой клеветы.

Мы официально заявляем незаконному правительству Колчака, что мы готовы предстать пред любым международным или русским судом, если нам будут обеспечены сле-

дующие условия: публичное и беспристрастное следствие. И на суде мы докажем клевету и измену Колчака.

Мы заявляем, что дело Дрейфуса по сравнению с омским делом является образцом справедливого и беспристрастного суда.

Но уже сейчас мы можем указать европейскому и американскому общественному мнению на обстоятельство, которые не оставляют сомнений относительно характера суда Колчака и справедливости судебного приговора. Прежде всего необходимо отметить, что судьями были офицеры, друзья офицеров, подвергнутых суду. Свидетелями были также офицеры, их друзья по службе.

Если бы Красильников действовал из патриотизма, желая наказать преступников, а не задаваясь целью свергнуть правительство, он должен был бы заявить, что Авксентьев и Зензинов составляют заговор против трех остальных членов правительства, т.е. против большинства. Тогда мы были бы арестованы, преданы суду и подверглись бы каре, но само правительство не было бы свергнуто. Вместо этого они арестовывают нас и терроризируют других членов правительства, тогда как пятый член правительства нам изменяет.

Суд закончился в тот же день, когда мы высланы были из Омска. Он признал, что мы совершили ужасное преступление, и потому мне кажется, что виновные в приписываемых им преступлениях члены правительства должны быть преданы суду и казнены. Мы находились в распоряжении Колчака до 27 ноября. Почему же они не вернули нас с пути обратно в Омск и не судили нас за приписываемые нам преступления? Мы сами требовали суда, но вместо этого они спешно выслали нас из пределов России, не дав нам даже возможности протестовать против той клеветы, которая была пущена против нас в самой России.

Что касается настоящего положения России, то русская демократия горячо и открыто призвала союзные вооруженные силы на помощь в ее борьбе с большевиками. В Уфе единогласно всеми политическими партиями было избрано временное всероссийское правительство, которое выражало единение всех живых сил в России и давало надежду на возрождение демократической России. В течение своего краткого 2-месячного существования ему удалось увеличить свой авторитет, удалось завоевать доверие как со стороны населения и армии, так и со стороны местных судебных установлений. Архангельское, уральское, закавказское и каспийское правительства по собственной инициативе признали власть временного всероссийского правительства. Ему подчинились также такие авантюристы, как атаманы Семенов и Калмыков.

Правительство имело все шансы быть признанным союзниками в качестве законного всероссийского демократического правительства, оно могло быть признано официально, и тогда осуществилась бы патриотическая мечта всех русских. И в тот час, когда решалась судьба всей нации, после года страшнейших испытаний, Россия, как равная, вступила бы в семью свободных народов. Это признание было уже отчасти совершившимся фактом со стороны наших союзников и братьев в лице чешской армии. Между чехо-словацким Национальным советом и нашим правительством было взаимное доверие и все время сохранялись дружеские отношения.

Но в ночь на 18 ноября все это было разрушено нелепым и преступным государственным переворотом в Омске, совершенным авантюристами, ренегатами и реакционерами. Переворот этот произвела группа монархически настроенных офицеров, спекулировавшая на невежестве населения, сама политически незрелая. Эти люди претендуют на то, что они действовали как патриоты, поставив на место законного правительства Колчака, который является в их руках куклой и которого они мечтают заменить настоящим монархом. Я утверждаю, что они являются худшими изменниками и злейшими врагами России.

Своим бессмысленным преступлением они разрушили единство России. Армия в настоящее время взволнована. Чехо-словаки не признают нового правительства. Уфимское правительство (Комитет членов Учредительного Собрания) выступило против него. Семенов объявил открытую войну против Колчака и препятствует перевозке войск и подвозу военных припасов на фронт. Сибирь снова находится в состоянии брожения, и вопрос о признании российского правительства союзниками снова отсрочен.

Участники государственного переворота поставили себя на один уровень с большевиками, так как и те и другие совершают насилие над волей истинной демократии. Своим переворотом они разрушили веру демократии в возрождение свободной России, так как они создали правительство из реакционных элементов, находящихся в борьбе с демократией.

Тем самым они подготовили новую почву для большевистской агитации и дали большевикам полное право утверждать, что правительство, с которым большевики борются, есть контр-революционное правительство. Они лишили армию и демократию энтузиазма в их борьбе за единую Россию, так как они отняли у них веру в свободную Россию.

В настоящее время Россия может возродиться лишь ме-

ханически, при помощи вооруженных сил союзников, так как теперь мы не можем рассчитывать на нашу собственную армию, которую временное правительство создало с таким трудом и такой любовью.

Таково в настоящее время положение дел в России с демократической точки зрения. Я убежден, что демократия будет снова, как прежде, бороться с ее основным врагом — большевизмом, но она будет вынуждена бороться также и против правительства авантюристов и большевиков справа, каким является в действительности правительство Колчака.

Как должны действовать союзные демократии, чтобы помочь России? Я снова утверждаю, что для дела возрождения России помощь союзных демократий чрезвычайно существенна и в высшей степени желательна. Россия ждет этой помощи с доверием, но союзные демократии должны дать себе отчет в том, что одна техническая помощь, т. е. посылка одних войск, припасов и военного снаряжения Колчаку будет при настоящих условиях помощью русской политической реакции. Поэтому я не думаю, что будет вмешательством во внутренние дела России, если союзники, в особенности Америка и ее благородный президент Вильсон, определят условия, при которых помощь может быть оказана: таким условием является восстановление в России порядка, порядка права и справедливости вместо режима притеснений, порядка демократии, а не реакции; при этом воля русского народа не должна быть разрушена.

Еще недавно союзники заявили, что неперменным условием мира с Германией является уничтожение кайзеризма, который является угрозой миру и демократии. Я убежден, что в настоящее время союзники не будут помогать созданию в России угрозы для демократии и для мира. Больше того, они должны помочь этой демократии, истощенной гражданской войной, восстановить нарушенный закон и порядок и возродить свободную Россию.

Я верю в свободную демократию Америки, которая всегда питала глубокую симпатию к русской демократии. Я верю в силы русского народа, как бы ни были они в настоящее время истощены. И, несмотря на ужасное настоящее, я продолжаю верить в светлое будущее России.

Правда о неправде.

(Письмо в редакцию „Общего Дела“) ¹⁾.

Немало лжи и глупостей было написано о партийности и негосударственности избранного в Уфе временного всеросс. правительства. Еще больше, вероятно, было об этом сказано. Делают это либо по неведению, либо ради определенных политических соображений. И сейчас, в настоящей статье, я вовсе не собираюсь открывать борьбу с теми, кто к этой борьбе был прикосновенен. Я заинтересован только в восстановлении истины и, восстанавливая ее, апеллирую ко всем участникам и свидетелям описываемых событий. Я не только убежден, но я знаю наверное, что все беспристрастные люди, свидетели и участники этих событий, независимо от их собственных политических взглядов, полностью подтвердят правильность моих показаний, которые будут носить исключительно фактический характер.

Как известно, на Государственном совещании в Уфе 22 сентября было единогласно избрано временное всероссийское правительство в следующем составе: Н. И. Астров (член партии к.-д.), Н. Д. Авксентьев (член партии с.-р.), ген. В. Г. Болдырев (беспартийный), П. В. Вологодский (беспартийный), Н. В. Чайковский (член н.-с. партии). Одновременно на том же Совещании к ним были избраны заместители—к каждому свой—в лице: В. А. Виноградова (член партии к.-д.), А. А. Аргунова (член партии соц.-рев.), генерала М. В. Алексева (беспартийный), проф. В. В. Сапожникова (беспартийный), В. М. Зензинова (член партии соц.-рев.). Ввиду отсутствия в Уфе некоторых избранных лиц, правительство начало функционировать в составе Авксентьева, Болдырева, Виноградова, Зензинова и Сапожникова; через несколько недель Сапожников в правительстве заменил вернувшийся с Дальнего Востока

¹⁾ Из кн. „Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года“. Сборник документов. Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919 г.

Вологодский. В таком составе правительство и оставалось до самого дня его свержения, т.-е. до 18 ноября.

При обсуждении кандидатур, равно и при самых выборах партийность намеченных лиц, конечно, принималась во внимание на-ряду с другими их качествами и особенностями, но это делалось, так сказать, неофициально. О каком бы то ни было партийном представительстве здесь не могло быть и речи—этот момент единодушно подчеркивался всеми участниками Уфимского совещания. Мало того, в согласительной комиссии—в этой лаборатории, в которой протекла вся основная работа Совещания—были официально оглашены представителями партий обязательства, согласно которым ни одна из политических партий, члены которых войдут в правительство, не имеет права их отзывать отсюда, не имеет права оказывать на них воздействие, не имеет права требовать у них отчета в их действиях. Члены правительства по воле всех участников Уфимского совещания должны были быть совершенно свободны и независимы в своей деятельности. Такие заявления, здесь же запротокопированные, были сделаны М. Я. Гендельманом от имени партии с.-р., Л. А. Кролем от имени партии к.-д. и С. Ф. Знаменским от имени партии н.-с. Вошедшие в правительство члены различных политических партий выразили готовность в случае надобности на время своего пребывания в правительстве выйти из партий, но по решению согласительной комиссии такого требования к ним предъявлено не было, и совещание удовлетворилось теми формальными заявлениями от партий, о которых я упомянул выше.

Таковы были действительные отношения между политическими партиями и теми членами их, которые вошли в состав правительства. Это не значило, конечно, что правительство принципиально оставалось глухим ко всему, что делалось в политических партиях и организациях,—это было бы политикой странной и недалеконвидной, ибо нельзя отгородиться от тех настроений, которые в стране существуют и выражены организованным общественным мнением. Это не значило также и того, что вошедшим в правительство членам различных политических партий было запрещено сноситься с их партийными единомышленниками и организациями. Правительство всегда охотно выслушивало все мнения, соображения и предложения, которые считали нужным довести до его сведения различные организации. Отдельные члены правительства принимали делегации от кооперативных организаций, от торгово-промышленных организаций, от Союза возрождения,

от различных политических партий—как социалистических, так и несоциалистических. Вологодский постоянно докладывал нам о настроениях сибирского правительства, которое выражало вполне определенное политическое течение, с другой стороны, Авксентьев и Зензинов сообщали о настроениях среди партии социалистов-революционеров, а Виноградов—о партии конституционалистов-демократов. И при этом нередко В. А. Виноградов рассказывал нам о заседаниях омской группы партии к.-д., на которых он сам присутствовал. Это, конечно, не откажется подтвердить член Центр. Комитета партии к.-д. В. Н. Пепеляев, который тогда в этих заседаниях участвовал. И я до сих пор продолжаю думать, что мы тогда поступали правильно, ибо не может правительство жить в безвоздушном пространстве, оно, наоборот, обязано прислушиваться к мнению всех политических партий и с ними считаться.

В своем официальном сообщении от 30 января правительство Колчака, между прочим, ставит мне в вину, что мною будто бы «был представлен Комитету (центральному) доклад о деятельности всероссийского правительства». Правда же заключается в том, что мною было написано частное письмо к некоторым членам центрального комитета, копия которого была захвачена у меня на дому во время разгрома моей квартиры офицерами Колчака. В этом письме я описывал ту тяжелую политическую обстановку, в которой приходилось работать правительству в Омске, и резко нападал на те противогосударственные течения справа и слева, которые старались на нас воздействовать. И единственно, чего я сейчас в связи с сообщением об этом «докладе» хотел, это—чтобы то письмо мое было немедленно опубликовано полностью. Тогда все убедились бы сами в степени «партийности» членов правительства...

Немало слов было в свое время сказано, и, кажется, это продолжают говорить до сих пор, о противогосударственности некоторых членов всероссийского правительства в деле организации армии. Был даже официально брошен упрек, что некоторые члены правительства старались создать «партийную армию», едва ли не с выборными комитетами и пр. В действительности же суровая дисциплина (без всяких выборных комитетов и даже с применением смертной казни) существовала во всех войсках, на которые опиралось правительство. Больше того, надо сказать, что еще до образования всероссийского правительства на уфимском Государственном Сопещании эта суровая дисциплина существовала решительно во всех армиях местных правительств, которые вели борьбу с

большевиками. Она существовала в одинаковой степени в народной армии Комитета членов Учредительного Собрания (Самара), в Сибирской армии сибирского правительства, среди всех казачьих войск и среди Башкирского войска, словом, среди всех тех армий, которые после образования временного всероссийского правительства составили единую армию этого правительства.

После образования в Уфе временного всероссийского правительства вся постановка военного дела была поручена члену этого правительства генералу Болдыреву, бывшему командующему пятой армией, человеку, далекому от каких бы то ни было партий. Правительству принадлежало общее руководство политикой, что же касается армии, то ни правительство в его целом, ни отдельные члены его не вмешивались в работу генерала Болдырева, назначенного на другой же день после образования правительства верховным главнокомандующим. У генерала Болдырева были свои взгляды на постановку военного дела: так, например, он отрицал целесообразность в армии политической культурно-просветительной работы, полагая, что всякая политическая работа среди армии действует на нее разлагающе. И когда от группы лиц было сделано правительству предложение об организации при армии культурно-просветительного отдела, генерал Болдырев ответил на это предложение решительным отказом; этот отказ был затем подкреплен и правительством. Уже одно это достаточно говорит, насколько были лишены всякого основания обвинения, что кто-либо из членов правительства старался создать «партийную армию». Когда в январе текущего года мы беседовали об этом в Японии с генералом Болдыревым, которого правительство Колчака заставило, как и нас, покинуть пределы Сибири, он с большим негодованием отзывался на эти упреки.

И это было вполне понятно: по нашей внутренней конституции именно он отвечал за армию, и, когда обвиняли кого-нибудь из членов правительства в попытках создать «партийную армию»,—это значило, что обвиняли именно его.

Теперь я перейду к главнейшему пункту, вокруг которого вращаются все обвинения в «партийности» некоторых членов всероссийского правительства, к так называемой «прокламации» центрального комитета партии с.-р. от 22 октября, которая оказалась таким удобным предлогом для оправдания произведенного в Омске переворота.

В последних числах октября заведывавший Всероссийским телеграфным агентством А. А. Минин принес мне полученную им от своих корреспондентов телеграмму из Уфы. В этой телеграмме подробно передавалось «Обращение

центр. комитета партии с.-р. к партийным организациям». В «Обращении» этом, прежде всего, давалась характеристика общего политического положения и отмечались проявления реакции в Сибири—преследование рабочих организаций, развитие в Сибири атаманщины и т. д. Далее указывалось на то, что политика временного всероссийского правительства страдает нерешительностью в борьбе с этими реакционными веяниями, но при этом центр. ком. подчеркивал, что он остается верен заключенному в Уфе соглашению и призывает всех членов партии к всемерной поддержке избранного в Уфе правительства. Вместе с тем, ввиду несомненного нарастания реакции, он призывает всех членов партии к вооружению, чтобы быть готовыми дать реакции действительный отпор. Ознакомившись с содержанием этого обращения, я тут же отдал распоряжение А. А. Минину ни в коем случае этого документа не опубликовывать, ибо мне казалось по меньшей мере бестактным призывать к поддержке правительства, подвергая его действия критике, а призыв к вооружению, от какой бы партии он ни исходил, я считал недопустимым. Затем я сообщил о сделанном мною распоряжении Н. Д. Авксентьеву, который его вполне одобрил.

В первых числах ноября в Омске начали говорить о том, что ЦК партии соц.-рев. выпустил какое-то воззвание, в котором едва ли не призывает всех к восстанию. Оказалось, что «Обращение ЦК» получило-таки распространение и разошлось шире партийных кругов, но вместе с тем выяснилось чрезвычайно любопытное обстоятельство: распространяли это воззвание исключительно правые круги. Удалось, например, установить, что какой-то доброволец из правых кругов размножил это «Обращение» во многих экземплярах и распространил по городу. Наконец, по поводу этого же документа в местной омской правой газете «Заря» (которая по какому-то смешному недоразумению именовала себя социалистической) была помещена огромная передовица. И наконец, к председателю правительства Н. Д. Авксентьеву явился английский генерал Нокс, который заявил протест против «прокламации ЦК», грозил, что при таких условиях правительство не может рассчитывать на помощь союзников, и на всякий случай посоветовал расстрелять Чернова.

На все это непрощенное вмешательство английского генерала в нашу внутреннюю политику он, конечно, получил от Н. Д. Авксентьева должный отпор.

Таким образом при содействии правых кругов дело о «прокламации ЦК» принимало большие размеры,—оно обратило на себя внимание гораздо большее, чем вообще

того заслуживало. Ввиду этого я по собственному почину вызвал из Екатеринбурга к прямому проводу членов центр. комитета М. Я. Гендельмана и Ф. Ф. Федоровича (к тому времени ЦК из Уфы перебрался в Екатеринбург) и просил их передать центральному комитету мое и Авксентьева мнение о совершенной недопустимости подобного рода обращений. При этом самое обращение подвергнуто было мною очень резкой критике с указанием на те печальные последствия, которые подобные акты ЦК могут иметь,—я имел в виду визит генерала Нокса к Н. Д. Авксентьеву. Текст этого разговора, записанный моим секретарем, находился в портфеле, взятом у меня на квартире офицерами Колчака, и таким образом правительству Колчака должно быть точно известно действительное отношение Авксентьева и мое к обращению ЦК. Кроме того, уже после нашего ареста Колчаком я обращал внимание министра юстиции правительства Колчака г. Старынкевича на этот мой разговор. И тем не менее, еще в январе правительство Колчака продолжало утверждать, что мы двое «находились в плену у ЦК», что «прокламация ЦК не получила должного действительного отпора со стороны директории». В это же приблизительно время Н. Д. Авксентьев из разговора по прямому проводу с Н. П. Огановским в Екатеринбурге, которого правительство приглашало занять пост товарища министра земледелия, узнал, что в Екатеринбурге «Обращение ЦК» было предметом обсуждения съезда членов Учредительного Собрания, при чем голоса разделились следующим образом: 22 голоса за, 10—против и 10 заняли промежуточную позицию, соглашаясь с общей оценкой политического положения, данного в «Обращении», но считая бестактным его опубликование; наконец, трое воздержались. Таким образом абсолютного большинства съезда членов Учредительного Собрания «Обращение» не получило, и была выработана согласительная резолюция—в противоположность утверждению правительства Колчака.

5 ноября на заседание правительства П. В. Вологодский доставил «Обращение ЦК». До сих пор никто из нас его в полном виде не имел и даже не сумел достать (предъявленная мне А. А. Миным телеграмма представляла из себя только выдержки из этого документа). На обсуждение правительства было поставлено это «Обращение»...

Вологодский и генерал Болдырев высказались за немедленный арест центр. комитета. Кроме того, Вологодский лично мне поставил вопрос об этом «Обращении», так как ему было известно, что до вхождения моего в правительство я был членом центрального комитета: «спрашивал ли у вас

ЦК разрешения на выпуск подобного рода обращения и что вы имеете в виду сказать по поводу моего предложения об аресте ЦК?».

Я ответил на это, что, во-первых, считаю деятельность всех политических партий совершенно независимой от деятельности правительства, и потому мне представляется странным вопрос о моем разрешении, а, во-вторых, что касается требования об аресте ЦК, то полагаю, что в этом должны разобраться судебные власти. И если судебные власти установят противогосударственность действий ЦК и членов партии с.-р., то я выскажусь не только за арест ЦК, но и всех членов партии соц.-рев., но при одном условии,—если одновременно будут также арестованы и все виновные в противогосударственных деяниях справа, вроде, например, офицеров, певших на-днях в Красноярске и Омске «Боже, царя храни» при официальных встречах союзников. К моей точке зрения вполне присоединились Н. Д. Авксентьев и В. А. Виноградов. Правительство постановило начать против ЦК судебное расследование, поручив это дело генерал-прокурору, т.-е. министру юстиции Старынкевичу.

Через несколько дней, когда мы, возвращаясь с заседания, ехали в одном автомобиле—Авксентьев, Старынкевич и я,—мною был задан вопрос Старынкевичу, в каком положении находится это дело. Он мне буквально ответил следующее: «все это дело раздуто, и, повидимому, никакого состава преступления в «Обращении ЦК» найдено не будет».

Добавлю, наконец, последний штрих: когда генерал Болдырев накануне самого переворота выезжал на фронт, он задал Н. Д. Авксентьеву вопрос, вправе ли будет он принимать на фронте суровые меры, до расстрела включительно, против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций? Н. Д. Авксентьев ответил ему на это утвердительно, и его ответ затем единогласно подтвердили все остальные члены правительства.

Такова правда о партийности и противогосударственности временного всероссийского правительства. Что же касается той легенды, которая об этом распространялась, то она придумана была позднее и, конечно, только для того, чтобы оправдать произведенный переворот.

„Общее Дело“ 22 апреля 1919 г.,
Париж.

В застенках Колчака ¹⁾.

Дорогой N. N!

Политическую информацию, сведения о настроениях в России вы узнаете из других наших писем и документов. Я хочу поделиться с вами личными моими переживаниями и наблюдениями с того момента, как нас так тихо и ловко разлучили на вашей омской квартире, тем более, что на переживаниях и наблюдениях этих отразились характерные особенности сибирской действительности после событий 18 ноября прошлого года.

В эту памятную ночь, помните, вас, как большое начальство, посадили на автомобиль и увезли. Нас, как «шпану», вывели на улицу, окружили пешими и конными красильниковскими молодцами и повели тихой, заснувшей Атамановской. «Finita»,—шепчет мне Михаил Яковлевич (Гендельман). На всякий случай я рву все бумаги и бумажки, которые удастся незаметно извлечь из карманов. А всевозможных бумажек в карманах было множество, ибо я приготовился на другой день ехать в Екатеринбург. Привели в штаб-квартиру Красильникова. Нас, штатских, проводят прямо к начальнику штаба отряда капитану Герке. Начинается опрос. Разные бумажки в карманах и бумажнике, с одной стороны, с другой стороны, мне много лет приходилось жить по фальшивым паспортам, умереть хотелось под своим именем, да и лгать перед этой сволочью не хотелось, и я назвал себя своим именем.

— Вас-то нам и надо!—ядовито улыбаясь, заявил Герке.

Автор—член ЦК эсеров и член Учредит. Собрания. В ночь на 18 ноября 1918 г. (число колчаковского переворота) он был арестован в Омске вместе с членами директории Авксентьевым и Зензиновым, несколько месяцев просидел в тюрьмах, 21 марта 1919 года был освобожден и затем выехал за границу. В Париже эсерами в 1920 г. опубликовано отдельной брошюрой под заглавием: „В застенках Колчака. Голос из Сибири“ частное письмо Ракова, адресованное, очевидно, Роговскому, в квартире которого и были арестованы, вместе с хозяином ее, названные члены директории. Мы помещаем здесь полностью письмо Ракова, рисующее невероятные ужасы колчаковского режима и издевательства его над своими политическими врагами. *Сост.*

— Ну и великолепно!—буркнул я и отошел в сторону, надеясь улучшить минуту, чтобы расправиться со своими бумажками. Проходит полчаса, час,—нас не обыскивают. Я тогда снял с себя пальто, постлал его на пол в темном уголку, лег и начал серьезную работу со всякими записками, письмами, расписками, тщательно уложенными в карманах и бумажнике. Я их рвал, мял, жевал до тех пор, пока не очистился окончательно, покурил и заснул. Проспал, должно быть, часа полтора, два. Начало светать. Помещение, рядом с нами и отделенное от нас решетчатой перегородкой, наполняется солдатами и офицерами. Пришел сам Красильников. Из его разговоров по телефону узнаем, что начальником гарнизона г. Омска назначен Волков. Приходит какой-то офицер, вытягивается перед Красильниковым и по-солдатски четко докладывает ему подробности благополучно оконченной операции против отряда Роговского.

Отряд был разоружен и арестован почти без выстрела. Тут же мы узнаем, что капитан Калинин со своими адъютантами куда-то скрылся. «Слава богу!»—думаю я.

— Что вы сделали или сделаете с арестованными членами директории?—спрашивает кто-то из нас.

— Предадут военно-полевому суду.

— За что?

— За бездействие власти,—отвечает ехидный капитан Герке. Нас всех мучил вопрос, куда увезли вас. Мы прислушивались тщательно к разговорам солдат и офицеров. Порой казалось, что вы сидите где-то близко от нас, может быть, в соседней комнате. Слышим команду—приготовить пулеметы. Входит сам Красильников, вежливо раскланивается с нами и заявляет, что сейчас всех нас отпустят. Но правде сказать, я это понял в том смысле, что с нами сейчас покончат. Оказалось, что минут через двадцать приносят членам архангельского правительства бумажки, где говорится, что они были случайно арестованы и освобождены, при чем Красильников даже извинился за эту случайность. Те требуют возвратить отнятые револьверы. Отдают оружие, за исключением одного револьвера, который успел исчезнуть.—И вам выдать такое же удостоверение?—обращается Герке к Михаилу Яковлевичу (Гендельман, член ЦК партии с.р.).—Да, пожалуйста,—заявляет тот, как ни в чем не бывало. Приносят бумажку. Молча мы прощаемся. Я остаюсь один. Проходит час-два, нет у меня сигарет, хочется курить смертельно.—Когда же вы закончите мое дело?—спрашиваю я капитана Герке.—Сию минуту!—бросает юркий капитан. Опять проходит часа два. Приходит, наконец, Герке и заявляет:

Вас сейчас отведут в комендантское управление. Там вас скорее отпустят!»—ехидно добавляет он. В сопровождении двух офицеров, вооруженных бомбами, револьверами, винтовками, ведут меня в комендантское управление. Дорогой присматриваюсь, нельзя ли бежать?—Безнадежно.

В комендантском управлении, когда ушли конвоиры, принявший меня комендантский адъютант вскрыл присланный со мной пакет, прочитал и развел руками.—Как вы попали сюда?—спрашивает он.—Что значит «как»? Привели,—недоумеваю я.—А вы знаете, что оттуда не приводят,—заметил он, указывая на бумажку Красильникова. Когда он прицеплял эту бумажку на стенной крючок для текущих бумаг, я успел прочитать, что меня препроводили в комендантское управление в распоряжение начальника гарнизона полковника Волкова, о чем последнему и следовало донести немедленно.—Покамест я вас отправлю на гауптвахту!—смущенно сказал адъютант.

На гауптвахту меня повел один стражник, вооруженный только револьвером. Когда мы вышли на двор, инстинктивно стал искать удобного места, чтобы сбежать, хотя города я совершенно не знаю, куда бежать,—тоже не представляю. Вышли со двора в какой-то темный переулочек. Прохожих нет, по бокам низкие одноэтажные домики. Иду, оглядываюсь, высматриваю. Наконец, попадается низкий забор, отделенный от домов переулком. Мы сворачиваем в этот переулочек. Решаю прыгать через забор и бежать.— Вот и гауптвахта!—неожиданно обращается ко мне стражник. Оказалось, что тот сравнительно низкий забор, через который я уже собирался прыгать, окружал двор для склада дров для гарнизонной гауптвахты. Хорош бы был побег!

Посадили в камеру, где сидели два прапорщика и три казачьих урядника. Разговорились. Тут я узнал, что Колчак объявил себя верховным правителем, что Авксентьев, Зензинов, Роговский расстреляны в Загородной Роще отрядом Красильникова. Вы поймете, как это на меня подействовало. Я один в руках тех, кто вас расстрелял, конец всему длинному, тяжелому, кровавому заволжско-сибирскому предприятию.—Кончено!—неволью вспомнил слова Михаила Яковлевича.

Вряд ли можно словами передать то, что мне пришлось пережить за эту ночь. Я ложился на нары, вставал, ходил, садился, опять ложился. На душе сделалось как-то просто пусто. Мысль никак не могла оторваться от Загородной Рощи, морозной ночи, от пьяных, озверевших лиц красильниковских молодцов, которые с остервенением издеваются над вами, одиночными, безоружными, беспомощными. На

другой день, уже после обеда, я вышел из камеры за водой и неожиданно встретил в коридоре... жену Аргунова. Оказывается, она пришла навестить мичмана, секретаря Аргунова. От нее я узнал, что все вы живы, вас перевезли на квартиру Авксентьева, что союзники уверили ее, что ручаются за вашу жизнь, что вас, вероятно, вышлют за границу. На душе полегчало. Аргунова ушла, купила мне табак, чаю, сахару, съестного, передала все это мне через караул. Я ее же попросил сообщить товарищам мой новый адрес.

Вечером на гауптвахту привели какого-то пьяного офицера и посадили в мою камеру, а меня, как штатского, перевели в солдатскую камеру. Новая камера оказалась не чем иным, как «холодной», назначенной для вытрезвления буйствующих пьяных солдат и офицеров. Печей в ней нет. Решетчатой перегородкой она отделена от коридора, где расположены уборные. При адском холоде был еще чрезвычайно душистый воздух, настолько душистый, что мы время от времени просили караульных начальников, чтобы они выводили нас подышать чистым воздухом в общий коридор гауптвахты. Все имущество мое состояло из пальто и фуражки. Утешение было одно, что некоторые из моих невольных сожителей имели вместо ватного пальто одну холодную шинель. Товарищей по камере всего было тридцать человек. То были солдаты народной армии, посаженные за дезертирство, казаки, попавшие сюда «по красному делу», т. е. за пьяное буйство с кровопролитием. Так сплел неделю, другую. Никаких вестей с воли нет, и начальство меня не тревожит, но проявляет по отношению ко мне одну странность. Проверка на гауптвахте бывает два раза: при смене караула в час дня и часов в шесть вечера. Между 9 и 11 часами караульные начальники специально стали спрашивать о «состоянии моего здоровья». Я невольно заметил, что после первой такой специфической проверки солдаты, сожители мои по камере, как-то особенно, с испугом стали поглядывать на меня и относиться ко мне с подчеркнутой заботливостью. Выяснилось, что на гауптвахте уже было установленным правилом, что тех, для кого устраивается подобная проверка, обычно дня через два-три куда-то уводят и расстреливали. В холодной камере стало еще холоднее и душнее.

Из отряда Анненкова привели двух высеченных раскаленными шомполами крестьян и одного железнодорожного рабочего. Они наравне со мной также удостоились специфической ночной проверки и через неделю приблизительно исчезли: где-то на берегу Иртыша их расстреляли. Правда, продолжало подтверждаться фактами на моих глазах.

Связи с внешним миром не было никакой, хотя установить такую связь ничего не стоило, если бы вне был хотя бы один предприимчивый товарищ. Я сидел без теплой одежды, без белья, жестоко страдал от холода, грязи и насекомых всех родов и видов, которых было здесь так много, как нигде, хотя я на своем веку побывал во многих русских тюрьмах и этажах. Наконец удалось жене товарища М., с большим для себя риском, добиться свидания со мной, но снабдить меня теплой одеждой и бельем она не могла, так как купить что-либо в этом роде в Омске было чрезвычайно трудно, а мой багаж, оставшийся в гостинице, где я жил, «утерялся». От нее я узнал о комедии суда над атаманами, что «товарищ» Старынкевич опубликовал новую редакцию 102 статьи, по которой принадлежность к организациям, имеющим целью «потрясать» основы существующего порядка, «карается смертной казнью». Явилась надежда, что меня не потащут в Загородную Рошу, а будут судить по вновь отредактированной статье.

После первого свидания с М. стало лучше, стали выяснять в правительственных кругах возможные для меня перспективы. Принял горячее участие В. А. Виноградов (член директории). Но ему открыто сказали, что я состою в распоряжении военных властей, и никто ничего для облегчения моей участи сделать не может. Стали доходить до меня слухи, что в Екатеринбурге все учредители арестованы, Чернов и его друзья убиты, что в Уфе тоже все перебиты. Узнал я, что в омскую тюрьму привезено человек 20 «учредителей», в том числе Веденяпин. Никто ничего достоверного не знал, слухами лишь сгущались краски. В это время на гауптвахту привели Павловского, которого арестовали где-то в Красноярске. В чем его обвиняли, я до сих пор не знаю. Просидел он всего 21 день. Сидел он в офицерской камере, имел постоянные, сравнительно свободные сообщения с волей. Но и ему не удалось узнать достоверно, что случилось в Екатеринбурге, в Уфе, кого привезли в омскую тюрьму. Лишь потом, после событий 22 декабря, удалось узнать с достоверностью, что в омской тюрьме сидели Павлов, Лотошников, Девятов, Филипповский, Нестеров и др.

Приблизительно числа 17—18 декабря меня вместе с сидевшими на гауптвахте солдатами перевели на гауптвахту 1-го Сибирского стрелкового полка. Это отдельный домик, против гарнизонного собрания, что по улице Достоевского. Вы, как сибиряк, может быть, помните топографию «омской крепости». Эта гауптвахта доселе была необитаема. Лишь за несколько часов до нашего прихода там затопили печи. Я до сих пор без ужаса не могу вспомнить этой гаупт-

вахты. Камера имела аршина 4 в длину и столько же в ширину. Маленькое окно, сделанное у самого потолка, покрылось столь густым слоем льда и снега, что совершенно не пропускало света; ламп никаких не было; приходилось и день и ночь сидеть в полной темноте. На грязные нары поместилось семь человек; лежать можно было лишь на боку, и то с большим трудом. Уборной не было; вывалили под караулом прямо на двор. Главное, не доставало воды не только для умыванья, но и для питья. Сплошь и рядом приходилось в котелок набирать снегу на дворе и растаивать его в печке; вы представите, что за питье получалось, если вспомните, что двор вместе с тем служил нам и уборной. Через караульных солдат, через стражников, которые приводили к нам новых арестованных, мы догадывались, что в городе произошло что-то страшное и серьезное. Я написал на старую гарнизонную гауптвахту к Павловскому записку с просьбой позондировать почву о возможности моего перевода на старое место и сообщить, что случилось. Получилось коротенькое извещение об убийстве Фомина, Девятова, Маевского и др. с решительным советом мне «сидеть и молчать». Я сидел и молчал. Приблизительно накануне Нового года пришла ко мне на свидание М. Меня поразило то обстоятельство, что она, человек «видавший виды», при виде меня заплакала. Оказывается, никто на воле не думал, что я после событий 22 декабря остался в живых. Она и рассказала мне впервые об этих событиях. Я постараюсь сообщить вам, что мне потом в тюрьме и на воле удалось узнать из источников достоверных об этих кошмарных событиях.

В ночь на 22 декабря большевики с группой солдат, человек в 300, с несколькими офицерами, перерезав телеграфные и телефонные провода, подошли к областной тюрьме, вошли в караульное помещение, обезоружили военный караул в 35 человек, связали караульного офицера, потребовали ключи и вошли внутрь. Все это было сделано быстро и без выстрела. Стража внутри тюрьмы опешила, сдала ключи и оружие. Сидевшие в тюрьме комиссары, с Михельсоном во главе, взяли на себя руководство операциями. Начали освобождать «политических» и прежде всего—большевиков и красногвардейцев. К этому времени туда из Уфы было привезено много членов Учредительного Собрания и служащих уфимского совета управляющих ведомствами. Среди них были: Н. Иванов, Ф. Федорович, Павлов, Лотошников, Фомин, Подвицкий, Филипповский, Нестеров, Девятов, Маевский, Кириенко, секретарь Комуца (т.-е. комитета членов Учредительного Собрания) Николаев, старик Барсов, Владыкин, Сперанский, Локотов

и др., фамилий которых я или не знал, или теперь уже забыл. Часть наших стала обсуждать, следует или не следует покидать тюрьму. Большевики торопили с выходом. Солдаты по наивности говорили «учредителям»; чтобы те шли в казармы и образовывали власть. Наконец все вышли. Чуваши сейчас же отправились на квартиру к знакомому Павлов, Лотошников, Подвицкий и еще несколько человек отправились на квартиры кооператоров-возрожденцев. Положение остальных становилось критическим. Большевистский отряд отправился на Куломзино. Начало светать, в городе поднялась тревога, показались патрули казаков. Наши всей толпой двинулись в дом «Земля и Воля», что на углу Гасфортовской и Второго Взвода. Владыкина, у которого большая нога, пришлось нести на руках. С огромным риском прошли мимо патрулей, спрятались в подвальном этаже указанного дома. Как вы, вероятно, помните, неподалеку от него квартирует штаб отряда Красильникова. Оттуда заметили наших. В «Земле и Воле» произведен был обыск, но, к счастью, красильниковцы не догадались заглянуть в подвал; однако у дверей эсеровского помещения поставили часового. Был трескучий мороз. Солдату должно быть, надоело стоять и он ушел; наши воспользовались этим и вышли из подвала; большинству через местных партийных товарищей удалось найти временные помещения, но многим не удалось и этого, они собрались на квартире М., которая, несомненно, находилась под наблюдением, так как М. была единственным человеком, который имел со мною связь. Был издан приказ в течение дня всем бежавшим из тюрьмы вернуться обратно в нее, при чем гарантировалась безнаказанность за уход из тюрьмы. Те же, кто в течение дня не вернется в тюрьму или к коменданту, будут расстреляны на месте поимки, при чем хозяева квартир, где будут найдены бежавшие, будут преданы военно-полевому прифронтовому суду. Федорович, Иванов, Нестеров, Филипповский, Сперанский, Владыкин решили не подчиняться приказу и приняли меры, чтобы скрыться из Омска. Другие, как Локотов, не имели ни паспортов, ни денег, ни квартиры; как ни тяжело им было, они решили вернуться в тюрьму. Другие, как Павлов, Лотошников, Подвицкий и др., вернулись сознательно, не желая избегать суда законной власти; с другой стороны, кооператоры, после переговоров с военными властями, уверяли их, что за самый побег из тюрьмы, как побег невольный, никто не будет, согласно опубликованному приказу, так или иначе караться. Тюрьма приняла их радушно и спокойно; сами они стали понемногу успокаиваться. Приблизительно часов в 11 или 12 ночи в тюрьму явился воин-

ский отряд. Нила Фомина, Ив. Ив. Девятова, Барсова, Маевского, Кириенко, Локотова, Сарова, служащего уфимской земской управы (фамилии не помню; знаю только, что он старый приятель Подвицкого по Смоленску, человек, к политике никакого отношения не имевший ¹⁾), Брудерера, интернационалиста Фон-Мекка и бывшего начальника красноярской тюрьмы вызвали в контору, заявив, что пришел конвой, чтобы вести их в военно-полевой суд. В тюремной книге в получении этих арестантов расписался капитан Рубцов ²⁾, бывший тогда начальником унтер-офицерской школы и вскоре получивший чин подполковника. Военский отряд приехал за ними на грузовом автомобиле омского комендантского управления. Установлено также, что Маевского, Кириенко, Девятова и др. привезли в здание омского гарнизонного собрания, где помещается прифронтный военно-полевой суд. Фон-Мекка, правда, не довезли до места, не утерпели и расстреляли дорогой, прямо на улице г. Омска. Остальные просто пропали. У многих из них в Омск прибыли за ними жены. На другой день подняли тревогу. Никто не мог сказать, куда девались увезенные из тюрьмы. Софья Ивановна Девятова подняла на ноги всех кооператоров, прокуратуру, чешского и американского консулов. Генерал Стефанек предъявил Колчаку ультимативное требование немедленно освободить всех членов Учредительного Собрания и служащих уфимского правительства по поименному списку, при этом представленному. Все немедленно были не только освобождены, но получили возможность легально жить. Логошников поступил в Центросоюз, Подвицкий—в Центросибирь, Павлов—врачом в шадринском земстве, Николаев получил место мирового судьи во Владивостоке.

Никто не напомнил Стефанеку ³⁾ меня внести в список освобождаемых. Когда М., после свидания со мной, убедившись, что я продолжаю еще жить, бросилась к чехам с просьбой освободить меня, то удивились: 1) что я сижу, 2) что никто не сказал обо мне Стефанеку, и заявили, что теперь, пожалуй, поздно хлопотать обо мне, ибо Стефанек уехал, говорить с Колчаком об одном лице теперь, после освобождения остальных, неудобно. И в то время, когда жены убитых товарищей день и ночь разыскивали в сибирских снегах их трупы, я продолжал мучительное

¹⁾ Лассау.

²⁾ Кап. Рубцов взял только двоих: Девятова и Кириенко и расписался в приеме их в комендантском автомобиле. Других увезли другие офицеры, без записок.

³⁾ Стефанеку было указано специально о Ракове, но он, должно быть, позабыл.

свое сидение, не ведая, какой ужас творится за стенами гауптвахты. Разыскивать трупы убитых было чрезвычайно трудно еще и потому, что убитых, в связи с событиями 22 декабря, было бесконечное множество, во всяком случае не меньше 1500 человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие; сами большевики и освобожденные ими комиссары спаслись благополучно.

Омск просто замер от ужаса. Боялись выходить на улицу, встречаться друг с другом. Естественно, что добиться каких-либо сведений об убитых товарищах при таких условиях представлялось делом почти невозможным. После долгих бесплодных поисков, случайно удалось за казармами 1-го Сибирского стрелкового полка, на обрывистом берегу Иртыша, наткнуться на три безобразно скорчившихся обледенелых трупа. Они были так изуродованы, что невозможно было узнать. Стали бродить по берегу, копать снег, нашли еще несколько таких же изуродованных трупов в позах чудовищных. По бороде узнали Фомина, Брудерер был так изуродован, что жена никак не могла узнать его, пока не показали метки на его окровавленной рубашке. Трупов Девятова и Сарова, однако, здесь не нашли.

В это время, по настоянию совзников, было назначено судебное расследование по делу «учредителей». Дело поручили казанской прокуратуре. В силу просто прошлой своей связи с Комучем (комитетом Учредительного Собрания) и его работниками, они дали Софье Ивановне разрешение на раскопку могил в Загородной Роще, конечно, в присутствии чинов судебного ведомства. Могил там огромное число. Разрыли несколько таких могил с сотнями трупов: Ив. Ив. и Сарова не нашли. Наконец, разыскали могилу расстрелянного конвоя, который охранял тюрьму в ночь, когда было сделано на нее большевистское нападение. Судьба этих несчастных солдат исключительно трагична. Утром 22 декабря их, уже обезоруженных большевиками, отряд унтер-офицерской школы арестовал и вместе со связанным большевиками же офицером—караульным начальником отвел в казармы на предмет предания суду. Последнему, очевидно, было не до них; ночью на 23 декабря приказано было весь этот конвой, в количестве 35 человек, отвести до суда в тюрьму. Когда их привели в тюрьму, то начальник последней заявил, что в тюрьме нет мест, что завтра часть уголовных он переведет в арестный дом и тогда примет и этот конвой, а покамест попросил их отвести его обратно в казарму. Красильниковы

или анненковцы по-своему решили его судьбу. Вместо того, чтобы вести солдат обратно в казармы, они направились с ними в Загородную Рощу и там расстреляли; благо от тюрьмы до Загородной Рощи расстояние небольшое. Все это были молодые, недавно мобилизованные солдаты, никакого отношения к большевистскому заговору не имевшие. Вот среди этих-то молодых солдат оказался изуродованный труп Ивана Ивановича Девятова.

Трупа Сарова так и не нашли.

Мне потом на гарнизонной гауптвахте пришлось сидеть с тем начальником красноярской тюрьмы, который был взят отрядом Рубцова из тюрьмы вместе с нашими товарищами и возвращен обратно уже из гарнизонного собрания, а потом, как офицер, переведен на гарнизонную гауптвахту. На той же гауптвахте вместе со мной сидел капитан Крашенинников, сын известного сенатора Крашенинникова, имевший непосредственное отношение и к этим убийствам и к убийству Б. Н. Моисеенко. В омской тюрьме я сидел с Сперанским, который вел нелегальное, негласное расследование этого дела. Затем, в бытность мою в Иркутске, я получил из достоверного безусловно источника кое-какие сведения по тому же вопросу. В общем, рисуется следующая картина. Существует монархическая, строго конспиративная организация. Она имеет свои разветвления повсюду: за границей, в Советской России, в колчаковской, у Деникина. К ней примыкает высшее кадровое офицерство, видные деятели союза русского народа и бывшие люди самодержавной бюрократии. Организация эта чрезвычайно сильна, располагает огромными денежными средствами. В Сибири ее органом была газета «Русская армия». Там ее агенты занимали видные посты, главным образом в военном ведомстве. Нелегальная ее организация в Омске именовалась Михайловским обществом охоты и рыболовства. Между прочим, в эту организацию входят: ген. Розанов и теперешний его сподвижник капитан Крашенинников, генералы Лебедев, Белов, Иванов-Ринов, Дутов, Красильников, Анненков, Семенов, Калмыков и другие. Фактически в Сибири власть находится в ее руках. Колчак и его правительство просто марионетки. Почти все деятели «Союза землевладельцев» также входят в состав этой организации. В своей тактике монархическая организация ни перед чем не останавливается. В ее руках такая реальная, серьезная сила, как офицерство. Ее агенты убили Новоселова. Как были наивны те, кто думал через комиссию Аргунова найти виновников этого убийства! В числе прочих своих задач монархисты решили «физически уничтожить» всех членов Учредительного Со-

брания. Им кажется, что эти «учредители», оставаясь сильными, будут постоянной угрозой той власти, которая формируется по их указаниям. И первой их жертвой стал Б. Н. Моисеенко. Они его схватили приблизительно в шесть часов вечера того дня, который вы, вероятно, лучше меня помните, близ Коммерческого клуба и отвезли на одну из офицерских квартир, повидимому, на квартиру капитана Крашенинникова. Там стали допытываться от него, где находится касса съезда членов Учредительного Собрания. Его поведение можно предугадать всем, кто хоть немного знал этого честнейшего и благороднейшего из людей. Тогда его стали пытать. Пытка продолжалась часов шесть—семь. Наконец его, измученного, просто задушили, а групп бросили в Иртыш. История короткая, но сколько в ней ужаса!

Та же организация пыталась перебить всех «учредителей» в Екатеринбурге, но помешали чехи. Хотя Гайда в результате чешского вмешательства и гарантировал неприкосновенность «учредителей», но все-таки исключение официально, на бумаге, сделал для В. М. Чертова. Последний на той же бумаге, возвращенной после отобрания подписи в прочтении, написал благодарность Гайде за то, что не он дарует ему жизнь. Наконец монархисты ревниво воспользовались событиями 22 декабря и под шумок ликвидировать «учредителей», сидевших в узниках. Лишь по совершенно случайным причинам в тюрьму прибыл один грузовой автомобиль, а не два; поэтому погибли не все, а лишь первая порция «учредителей». Самое убийство представляет картину настолько дикую и страшную, что трудно о ней говорить даже людям, выдавшим немало ужасов и в прошлом и в настоящем. Несчастных раздели, оставили лишь в одном белье; убийцам, очевидно, понадобились их одежды. Били всеми родами оружия, за исключением артиллерии; били прикладами, кололи штыками, рубили шашками, стреляли в них из винтовок и револьверов. При казни присутствовали не только исполнители, но также и зрители. На глазах этой публики Н. Фомину нанесли 13 ран, из которых лишь две огнестрельных. Ему, еще живому, шашками пытались отрубить руки, но шашки повидимому были тупые; получились глубокие раны на плечах и подмышками. Мне трудно, тяжело и теперь описывать, как мучили, издевались, пытали наших товарищей. Я ограничусь только этими штрихами. Их вполне достаточно, чтобы понять, что за страшная оргия разыгралась в ту ужасную ночь на берегу Иртыша, на расстоянии меньше версты от того дома, где обитал верховный правитель. Убийство совершено не без ведома высших властей. Участники убийства остались не только безнаказанными, но получили по-

вышения. Чины казанской прокуратуры, которым было поручено расследовать дело, в частной беседе с одним из наших товарищей открыто сознались, что они встретили в своей работе непреодолимое препятствие в лице военных властей.

Вы можете представить, что я переживал, когда на гауптвахте М. потом рассказала вкратце эту страшную историю. В памяти у меня осталось одно: в ту минуту я всеми фибрами души и тела жалел, что я не был вместе с убитыми, что какая-то проклятая случайность на некоторое, может быть, на короткое время спасла мне жизнь. Я целыми днями лежал на грязных нарах, в темной холодной камере, не пил, не ел. Но «положение обязывает». Солдаты встретились моим состоянием. Надо было крепиться. Подуторамесячное сидение в холодных, сырых и темных камерах давало себя знать: открылся сильный кашель, обнаружилось приступы малярии, во время которых температура поднималась выше сорока; приходил военный врач, мерил температуру, тыкал грязным пальцем в грудь, дал два порошка хины, — тем и ограничилось мое лечение. Впереди ожидало меня нечто худшее.

В первых числах января меня повели под усиленным караулом на гарнизонную гауптвахту. В конвойной комнате сидело человек пять офицеров; по лицам я узнал некоторых из них: то были красильниковцы, я целую первую ночь их наблюдал в штабе Красильникова. Меня провели в комнату караульного начальника. Там ожидал меня жандармский офицер с погонами подполковника и пресловутыми аксельбантами. Он назвал себя помощником начальника отдела государственной охраны, показал мандат, где красовалась подпись Пепеляева. Как потом я узнал, омский комендант направил мое дело к начальнику гарнизона; тот, спустя некоторое время, переправил его члену омской судебной палаты Брюхатову, которому Старынкевич поручил вести следствие по делу уфимского комитета П. С. Р. за воззвание, которое, как вы помните, было выпущено в Екатеринбург в мое отсутствие. Брюхатов не нашел состава преступления и возвратил дело начальнику гарнизона. Последний направил его министру внутренних дел, а тот передал меня охране, спречь Пепеляеву. Но новый жандарм из старых начал допрос несколько необычно. Он прежде всего заявил, что я не Раков, а крупный большевистский комиссар, а потому я должен считаться со всеми последствиями, отсюда вытекающими. Когда он увидел, что этот маневр на меня никакого впечатления не произвел, он стал рассказывать о печальных событиях 22 декабря, напомнил судьбу Фомина, Девятова и др., присовокупив, что меня

может ожидать нечто худшее. Долго он говорил на эту тему, я молчал, потому что мне нечего было говорить, да говорить я и не мог, так как от простуды или обострившегося катарра горла, которым я продолжаю страдать и теперь, я совершенно потерял голос. Наконец жандарм кончил, вошел конвой, и меня отправили на старое место. Я недоумевал, но темные смутные предчувствия закопошились в глубине души. Я не спал всю ночь.

Дня через два меня опять повели на гарнизонную гауптвахту. Та же картина, тот же жандармский подполковник, низкорослый, бритый, с выученными, стеклянными глазами, с грязными ногтями на руках. Вся фигура его отчетливо говорила, что человек—с тяжелого похмелья после нескольких дней жесточайшего пьянства. Опять тот же тон, та же речь. Выведенный из терпения, он предложил мне написать, кто я.. Писать я отказался, но прошипел внятно и твердо все свои преступные титулы. Тогда он, долго разговаривая, подходя издали, наконец от имени Пепеляева, предложил мне не что иное, как сотрудничество в пепеляевской охране. Я не могу передать, что я пережил, перечувствовал в эту минуту. Я весь задрожал, зашипел, вскочил с места, как ужаленный. Тогда жандарм снова внятно и отдельно повторил свое предложение. Но повидимому со мной творилось нечто такое странное, что вошел конвой, и меня водворили на старое место. Все это так потрясло меня, что мои сокамерники с ужасом и удивлением осматривали меня и боязливо спрашивали, за что меня высékли. Очевидно, мое лицо напоминало им лица тех, кто приходил после красильниковской или ашненковской порки.

Дня два я лежал неподвижно на нарах. И теперь, когда я вам пишу об этом, невольно начинаю волноваться. Худшего, более тяжелого оскорбления, чем то, которое мне тогда было сделано именем Пепеляева, нельзя придумать.

Пришла на свидание М. Мой вид поразил ее. Я рассказал ей все. Она сейчас же поехала к Виноградову. Тот, возмущенный, сейчас же по телефону просит Пепеляева немедленно назначить свидание и поехал к нему с решительным требованием прекратить издевательства надо мной, освободить меня под его поручительство, под поручительство омских общественных деятелей, под какой угодно залог. Ведь вы знаете, что Пепеляев товарищ Виноградова по государственной думе и по ЦК кадетской партии. По словам М., Виноградов возвратился от этого своего товарища взволнованный до крайности, безнадежно махал рукой и не мог иначе в присутствии других называть его, как «сволочью».

Вскоре совершенно неожиданно меня перевели на гарнизонную гауптвахту и посадили вместе с П. Дело объяснилось чрезвычайно просто. На гауптвахте караул, которому подчинялась и гауптвахта 1-го стрелкового полка, где я сидел, сменяется ежедневно. Режим зачастую определяется просто личными качествами караульного начальника. Очень часто караульными начальниками были анненковские или красильниковские офицеры; тогда нашему брату приходилось плохо. На этот раз караульным начальником оказался бывший народный учитель Семиреченской области. Парень простой, с «учредительским» настроением, к тому же любил выпить. П. и другой товарищ, прапорщик К., воспользовались этим, с его разрешения обзавелись водкой, подпоили его и под шумок сказали ему, чтобы он перевел меня с гауптвахты 1-го Сибирского стрелкового полка на гарнизонную. Узнавши, кто я, тот сейчас же послал за мной конвоиров. Я очутился со своими. Но прапорщик выпил слишком много и в пьяном виде за какую-то дерзость хватил по уху пришедшего к нему по служебным делам стражника комендантского управления. Получился скандал. Несчастного прапорщика сейчас же посадили на 30 суток на гауптвахту. Его солдаты сменились и ушли, а он остался с нами. На гарнизонную гауптвахту я попал в сравнительно хорошую камеру, в среду своих товарищей, жуткое настроение мое понемногу стало смягчаться. Нужно было целую неделю отмываться, чтобы очиститься от того слоя копоти и грязи, который накопился за время сидения моего на полковой гауптвахте. П. вскоре освободили. Это улучшило наше положение. П. стал бегать по союзническим консульствам, вопиять, делать шум вокруг моего имени. К нам привели офицера Мурашкина, с которым мы оказались старинными знакомыми. Привели еще Дворжеца—появилась масса новых сведений. Свидания запретили, но благодаря связям с арестованными офицерами мы постоянно переписывались с волей, получали газеты; П., благодаря старому знакомству с караульными начальниками, которые периодически повторялись раза два, пробирался на гауптвахту, целыми часами просиживал в нашей камере. Приступы малярии, благодаря усиленному употреблению хины в сухой камере, прекратились, но зато усилился кашель, в мокроте показалась кровь, побелело горло. У меня во время этих скитаний после 1915 года обнаружился туберкулез, но тогда удалось уехать на юг Франции в Montpellier, и легкие быстро зарубцовались. Теперь видимо процесс возобновился. Товарищи встревожились.

Ввиду полной безнадежности легального освобождения,

стали думать о побеге. Вскоре представился совершенно исключительный случай. На военных гауптвахтах исстари установился обычай: на честное слово арестованных офицеров караульные начальники на свой риск и страх отпускают домой на вечер, иногда на всю ночь. Я решился воспользоваться этим обычаем. Смущало одно обстоятельство, что может пострадать ни в чем неповинный караульный начальник. Навел справки. Оказалось, что с омской гауптвахты так уже бежало немало людей; караульные начальники отделялись или выговором от начальства или недельным арестом на той же гауптвахте. Смущаться было нечем. Я запасся паспортом. Прапорщик К., свой человек, стал проситься у караульного начальника на его честное слово отпустить на 2 часа его и меня. Его он отпустил, но меня не решился. Тогда другой офицер, сожитель по камере, горячий колчаковец и монархист, обратился к караульному начальнику с просьбой, чтобы тот дал мне отпуск в город, под охраной его и К. Караульный начальник согласился. Все втроем направились в квартиру П. Дорогой я убедил К. от П. моего добровольца-конвоира увести куда-нибудь часа на полтора, на два. Так и сделали. Мы остались вдвоем с П. Пришли Дедусенко, Колосов. Я предложил воспользоваться случаем и скрыться. После некоторого обсуждения, стало ясным, что это неудобно. Просидели мы так часа два совершенно одни, ночью. В передней застучали шпоры моих попутчиков-офицеров. Пришлось идти назад на гауптвахту.

Через неделю П. пришел ко мне с новым планом побега: через баню. План был сложный, требовалось тщательное знакомство с баней, большая ловкость. Главное, меня не пускали в баню. План побега был смел до наивности. Изучивши тщательно этот план, я решил, что глупо попадаться при попытке к побегу, просто не к лицу. От этого плана я отказался; стал выискивать пути, чтобы использовать первое средство побега. Главное, необходимо было, чтобы в городе была верная квартира и лошади, которые могли бы меня увести. Омск был терроризован. Все избегали его, как зачумленного. Все партийные товарищи или попрятались, или разъехались. Но все же, с помощью М., дело стало налаживаться и наладилось настолько, что я считал, что к началу февраля я сумею уйти.

Но тут случилось неожиданное для меня событие. Виноградов через М. ранее передал мне, что с гауптвахты меня никуда не переведут, так как этому противятся военные власти. Я дорожил этим, потому что на гарнизонной гауптвахте теперь мне жилось уже легче. Планы мои разрушены были опять кровавыми событиями 1 февраля. Со-

бытия эти носили какой-то темный, провокационный характер. Ночью на 1 февраля человека три или четыре, вооруженные бомбами и револьверами, ворвались в помещение одной из рот омского гарнизона. Раздалась команда одеваться, брать винтовки и выходить на двор. Солдаты опешили, испугались, часть стала хватать винтовки и выбегать на двор, часть просто попряталась под нары. Неизвестные подошли к комнате, где спало трое офицеров, и открыли по последним стрельбу—все трое офицеров оказались ранеными. Выстрелы вызвали суматоху в соседних ротах. Неизвестные скрылись. В то же время было брошено несколько бомб в городе, в офицерское общежитие; там также было ранено несколько офицеров. В городе поднялась тревога. У нас на гауптвахте удвоили караул, принесли винтовки, чтобы ими вооружить арестованных офицеров, чтобы они могли оборониться в случае неприятельского нападения. Мы ночь провели тревожно. Если большевики,—а предполагалось а priori, что начинается большевистское восстание,—нападут на гауптвахту, то нас, т.е. прежде всего меня, ликвидируют изнутри. На утро пришел дежурный по караулу и во всеуслышание рассказал, что восстание ликвидировано, арестовали человек тридцать, между прочим, двух женщин, привели в казармы, раздели донага и отдали офицерам на избиение. Так как ночью было покушение на офицеров, то они били арестованных с особенным остервенением. Потом бросили полумертвых в холодную комнату.—Теперь, вероятно, их уже расстреляли?—спросил кто-то из толпы.—Нет, мы еще их пытаем,—добавил рассказчик,—и будем пытаться до тех пор, пока они не выдадут главных заговорщиков. Опять запахло средневековой инквизицией. Третьего февраля караульный пачальник получил от коменданта распоряжение отправить меня в тюрьму. Начинается новая полоса моих мытарств.

Тюрьма меня приняла сравнительно приветливо. Дежурный помощник начальника тюрьмы, бывший начальник сызранской милиции в эпоху Комуча (Комитета членов Учредительного Собрания), обыскал меня поверхностно и по моей просьбе отправил меня в «учредительскую» камеру, т.е. в камеру, где сидели эсеры. Там я нашел И. А. Цыгановатова, А. Сперанского, сибиряка Савина, начальника милиции Акмолинской области Першачева, служащего агитационного отдела Комуча Сучкова, курьера ЦК, прапорщика, фамилии которого я теперь не помню. В той же камере сидели два полууголовных и один латыш, которого товарищи в шутку прозвали комиссаром. На первый взгляд обычная тюремная обстановка. Лишь изредка со двора доносятся ружейные выстрелы. Оказывается, военный караул откры-

вает стрельбу по всякому, кто полезет открывать форточку, подойдет к окну. Накануне была так убита наповал женщина уголовная. Затем я узнал еще неприятную новость— в тюрьме свирепствует тиф. Тюрьма рассчитана на 250 человек, а в мое время там сидело больше тысячи. Почва для тифа исключительно благоприятная. В первый день моего пребывания в тюрьме с нашего пересыльного коридора вынесли 19 человек, заболевших тифом. В подвальном этаже всегда лежало трупов 30—40: тюремная администрация просто не успевала хоронить умирающих. Главное население тюрьмы—большевистские комиссары всех родов и видов, красногвардейцы, солдаты, офицеры,—все за прифронтовым военно-полевым судом, все люди, ждущие смертных приговоров. Атмосфера напряжена до крайности. Особенно удручающее впечатление производили солдаты, арестованные за участие в большевистском восстании 22 декабря. Все это молодые сибирские крестьянские парни, никакого отношения ни к большевикам, ни к большевизму не имеющие. Тюремная обстановка, близость неминуемой смерти сделала из них ходячих мертвецов с темными землистыми лицами. Вся эта масса все-таки ждет спасения от новых большевистских восстаний. Естественно, что всякие, даже самые неопределенные намеки на близость такого восстания у измученной солдатской массы вызывают сильное возбуждение, воскрешают надежды. Усиливаются на дворе ружейные выстрелы—им кажется, что на тюрьму наступают большевики, начинают готовиться к их встрече. Попала в тюрьму большевистская прокламация, призывающая рабочих и солдат к восстанию. Заволновалась большевистско-красноармейская и солдатская масса. Решили примкнуть к восстанию; стали запасаться поленьями, кирпичами, чтобы в случае надобности ударить в тыл неприятелю. Между тем, в тюрьме сидело много провокаторов, агентов охраны и военного контроля. Наши попытки образумить, успокоить массу, доказать всю опасность такого поведения ни к чему не приводили. Спокойнее других держались уголовные: им грозила каторга, но не было призрака смертной казни. Но вот военно-полевой суд приговорил к смертной казни пятерых уголовных. До двух часов ночи мы писали им в разные инстанции законные и незаконные прошения о помиловании. На рассвете их расстреляли. Пришла в напряжение и уголовная шпана. Вы представляете, в какой атмосфере пришлось нам сидеть. К смертной казни приговаривали пачками по 30—50 человек, расстреливали 5—10 за день. Некоторым по месяцу, по два приходилось ждать исполнения приговора. Смертная казнь стала для тюремных обитателей столь обычным явлением, что тюрьма

спала, когда уводили осужденных на казнь. Сидеть приходилось с людьми, которые от пережитых страданий стали полусумасшедшими. Вот с нами в камере сидит латыш, которого мы в шутку прозвали комиссаром. Он не большевик и никогда большевиком не был. Его специальность — птицеводство. Он и теперь мечтает поехать на Кавказ и заняться там разведением страусов. При советской власти его невеста поступила на омский вокзал кассиршей. Чтобы быть ближе к невесте, он поступил офицером железнодорожной милиции. После свержения советской власти его арестовали, но через несколько дней освободили. После колчаковского переворота его снова арестовали, но 22 декабря большевики его освободили. Недели две он спокойно прожил у своей невесты. Его вновь арестовали анненковцы. Привели в свой штаб. Там «начальство» приказало ему выдать «сорок горячих». Несчастный юноша выдержал 17 ударов и потерял сознание. Пришел в себя. Лежит на полу, а над ним болтается приготовленная уже петля. Ищет что-нибудь покончить с собой. Нашел осколок стекла, стал резать руку, чтобы перерезать вену. Снова теряет сознание. Приходит в себя утром. Весь окровавленный. Даже анненковцы не решились его повесить, а отправили в тюрьму. Он целыми днями лежит, страдает головокружениями. Рядом с моей одиночкой, в которую меня потом засадили, сидит железнодорожный рабочий Медведев, с большим горлом, куда вставлена была серебряная трубочка. Нужно сказать, что в колчаковщине всякий рабочий — непременно большевик и злостный заговорщик. Шел этот Медведев с товарищам по улице Омска. Неожиданно налетели красильниковцы, арестовали и «прямым сообщением» направились в Загородную Рошу. Рабочих там пустили вперед, взяли ружья на прицел, раздался залп. Или пуля пролетела мимо Медведева, или он упал раньше залпа, только на земле он очутился не раненым. Красильниковцы стали добывать мертвых штыками. Медведеву штыком разорвали горло и удалились. Несчастный с невероятными усилиями добрался до городской больницы. Недели через две узнали красильниковцы, что он спасся, потребовали, чтобы власти перевели его, как «опасного большевика», в тюрьму. Медведев очутился в тюрьме и при мне числится за военно-полевым судом. Трудно вообразить, что представлял из себя этот Медведев. Однако суд приговорил его к смертной казни. Я привел эти два случая, чтобы охарактеризовать хоть немного ту обстановку, в которой нам приходилось жить.

Из простой камеры нас, «учредителей», т.-е. эсеров, перевели в сравнительно просторную шк о л у - к а м е р у, посадили к нам человека четыре меньшевиков и поручили

привести в порядок тюремную библиотеку. Так прожил я приблизительно десять дней в своей среде. В один прекрасный день, часа в два, когда мы «отдыхали» после обеда, загремел замок камеры, на пороге показалась фигура того маленького, плюгавого, полупьяного жандармского подполковника, с которым мне уже приходилось иметь дело. За ним вошла толпа охранников, тюремного начальства, надзирателей. Желая натравить по невежеству моих сокамерников на меня, он стал извиняться перед ними за беспокойство, указывая на меня, как на единственного виновника несчастия.

Товарищи из моих рассказов знали уже этого подполковника, беспокойно настрожились, стали подвигаться ближе ко мне. Но жандарм быстро обыскал их и поодиночке выпроводил в коридор под охраной надзирателей. Остался я один. Меня раздели донага, произвели настолько тщательный и бесстыдный обыск, что я сейчас не решаюсь описывать детали его.—Где деньги?—вопил жандарм, измываясь надо мной, поскольку позволяло его жандармское остроумие. В кармане тужурки нашли случайно там застрявшую трещницу, три порошка хины. Меня отвели в тюремную контору. Обыск длился часа два. Там перерыли все, вспоролы тюфяки, подушки, пересмотрели всю тюремную библиотеку; искали денег, которых не было. Наконец, вся эта орда спустилась ко мне. Меня с жандармом затворили в кабинете начальника тюрьмы. Здесь он со всяческими уговорами, запугиваниями повторил свое гнусное предложение. Я молча дрожал от негодования. Жандарм опять вывел меня в контору.

— В камеру его!—наконец прошипел он.—Я этого мерзавца с ума сведу!—слышал я, уходя, окруженный недоумевающими надзирателями. Жандарм забрал хранившиеся в конторе деньги, запретил какую бы то ни было выписку и передачу на мое имя и приказал запереть меня в одиночку для «абсолютной» изоляции. Нужно заметить, что как ни было терроризовано тюремное начальство, но перед «учредителями» оно как-то пасовало, начиная от начальника и кончая надзирателями. Ни от кого мы не слышали грубого слова, нам разрешались вольности, каких не разрешали другим. Надзиратели охотно, при первой возможности, относили с большим риском для себя наши письма на волю, покупали табак, приносили для нас денег от наших друзей. Во время обысков отбирали у нас ножи, карты, а через час помощник начальника тайком от своих надзирателей возвращал нам все обратно. В тюрьму мы на законном основании выписывали все омские газеты.

После жандармского налета мой авторитет в глазах тюремной стражи как-то поднялся еще выше. Товарищи снабдили меня табаком и пищей и поздно вечером торжественно проводили в одиночку, в которой раньше сидел товарищ Локотов, «убиенный» 22 декабря. Одиночка была в этом же этаже, но в другом коридоре, в коридоре «смертников», хотя смертники имелись в достаточном количестве и в других коридорах. В одиночке я подвергся сугубому надзору: почти ежедневно, помимо обычной поверки, о моем здоровье справлялся сам начальник тюрьмы. После перевода в одиночку, и надзирательская, и арестантская масса стала смотреть на меня, как на обреченного. Дня три—четыре я был изолирован от своих. Наконец они умудрились испортить ватер на своем коридоре. Я выбил глазок в двери камеры, получил возможность разговаривать мимолетами с товарищами, получать от них газеты. Затем надзиратели стали выпускать и меня в уборную в тот момент, когда приходили мои друзья; мы стали забираться в мою одиночку, беседовали по получасу и более. Надзирательский состав был новый, текучий. Среди надзирателей были «большевики», «эсеры», но не было стражников колчаковского режима, никто не верил в долговечность его. И ко мне, как единственному в тюрьме члену Учредительного Собрания, относились порой трогательно. Самым плохим надзирателем был как-раз солдат из прежнего охранного отряда. Ночью, в беседе со мной через глазок, он сознался, что стоял на часах у вашей квартиры в момент нашего ареста, за «хорошее поведение» получил от Красильникова десять тысяч «раковками», прожил их и поступил в тюрьму, чтобы не идти на фронт.

Камера моя оказалась холодной, сырой, с атмосферой той уборной, которая была расположена против нее. Меня мучила малярия, душил по ночам кашель, болело горло; от усиленного употребления хины я стал глухнуть; тюремный врач осмотрел меня и открыто заявил, что у меня возобновился туберкулезный процесс в легких. Я настолько уже ослабел, что принужден был отказаться от прогулки. Товарищи, особенно А. Сперанский, стали беспокоиться за меня, усиленно бомбардировали «волю» тревожными письмами, но оттуда кроме М. некому было откликнуться. Стали подумывать о побеге, хотя военный солдатский караул был заменен уже казачьим.

Среди надзирателей была целая группа бывших чинов сызранской милиции времени Комуча; ребята все хорошие. Они осторожно намекнули Сперанскому, что, пожалуй, сумеют меня вывести из тюрьмы. Дело требовало большой осторожности и чрезвычайной конспирации; естественно,

что оно двигалось вперед чрезвычайно медленно; главное, требовало значительной суммы денег и хорошей организации на воле.

В это время меня неожиданно вызывают в контору. Там ожидал меня чиновник особых поручений департамента государственной охраны, Миролюбский, бывший сызранский городской судья. Он развернул книгу и стал читать «Протоколы правления омского профессионального союза работников печатного дела», протоколы резко большевистского содержания. Потом он показал мне подписи членов правления, где была, между прочим, подпись «А. Раков». — «Это не ваша подпись?» — спросил он меня. Я удивленно посмотрел на него. Тот смутился. — «Как не стыдно вам предъявлять мне эти подписи?» — не утерпел я. Чиновник еще более смутился и заявил, что он пришел не обвинять меня, а лишь выполнить простую следственную формальность, что он сейчас же пойдет и доложит Пепеляеву о моей полной непричастности к союзу.

Потом выяснилось следующее: благодаря неоднократным заявлениям Павловского, Вишegradова, чешский и американский дипломатические представители запросили Вологодского, почему «учредителей» выпустили, а Ракова продолжают держать в тюрьме. Вологодский ответил, что Ракова держат, как уголовного преступника, за растрату, в качестве управляющего ведомством финансов уфимского п-ва, тринадцати миллионов рублей казенных денег. Но чешский представитель великолепно знал, что эти тринадцать миллионов были израсходованы уже тогда, когда я сидел на омской гарнизонной гауптвахте. Когда это сорвалось, Вологодский на вопрос тех же консулов заметил, что Раков — член большевистского правления союза работников печатного дела, за что и предается суду. Этим объясняется посещение тюрьмы чиновником Миролюбским.

Опять потянулись темные, мрачные дни в атмосфере сплошного ужаса и смерти. Стрельба по окнам тюрьмы с приходом казаков усилилась. Казачьи офицеры для своих стрелков просто устроили спорт на жесткость, спорт, имевший своими последствиями кровавые жертвы. Тиф не ослабевал, а усиливался. Люди погибали десятками ежедневно... Но вот началось какое-то движение в наших делах; освободили меньшевиков, освободили Дворжеца. Получили мы сведения, что начнут освобождать и других. М. сообщала, что о моей судьбе будет иметь суждение совет министров, очевидно, под влиянием какой-то иноземной политики. Приблизительно в половине марта я получил записку от М. А. Лихача, которая гласила, что он с Федоровичем приехали в Омск, при чем Федорович на-

правился в Екатеринбург, а он, Лихач, остался хлопотать об облегчении моей участи. К этому времени приступы малярии усилились, температура поднималась выше сорока градусов, я терял сознание. Врач по просьбе товарищей дал заключение, что оставаться более в одиночке мне опасно; к этому же подвернулся случай, что ночью, будучи в бессознательном состоянии, я разбил у себя лампу. 20 марта на вечерней проверке начальство заявило мне, что меня решили перевести в общую камеру, к товарищам, где с их стороны будет наблюдение, хотя бы в малярийные дни, но нужно немного подождать: возможно, что меня совсем освободят.—«Откуда у вас такие сведения?»—недоверчиво спросил я. И помощник начальника тюрьмы, бывший начальник милиции г. Сызрани, сказал, что от прокурора омской судебной палаты получена бумажка освободить меня, но так как относительно меня они имеют специальную инструкцию от департамента государственной охраны, то они срочно запросили последний, следует ли исполнить поручение прокурора. В девятом часу, когда уже кончилась проверка, загремел засов моей одиночки, и меня пригласили в контору. Там начальник тюрьмы показал мне бумагу прокурора, где говорилось, что на основании 10 ст. Уст. Уг. Судопр. я подлежу немедленному освобождению.—«Сейчас придет конвой, вас отведут в милицию, откуда и освободят»,—заметил начальник. Я решительно отказался ночью идти в милицию, заявив, что нет никакой гарантии в том, что ночью отведут меня в милицию, а не на берег Иртыша, что делалось сплошь и рядом. Начальник взял с меня подписку, что я добровольно остаюсь в тюрьме, и разрешил мне провести ночь в моей одиночке. Так я поступил еще и потому, что мне не хотелось уходить из тюрьмы, не повидавшись с сидящими там товарищами. На утро я провел с ними целых три часа, благодаря любезности надзирателей, которые на свой риск и страх отвели меня в камеру друзей.

21 марта, часов в 10 утра, я простился с ними и оставил тюрьму, где все напоминало о смерти, даже стены здания и стены тюремного двора, на которых было бесчисленное количество следов от ружейных пуль на высоте немного ниже человеческого роста. Кто-то кого-то уничтожал здесь и продолжает уничтожать с поразительным бессердечием и жестокостью. По выходе из тюрьмы я встретил М., которая на извозчике издала провожала меня до самой милиции. Здесь я получил проходное свидетельство и приказание в 24 часа выехать в Томск.

Омские друзья и Лихач убедили меня, что мне в Омске нельзя легально оставаться ни одной минуты, ибо депар-

таменту государственной охраны там легче и проще расправиться со мной. Дня три я прожил в вагоне Богдана Павлу. Ввиду моей слабости, Лихач хотел отправить меня с экспрессом. Билеты стали доставать через Центросоюз, где департамент имеет особенно много своих агентов. В день отъезда экспресса туда заходил какой-то господин и допытывался, где он может видеть двух граждан, которые собирались ехать с экспрессом. Случайно мы не поехали этим экспрессом. А вечером мы узнали, что экспресс подвергся перед отправкой тщательному обыску, чего доселе не бывало. Стало быть, простой случай спас нас, может быть, от нового ареста. Пришлось нанять лошадей и выехать на станцию верст за девяносто от Омска, где с невероятными усилиями удалось попасть в теплушку военнопленных. В теплушке, рассчитанной на сорок человек, набилось пассажиров больше сотни, с трудом удавалось найти на полу место, чтобы поставить ногу. Почти трое суток мы ехали стоя. Но мы были счастливы по сравнению с теми пассажирами, которые ехали при сибирском холоде на крышах вагонов и на тормозах.

Вдоль полотна железной дороги непрерывной лентой тянулись обозы с рыбой и хлебом, с кожами. Все это отчетливо указывало, что новая власть ровно ничего не сделала, чтобы улучшить железнодорожный транспорт, наоборот, он ухудшился. До Иркутска ходила только одна пара пассажирских поездов в день, но для пассажиров в поезде отводился один, два вагона, остальные занимались офицерами, чиновниками, солдатами, военнопленными и т. п., словом, остальное отводилось под казенные надобности. За ст. Тайга в поезде стали носиться уже тревожные слухи; говорили, что дальше Красноярска поезда не идут, что Канск занят большевиками, что несколько поездов воинских и пассажирских спущено под откос большевиками. Несколько раз проверяли документы. Благополучно проехали Красноярск, Канск.

Станции за три до Тайшета поезд остановился, простоял всю ночь: говорили, что на ст. Тайшет идет бой с большевиками. Утром тронулись в путь; по бокам полотна валялись разбитые вагоны, сломанные паровозы. Прибыли на ст. Тайшет. Стреляют по лесу трехдюймовки. На станции стоит уже большой чешский отряд. Простояли часа два, двинулись дальше и почти без всяких задержек доехали до Иркутска.

Я нарочно остановился на тайшетских событиях. Они — характерный эпизод большевистских восстаний в Енисейской губ., которые не могли быть ликвидированы в течение целого полугодия. Остатки Красной армии стали неболь-

шими группами стягиваться в Енисейской тайге. Большевики постепенно их связывали друг с другом, организовывали, всяческими путями добывали оружие. Даже устроили маленький завод для литья пуль. Политика атаманов создала в крестьянской среде обстановку, благоприятную для деятельности большевиков. Большевики захватывали власть, вводили советское управление, реквизировали скот, фураж, объявляли мобилизацию и распространялись дальше, все ближе и ближе к полотну железной дороги. Был момент, когда они захватили Енисейск, угрожали Канску, подходили к самому Красноярску. Регулярные войска из мобилизованных оказались бессильными бороться с повстанцами: они разлагались, часто переходили на сторону большевиков. Послали на усмирение самого Красильникова, со всеми его молодцами. Но и он оказался бессильным. Большевики нападали на отдельные его отряды и били. В одном месте скопились настолько значительные силы повстанцев, что они разбили целый казачий полк. Сами красильниковцы, привычные лишь к грабежу и безнаказанным убийствам, десятками стали переходить на сторону повстанцев или просто по одиночке разбегаться.

Положение становилось для Колчака трагическим, налицо была реальная опасность перерыва железной дороги. На помощь пришли иноземцы: поляки, румыны, главное, чехи, которые сами были кровно заинтересованы в охране путей. Верховное руководство операциями взял на себя ген. Розанов, бывший начальник штаба ген. Болдырева; он получил неограниченные полномочия на управление всем этим районом. Началось нечто неопределимое. Розанов объявил, что за каждого убитого солдата его отряда будут неуклоно расстреливаться десять человек из сидевших в тюрьмах большевиков, которые все были объявлены заложниками. Несмотря на протесты союзников, было расстреляно 49 заложников в одной только красноярской тюрьме. Наряду с большевиками расстреливались и эсеры. Так трагически погиб канский городской голова Петров. Он умолял расстрелять его, а не вешать. Красильников галантно заявил, что в приказе генерала сказано «повесить», а не «расстрелять». Несчастный публично был повешен. Он умер со словами: «Да здравствует Учредительное Собрание!» В тюрьме воцарился неопределимый ужас. Начались самоубийства, массовые отравления заложников. Усмирение Розанов повел «японским» способом. Захваченное у большевиков селение подвергалось грабежу, мужское население или выпарывалось поголовно или расстреливалось; не щадили ни стариков, ни женщин. Наиболее подозрительные по большевизму селения просто сжигались. Естественно, что при

приближении розановских отрядов, по крайней мере мужское население разбегалось по тайге, невольно пополняя собой отряды повстанцев. Нападения на полотно железной дороги продолжались; большевики организовали отряды лыжников. Зная прекрасно местность, они незаметно подходили к полотну, портили путь и ускользали. Под откос летели воинские эшелоны, поезда с амуницией, иногда и пассажирские поезда. Движение прерывалось временами на неделю. Опасными местами поезда проходили под охраной воинских отрядов в блиндированных вагонах. Иногда большевики скоплялись значительными отрядами и делали прямые нападения на железнодорожные станции; так, например, они захватили Тайшет. Потребовались очень крупные воинские силы, чтобы очистить от партизанских отрядов хотя бы достаточно широкую придорожную полосу. Лишь весной движение в Енисейской губ. с невероятными жестокостями было подавлено. Разбойничий колчаковский режим вызвал значительные восстания в Тобольской и Томской губ., в Акмолинской и Семипалатинской областях, не говоря уже про амурский и приамурский районы. И крестьянское население этих районов, само по себе далекое от большевизма, теперь с энтузиазмом будет встречать красные войска. Про рабочих и говорить нечего. Да и трудно ожидать другого: рабочий не смел пошевелиться под страхом бессудного расстрела за малейшие пустяки; экономическая же политика пресловутой кадетской государственности держала их на границе хронического голодания. Я укажу один факт: в Омске прожиточный минимум был определен приблизительно в 420 рублей, когда зимой цена сажени березовых дров доходила до 500 рублей. Вместо восстановления народно-хозяйственной жизни, махровым цветом расцвела самая злостная спекуляция. Спекулировали все: от жандармов до министров включительно. К этому неизбежно вела правительственная экономическая политика. Единственной творческой силой в Сибири являлась кооперация, но она не пользовалась расположением власти имущих. В то время как торговопромышленники получали ссуды и субсидии без меры и счета, кооперацию обходили: ей открывали кредит сплошь и рядом при условии, если она часть имеющейся иностранной валюты уступала казне. Центросибирь просила открыть кредит в 5 миллионов рублей, чтобы закупать товары для нужд населения непосредственно на Дальнем Востоке. Министерство финансов отдало бумажкой, которая была опубликована, что кредит будет открыт при условии, что Центросибирь будет покупать товары не на Дальнем Востоке, а на местных рынках, т.е. у спекулянтов. Хищничество, грабеж, взяточничество са-

мое бесцеремонное,— вот что составляло главное содержание работы всей правительственной машины.

В области управления пресловутая государственная мудрость сибирских кадетов не пошла дальше института земских начальников. Земельная политика не на бумаге, а на деле свелась к восстановлению полностью, без ограничения власти помещиков там, где таковые когда-то были, напр., в Уфимской губернии.

Рассчитывать при этих условиях на поддержку населения, на длительное существование власть не могла. Первым не выдержал фронт. Теперь большевики беспрепятственно пройдут по всей Сибири, если только где-нибудь уже на Байкале не образуется линия нового фронта, но уже не большевистско-колчаковского, а русско-японского. Неизбежность крушения фронта была очевидна весной.

Это отлично понимали такие архи-авантюристы, как Гайда, или такие умные черносотенники, как ген. Белов. Еще весной завязался узел той трагедии, эпилог которой разыгрался недавно во Владивостоке. Сначала возник конфликт между Ставкой и Гайдой. Ставка—центр всего черносотенного, разбойничьего и бездарного офицерства. Она понемногу стала устранять с фронта относительно честное офицерство и заменяла своими, которые умели пороть крестьян и рабочих, наводняя фронт порочной, юдофобской литературой, но не умели организовать борьбу с большевистскими войсками. Чисто-военный конфликт разросся в конфликт политический. Гайда понимал, что колчаковский режим лишаст армию тыла и делает ее небоеспособной. Поэтому Гайда наряду с требованиями военно-организационного характера предъявил Колчаку и ряд требований политического характера, общий смысл которых сводился к некоторой, очень скромной демократизации тыла, так как Гайда понимал, что без этой демократизации, с одними колчаковскими атаманами, в Москву на белом коне не въедешь. В этом конфликте прямо предательскую роль сыграл И. Михайлов, или «Ванька-Каин», как его обычно зовут сибиряки. Вначале он как будто был на стороне Гайды, с заговорщическими целями ездил к нему на фронт. Но когда увидел, что Ставка сильнее Гайды, стал ретивым сотрудником Ставки. Гайда ушел в отставку, но не отказался от попытки путем восстания, военного заговора вновь выплыть на поверхность. Было ясно, что заговор этот—самая легкомысленная, темная авантюра. На стороне Гайды несколько сот демократически настроенных офицеров, с одной стороны, ген. Белов, атаман Дутов и какое-то казачье совещание—с другой. Мы и наши сибирские товарищи отнеслись к этому с решительным осуждением и предупре-

дили, что подобная авантюра при тогдашней сибирской ситуации обречена на гибель. Может быть, отдельные эсеры и снюхались с ними, но организованные эсеры наверняка ничего общего с владивостокскими событиями не имели (неудавшаяся попытка восстания в ноябре 1919 г.). Меня беспокоит теперь одно: пользуясь случаем, теперь колчаковцы начнут решительное истребление эсеров по всей своей вотчине.

Письмо мое затянулось, вряд ли хватит у вас терпения прочитать его до конца, но вы — сибирский патриот, поэтому в кратких чертах расскажу еще кое-что, что мне пришлось видеть и наблюдать уже в Иркутске, в городе, который для вас стал родным городом. Там атмосфера легче, может быть, благодаря тому, что губернатором продолжал быть Яковлев, а может быть, просто благодаря промежуточному географическому положению между Колчаком и Деникиным. Легкость атмосферы притянула туда чуть не всех сибирских эсеров. При мне как раз происходила общесибирская партийная конференция.

При мне происходили в Иркутске выборы в гор. думу. Они дали очень характерные результаты. Фигурировали три главных списка: а) союза домовладельцев, с бывшим, до революции, городским головой на первом месте; это, вернее, список союза русского народа; б) кадетский и в) социалистического блока, список, поддержанный профессиональными союзами. Свободой агитации фактически пользовались лишь первые два списка. Черносотенцы почти никакой публичной агитации не вели, зато кадеты проявили неутомимость большую. Первым прошел список черносотенный, вторым — социалистический, так что социалисты имели бы приблизительно треть мест в новой думе: лишь несколько мест получили кадеты, и Знаменское, населенное почти исключительно рабочими, целиком провело черносотенный список: рабочие бойкотировали выборы под влиянием нелегальной большевистской агитации, выразившейся всего только в выпуске одной прокламации. Выборы были кассированы, но они чрезвычайно характерны почти для всех городов Сибири. В других городах проходило больше черной сотни, меньше социалистов, но кадеты проваливались всюду. При нас же происходило губернское земское собрание. Оно было целиком эсеровским, так что управа была выбрана исключительно эсеровская. Недаром меньшевики там обозвали земство эсеровской вотчиной. Печати социалистической в Сибири нет. всюду цензура. В Иркутске цензором состоял не кто иной, как бывший до революции начальник иркутского губернского жандармского управления.

В Иркутске я отдохнул, набрался сил, успокоился немного; 12 июля мы выехали во Владивосток, 3 августа сели на пароход, два месяца были в пути. В Праге товарищи, прежде чем решить вопрос о выезде в Россию, заставили меня дней пять пролежать в университетской клинике на предмет исследования состояния моего здоровья. Здешняя знаменитость нашла мои легкие уже зарубцовавшимися, но констатировала обычный катарр горла и сильно угнетенное состояние нервной системы. В Праге мы сидим третий месяц, успели отдохнуть, отгесться и немного ожиреть. Кажется, скоро тронемся в путь, в Москву, на работу. Мы глубоко скорбим, что не удалось повидать вас, парижан. Шлю вам горячий привет с наилучшими пожеланиями. Авось еще увидимся, и при лучших условиях.

Извиняюсь, что заставил вас читать такое длинное послание, но ведь я, вероятно, уже никогда не буду писать о том, о чем так пространно пишу вам сейчас.

Жму вашу руку. Передайте привет товарищам.

Д. Раков.

Прага, 23 декабря, 1919 года.

Начало и конец Колчака ¹⁾.

1. Омск.

Выбор резиденции всероссийского временного правительства (директории) и ставки главнокомандующего имел громадное значение, и члены директории это очень хорошо понимали. В связи с убийством министра Новоселова в Омске, туда был командирован один из членов Учредительного Собрания для выяснения положения Сибири, и до его возвращения вопрос о выборе резиденции остался открытым. Когда депутат вернулся из Сибири, директория и ставка решили переехать в Екатеринбург, но позднее, когда все уже было улажено для отправки, вопрос еще раз обсуждался, и директория переехала в Омск.

Мне мотивы того и другого решения до сих пор остались непонятными. На мой вопрос ген. Болдырев ответил, что они хотели примирить оба политических направления. Екатеринбург находился слишком близко к большевистскому фронту и поэтому не мог гарантировать возможности спокойной деятельности. Но если в своем первом решении члены директории высказались за Екатеринбург, то, очевидно, они уже тогда поняли, что Омск еще меньше гарантирует спокойствие работы, хотя он находился далеко от фронта.

Директория сделала очевидную ошибку: она очень высоко оценила свой моральный вес, совсем забыв, что в таких случаях считаются только с грубой реальной силой. А в Омске в распоряжении директории не было никакой реальной силы.

Поезда для переброски ставки в Омск давал ген. Дутов, который, как и вообще оренбургское войско, был хорошо настроен в отношении директории. Самарское правительво вагонов дать не могло, ибо само должно было эвакуироваться, а сибирское правительство, хотя в его распоряжении было много свободных вагонов, отказалось их

¹⁾ Из книги „Четыре разгрома“. Перевод с латышского.

дать. Это незначительное обстоятельство ярко характеризует взаимоотношения разных политических группировок.

На пути в Омск во всех больших центрах—в Златоусте, Челябинске и Петропавловске—происходили встречи временного правительства и ставки. То же наблюдалось и в Омске в первый день приезда. Поэтому я пришел к заключению, что широкие массы Сибири и Урала доверяют новому правительству и возлагают на него большие надежды. К выгоде директории служило и то обстоятельство, что председателем ее состоял довольно популярный в Сибири Авксентьев, зато время как тесно связанные с партией Вольский и Чернов остались вне директории. И все-таки, прибыв в Омск, временное правительство фактически попало в плен сибирских военных кругов, которые, очевидно, рука об руку с представителями высшей буржуазии и за кулисами собирались восстать против директории. Эта закулисная работа в то время еще не была видна, но о ней можно было с уверенностью судить по некоторым мелким признакам, а также по враждебному отношению местных военных кругов, которые и не думали этого скрывать, очевидно, потому, что чувствовали за собой силу.

Западная Сибирь, которая уже в 1918 г. была очищена от большевиков, имела очень короткий противобольшевистский фронт в Туркестанской области, где большевики были к тому же очень слабы. Весь натиск красных удерживала Народная армия и часть чехи, и потому за их спиной Сибирь имела возможность спокойно организовать и обучать свою армию, что она и делала.

Призваны были только молодые года, которые раньше не служили в армии и потому еще не были отравлены политикой. Их обучение было поставлено на твердом основании военной дисциплины, и эти полки действительно были армией. Если бы атаманы, ставшие во главе этих полков, подчинились созданному на Уфимском совещании народному правительству, то я не сомневаюсь, что дело возрождения России на демократических началах было бы поставлено на твердую почву. Но атаманы, сознавая свою власть и совсем не считаясь с желанием народных представителей, старались навязать народу свои идеи, тем более, что наши единомышленников в тех кругах, которые группировались вокруг торгово-промышленного съезда Уфы. А так как молодая сибирская армия никак не реагировала на убийство видного министра автономного сибирского правительства Новоселова полковником Волковым по явным политическим мотивам, то сибирские атаманы почувствовали, что сила—в их руках, и открыли поход против директории тотчас же после приезда последней в Омск.

На второй день после нашего приезда в Омск мимо нас по улице прошли отряды атамана Красильникова, только что прибывшие в Омск; часть этих отрядов со штабом разместилась в одном общественном здании, предназначенном для ставки, а вторая часть заняла загородную землемерную школу. В то время никто из нас не имел ни малейшего понятия об этих войсках и об их атамане. Только спустя несколько дней, когда начальство этой части во главе со своим атаманом нашлось, устроило скандал и в своих речах оскорбляло директорию и ген. Болдырева, мы поняли, что целью этого провокационного скандала было бросить вызов ставке. Однако ген. Болдырев обнаружил большой такт и ограничился выговором атаману Красильникову, разрешив последнему самому судить своих подчиненных.

Враждебное отношение сибирских военных кругов обнаружилось как нельзя лучше при разрешении вопроса о помещении для ставки главкома и для всероссийского временного правительства. Учреждения Омска дали помещение, в котором можно было разместить только штаб дивизии. На все требования дополнительного помещения получался ответ, что больше помещений нет. Тогда начштаба главкома, ген. Розанов, поручил мне составить комиссию из представителей сибирских военных учреждений, городской управы и ставки, с широкими полномочиями. Комиссия работала три недели, и в течение всего этого времени большая часть ставки временного правительства жила в вагонах. Правда, Омск был переполнен беженцами из Европейской России, но в казенных учреждениях при желании легко можно было найти достаточно обширное помещение. Однако как только мы находили подходящие помещения, начинал работать какой-то закулисный механизм, вмешивались разные министры, и мы помещения не получали. В пятиэтажном здании омского железнодорожного управления было более 400 комнат, и легко можно было освободить пол-этажа, но, чтобы осуществить это, потребовалось вмешательство самого главнокомандующего, и только через 10 дней мы это помещение получили.

Генералу Болдыреву для частной квартиры комиссия назначила необитаемый особняк, но как только мы захотели привезти туда мебель, появилась вооруженная сила, которая по распоряжению министра снабжения не пустила нас в это здание. Характерно, что впоследствии, после низвержения директории, этот же особняк был предложен адмиралу Колчаку, который в нем и поселился.

Весьма отчетливо подчеркивалось игнорирование членов директории и главнокомандующего там, где это можно

было бы демонстрировать перед иностранцами, напр., на банкете-параде в честь приезда главнокомандующего союзными войсками ген. Жанэна. В таких случаях сибирские военные круги всеми мелочами старались показать, что только они—законные хозяева Сибири.

Все это не предвещало нам ничего хорошего, и потому я старался как можно скорее сформировать отдельную часть для охраны ставки, на которую можно было бы опереться. Но здесь я наткнулся на недоброжелательство сотрудников самой ставки. Еще в Уфе поданные на утверждение штаты войсковых штабов не были утверждены, и в ответ на свои многократные просьбы о назначении служащих я получал только обещания, которых никто не исполнял. Наконец я счел своим долгом доложить об этом ген. Болдыреву, который в довольно резкой форме приказал пом. нач. штаба удовлетворить немедленно все мои требования. Но и это не помогло. Сформированные мною еще в Уфе кадры были слишком ничтожны для того, чтобы заставить с ними считаться, как с боевой силой, ибо у нас было всего 80 стрелков и 120 офицеров. Этой маленькой группы нехватало даже для занятия всех важных постов, и поэтому, часть постов занимали солдаты омского гарнизона.

Вспоминая все те мелкие факты, которые происходили еще до 18 ноября 1918 г., т.е. до ареста членов директории, я хорошо понимаю, что это не было делом только трех человек—полковников Волкова, Катанова и атамана Красильникова, как гласило сообщение суда, ибо после этого были розданы Колчаком щедрые награды «за весьма важные услуги отечеству» трем вышеуказанным лицам, а также некоторым сотрудникам отдела контр-разведки ставки; это доказывает, что сотрудники ставки принимали активное участие в этом «путче». Кроме того, не может быть никакого сомнения в том, что активное участие принимали в этом деле также и начальствующие лица ставки: Слижиков, Сыромятников, Леонов и друг., а также комендант ставки полковник Деммерт. Неоднократно, входя к Слижинову, я видел его загадочно разговаривающим с Деммертом, который был мне подчинен. Слижиков многократно пытался принудить меня отдать часть отряда в распоряжение Деммерта. Но я на это не соглашался, так как не доверял последнему. Я думаю, что согласно основательно разработанному плану, главную активную роль в этом «путче» играл Деммерт, но так как он не имел в своем распоряжении вооруженной силы, то свою роль он передал Волкову и его компании. Нет сомнений в том, что, кроме указанных мною лиц, в деле низвержения директории большую роль играли

целая организация, а именно та, которая начала действовать в Уфе и которая по переезде в Омск так скоро объединилась с сибирскими атаманами.

Самый «путч» 18 ноября захватил нас совсем неожиданно. Я не ожидал его, потому что деятельность членов директории была все в большей и большей степени направлена к умиротворению и объединению страны. Членов Учредительного Собрания эсеров в Омск не впустили. Председатель директории Авксентьев уговорил сибирскую областную думу в Томске прекратить свою работу, и почти все министры сибирского правительства вошли в состав всероссийского временного правительства. Таким образом не оставалось никаких острых поводов к конфликтам. От ген. Болдырева я узнал, что два эсера, члена директории, собираются выйти в отставку, и потому можно было надеяться на тесное сближение трех остальных членов. Но, может быть, именно эти благоприятные условия были причиной той спешности, с которой был организован переворот, так как могли возникнуть опасения, что если директория окрепнет, то тогда уже будет гораздо труднее с ней покончить. Кроме того, пошли слухи о скором признании всероссийского временного правительства союзниками.

Около 15 ноября ген. Болдырев уехал на фронт для ознакомления на месте с его состоянием и нуждами. Так как фронт был слаб, равно как и тыл, то для охраны ген. Болдырева я назначил 80 офицеров. Оставшихся в ставке солдат нехватало даже для охраны, а потому пришлось просить подмоги со стороны омского гарнизона. Это обстоятельство сильно облегчило арест членов директории, так как их квартиры охранялись солдатами омского гарнизона, начальником которого был полковник Волков, главный инициатор переворота.

Утром 19 ноября ¹⁾ я получил от Деммерта записку, в которой он просил меня срочно явиться в штаб, так как не все в порядке. От Деммерта я узнал о произведенных ночью арестах. На мой вопрос, в ставке ли начальник штаба, Деммерт ответил, что ген. Розанов свои полномочия сдал Сыромятникову. Я вошел в кабинет Сыромятникова, где застал и Слижикова, который уже две недели тому назад был освобожден от должности пом. нач. штаба и считался в отпуску. Я знал, что после получения отпуска он выехал на фронт, но в день выезда ген. Болдырева я его встретил на вокзале.

¹⁾ Здесь, как и ниже, речь идет в действительности о дне 18, а не 19 ноября, так как переворот (арест членов директории) произошел в ночь на 18 ноября, а днем Колчак был уже провозглашен верховным правителем. *Сост.*

Нахождение Слижикова и Сыромятникова в штабе в столь ранний час свидетельствовало об их участии в перевороте и о том, что поездка Слижикова на фронт имела даже особую задачу, а именно: подготовить высшее начальство фронта к перевороту.

Я просил Сыромятникова ориентировать меня в данных событиях, но он мне ответил, что в городе и в войсках все спокойно и что он уверен в том, что больше ничего не случится. Он просил меня ни о чем не хлопотать, ибо следствие о происшедшем уже ведется. Так как в моем распоряжении не было никаких активных сил, то мне больше ничего не оставалось, как отправиться домой и выждать дальнейших событий.

На чрезвычайном заседании совета министров, которое продолжалось весь день 19 ноября, было принято постановление просить адмирала Колчака быть диктатором и принять посты верховного правителя и верховного главнокомандующего. На последнюю должность были намечены две кандидатуры: Колчак и Болдырев, но большинство было на стороне Колчака. Вопрос о том, какой пост занять Болдыреву, остался открытым до его возвращения с фронта.

Еще ранее директория назначила Колчака военным министром, но тот не успел принять этот пост, так как по приезде в Омск с Дальнего Востока* тотчас же уехал на фронт и возвратился в Омск только в день переворота. Военные и общественные круги смотрели на Колчака как на человека, который придерживается демократических принципов. Так же о нем думал и Савинков, который, уезжая во Францию, предложил мне составить список всех членов нашей московской организации и через министра Михайлова передать этот список Колчаку, если он будет назначен военным министром. Такие отзывы о Колчаке завоевали ему сторонников и давали повод думать, что он сам лично не замешан в деле 18 ноября. Но я все-таки решил дожидаться приезда генерала Болдырева, ибо официального приказа о смещении его с поста главнокомандующего не было.

Три дня спустя приехал Болдырев. На вокзале его никто не встречал, кроме железнодорожных служащих и меня. (Впоследствии я узнал, что это мне посчитали за пропуск.) Я едва успел ориентировать Болдырева о положении в Омске, как к нему подошел один из офицеров ставки и доложил, что адмирал Колчак немедленно просит Болдырева к себе.

На следующий день я опять встретился с ген. Болдыревым и узнал о результатах встречи с Колчаком, а также о впечатлениях на фронте. Для Болдырева этот переворот

был совсем неожиданным. Телеграмму о случившемся он получил в Уфе. Он мне показал копии тех телеграмм, которые он из Уфы послал Колчаку, а также и ответы последнего. Болдырев в своих телеграммах категорически требовал освобождения арестованных членов директории и восстановления их прав. Ответы Колчака были отрицательными и сопровождались ссылками на постановление министров сибирского правительства. Фронт обещал генералу Болдыреву поддержку на тот случай, если он останется на фронте и откажется слушаться приказов Омска. Но ген. Болдырев пришел к заключению, что для отечества ничего хорошего такая борьба на два фронта не принесет, и что это приведет только к победе большевиков. Поэтому он посоветовал фронтовикам слушаться Колчака и приехал в Омск. При встрече с Колчаком последний предложил Болдыреву пост по его собственному выбору, но Болдырев, ссылаясь на ответственность перед Уфимским совещанием, отказался. Спустя несколько дней Болдырев уехал в Японию, где пробыл более года. Я встретился с ним во Владивостоке в январе 1920 г., уже после падения Колчака.

Следующие два с половиною месяца я провел еще в Омске, но уже без всякой работы, ибо я мало-по-малу и незаметно был удален с поста главного коменданта ставки временного правительства. Войска было приказано передать полковнику Деммерту, канцелярию же — ликвидировать, равно как и комендатуру. А через несколько дней прибыло то пополнение для усиления охраны ставки (700 чел.), которого я безрезультатно добивался в течение двух месяцев.

Всю зиму 1918—1919 г. можно было назвать периодом укрепления власти «верховного правителя», при чем эта власть укреплялась террором и уничтожением «крамолы», с одной стороны, и созданием ореола «единоличной власти» — с другой, при чем по некоторым фактам можно было понять, что со званием «верховного правителя» вовсе не необходимо связывалась личность адмирала Колчака.

После появления Колчака во главе власти, словно по волшебству полились неудержимым потоком приветственные телеграммы. Доблесть Колчака превозносилась свыше всякой меры. Искусственность этой шумихи чувствовалась в каждой строчке приветствий, и я думаю, что если сам Колчак не был виновником ноябрьских событий, то ему эта шумиха была не очень приятна.

Я не знаю, было ли известно Колчаку, что все меры к укреплению его авторитета и власти имели и отрицательную сторону, виновником которой был полк. Деммерт и которая особенно наглядно выступала на вид в созданной им из бывших жандармов чрезвычайке, носившей благозвучное на-

звание контр-разведки ставки. Не проходило почти ни одной ночи без того, чтобы не находили на улицах Омска или на берегу Иртыша нескольких трупов неизвестно кем убитых людей, без всяких документов.

Эти трупы отправлялись для опознания на загородное кладбище, но ничего в газетах об этом не объявлялось. Так погибли четыре члена Учредительного Собрания и редактор «Воли Народа» Маевский, которых вооруженная банда в военных мундирах взяла из тюрьмы и расстреляла на берегу Иртыша. Из моих близких знакомых жертвой этих убийств пали прапорщик Набатов и вольноопределяющийся, студент Бестужев; оба они были членами «Союза защиты родины и свободы»; всех остальных членов нашей организации я зачислил в конвой, который проводил ген. Болдырева в Японию. Мы сговорились, что конвой в Омск больше не вернется. Иногда, когда я узнавал об арестах, мне некоторых из своих знакомых удавалось спасти от очевидной смерти. Характерно, что террор применялся исключительно против тех, кого больше всего возненавидели большевики, и кто боролся стойко и активно против большевизма.

Однажды десять красильниковцев напали на квартиру, в которой находилась канцелярия Западно-сибирского и Уральского латышского национального совета и где как раз в то время происходило заседание. Я также был приглашен на это заседание, где решался вопрос о формировании латышских войск. Когда я явился, красильниковцы уже заняли все входы и выходы, а трое из них начали обыск. Так как в то время я был еще главным комендантом ставки, то я приказал красильниковцам удалиться, что они и сделали.

Практиковались и другие способы уничтожения идейных противников. Однажды из Омска вдруг пропал весьма популярный в Народной армии полк. Махин. После омского «путча» его арестовали и обвинили в содействии правому крылу эсеров. Из Уфы он был привезен в Омск и освобожден. В начале декабря офицер ставки шт.-кап. Д. был вызван в ставку, где полк. Деммерт в присутствии начштаба ген. Лебедева и квартирмейстера полк. Церетели предложил Д. организовать убийство Махина, поясняя, что Махин — опасный государственный преступник, но предавать его суду нежелательно, а потому необходимо его «убрать» незаметно. На это предложение Д. ответил, что он офицер и исполнит все то, что ему прикажут.

Спустя несколько дней было организовано нападение на квартиру Махина. Ночью около 10 вооруженных солдат подъехали к квартире Махина, но встретили вооруженное сопротивление. Во время перестрелки три солдата — защит-

ники Махина—были убиты. Ворвавшись после этого в квартиру Махина, шт.-кап. Д. его все-таки не нашел. Убитые в перестрелке солдаты были спрятаны где-то во дворе ставки. Впоследствии их похоронили под видом жертв «рождественского восстания». Но полк. Махин все-таки через несколько дней был арестован, Деммерт приказал тому же шт.-кап. Д. сопроводить Махина во Владивосток и по дороге его «ликвидировать». Д. начал сомневаться в виновности Махина и, получив совет своего ротного командира не вмешиваться в это дело, подал рапорт о болезни. Тогда Деммерт дал то же поручение двум другим офицерами, но и те отговорились. Наконец подпоручик Степанов вместе с одним из агентов контр-разведки взялся за исполнение задания и поехали с Махиным во Владивосток. После возвращения Степанов рассказал товарищам, что он сдал Махина коменданту Владивостока и показывал даже расписку в приеме, но впоследствии на фронте, когда у Степанова нашли вещи Махина, Степанов сознался, что он выполнил свою задачу в Харбине, пристрелив Махина по дороге с вокзала в город, куда Махин отпра-тился, поверив уверениям Степанова, что тот его не тронет.

При таких обстоятельствах и приемах мне долго приходилось остерегаться всяких неожиданностей. Военная дисциплина, принципиально выдержанная беспартийность и абсолютное нежелание вмешиваться в политику помогли мне вернуться от больших неприятностей. Только на фронте я узнал о том, что и моя фамилия была внесена в списки тех лиц, которых необходимо по возможности «ликвидировать»,—как деликатно называли свои приемы герои банды атамана Красильникова.

Такова была та удушающая атмосфера, в которой ковалась государственная власть и авторитет ее. Теперь необходимо сказать несколько слов о том, что происходило в это время на фронте. Эти сведения мне доставлял полк. Перхуров, который поддерживал со мною постоянную связь. Он поступил в Казани на фронт и работал все время в составе корпуса ген. Каппеля, который объединял под своей командой все остатки Народной армии, боровшиеся на средне-волжском фронте. Южнее его, в направлении Самара—Оренбург, отступала Сызранская дивизия, севернее дрались Ижевская и Воткинская дивизии, а в направлении Екатеринбурга—чехи. Впоследствии, в конце октября, в боях начали участвовать отряды г. Уфы, под командой ген. Лупова, а еще южнее—уральские горные стрелки, под командой ген. Ханжина. Войска Народной армии провели пять месяцев в непрерывных боях и ввиду этого находились в весьма печальном состоянии, ибо их ничем не снабжали.

Обмундирование и обувь были изношены, патроны имелись только тогда, когда их удавалось отобрать у большевиков, медикаментов вовсе не было, жалование не выплачивалось уже по нескольку месяцев и вследствие крайнего переутомления и плохой пищи начались эпидемии тифа и цынги. На просьбы и запросы никто не давал ответа. В начале ноября ко мне явился вестовой полк. Перхурова, который привез копии с разных сообщений, поданных им в свое время. Перхуров просил меня передать все копии главнокомандующему, что я и сделал. Ген. Болдырев был очень удивлен и сказал, что ему о таких вещах никогда не сообщалось. Эти сообщения были причиной отъезда ген. Болдырева на фронт. Телеграмма о низвержении директории застала его только в Уфе.

В разговорах со мной ген. Болдырев отзывался о войсках фронта как о героях. Незначительными горстями они бесстрашно шли в бой, нагоняя страх на противника, в 3—4 раза сильнее. И такое геройство было весьма понятным, так как на фронте в то время боролись только идейные элементы. Все те политики, спекулянты и другие, кому шкурные интересы были дороже всего, дезертировали из Народной армии и жили в глубоком тылу, равно как и личности вроде «казанского героя полк. Степанова», который в свое время не исполнил приказа об эвакуации Казани, и потому добычей большевиков сделались громадные артиллерийские, интендантские и медицинские склады. Захватив с собой только золото, Степанов вместе с компанией устроился в глубоком тылу, в Новониколаевске, где жил очень широко и шумно и занимался, с одной стороны, тем, что выпускал громкие приказы, а, с другой стороны,—производил большой шум опорожненными и разбитыми бутылками, который доходил до самого Омска в виде многочисленных анекдотов. Но Народная армия до конца декабря не получала ни обмундирования ни пополнения, несмотря на все просьбы и ужасные холода. Ставка вовсе не интересовалась фронтом, ибо она занималась другими делами.

Наконец, полковник Перхуров сам явился в Омск для личных сообщений о состоянии фронта. Это было перед самым рождеством. Однако он так и не мог добиться аудиенции ни у верховного главнокомандующего, ни у начальника штаба. Каждый день он являлся в ставку в назначенное время и дежурил по нескольку часов под ряд в ожидании приема, но его каждый раз просили приходить завтра. Наконец он выпросил прием только на одну минуту, смотря по часам. Когда Перхуров зашел в кабинет нач. штаба, последний вынул часы, положил их перед собой и еще раз предложил не задерживать больше одной минуты. Перхуров

ответил, что ему хватит и полминуты, вынул два больших сообщения, положил их перед нач. штаба и сказал: Вот мои сообщения. Если через два дня я не получу удовлетворительного ответа, то приду к вам в кабинет и на ваших глазах застрелюсь! Перхуров направился к двери, но ген. Лебедев его задержал, просил сесть, и, к удивлению, у него нашлось для Перхурова полчаса времени.

Трудно сказать, были ли руководители ставки действительно так заняты или это было притворство с целью поднять престиж власти. Если же начальство штаба было занято, то возникает вопрос,—чем, если для вопросов, касающихся фронта, у него нехватало времени. Об этом остроумно высказался ген. Жанэн: «В ставке каждый прапорщик делает свою политику», и это было правильно, так как в ставке все действительно занимались только политикой.

Состав ставки остался старый. Не было только ген. Розанова и полк. Слижикова. Зато последний всегда находился вблизи ставки. Место Розанова занял ген. Лебедев, молодой полковник ген. штаба, приехавший, как говорили, от ген. Алексеева. Вступив в должность нач. штаба, он стал верным продолжателем политики полк. Слижикова. Я не ошибусь, если скажу, что секрет этой политики состоял в «ликвидации» тех лиц, которые больше всего боролись против большевиков. Так, ген. Галкин сидел без работы, заслуженный командующий армией в германской войне ген. Рычков занимал теперь ничтожную административную должность, ген. Вихирев, Попов и др. также сидели без работы.

Народная армия была обречена на гибель, и для ген. Дутова был уже заготовлен соответствующий административный пост. На должности высших командиров назначались люди без опыта и командного стажа, зато с определенной политической физиономией; таков был, напр., ген. Виттенкопф (Белов), который в конце германской войны был подполковником генштаба и, следовательно, никогда не имел под своей командой ни корпуса, ни дивизии, ни даже полка. Здесь ему сразу дали армию. Таких примеров было очень много. Нас всех, не признающих позорного Брестского мирного договора и смотревших на войну с большевиками, как на войну с Германией, очень интересовал вопрос, является ли сам Колчак непосредственным участником этой политики и в какой степени. Было много фактов, свидетельствующих о том, что Колчак совершенно не понимал происходящего вокруг него и смотрел на вещи через ту призму, какую ему подносили его ближайшие сотрудники. Получить доступ к Колчаку было почти невозможно. Когда ген. Галкину удалось подать Колчаку заявление, в котором, ссылаясь на свою деятельность, он просил предоставить ему командную

должность, то Колчак приказал дать Галкину первый же корпус, в котором освободится вакансия командира. Главари ставки стоило больших трудов выдумать для Галкина такой корпус, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Было много и других слухов, доказывавших, что адмирал вовсе незнаком с командным составом; вообще, он чувствовал себя как в лесу, в который его завели нарочно. Он был ошеломлен, когда увидел меня на празднике георгиевских кавалеров, на который я явился просто для защиты своих прав и статута, хотя все было подстроено так, чтобы меня на празднике не было. Когда адмирал меня встретил, то главари ставки должны были срочно изменить церемониал, который был уже утвержден нарочито неправильно составленным приказом. Однажды мне рассказывали, что, когда при объезде фронта Колчак узнал всю правду о башкирских полках, он начал рвать на себе волосы, ибо он сам, очевидно, на основании неправильно освещенных фактов, приказал расформировать эти полки, после чего они начали переходить к красным. Таких фактов было очень много, и потому я долго пытался объяснить его поведение затруднительным положением, в котором он очутился, так как не мог игнорировать той силы, с помощью которой он сам пришел к власти.

Ему приходилось лавировать, в надежде, что может быть в дальнейшем удастся обойтись без поддержки атаманов и изменить политический курс. Поэтому я нашел возможным работать и при этих трудных условиях, однако работы мне все же не давали. Целых три месяца меня уверяли, что я — первый кандидат на должность командира дивизии, но дальше этих уверений дело не подвигалось.

Такое объяснение психологии Колчака подтверждается и тем, что положение его было шаткое, и уже носились слухи о подготовках нового политического переворота. Одна из таких попыток была ликвидирована в самом начале, последствием чего было увольнение нескольких лиц, в том числе и полк. Сыромятникова, который принимал видное участие в низвержении директории. Вторая попытка была гораздо серьезнее и известна под названием восстания большевиков в Омске в декабре 1918 г.

Мне представилась возможность наблюдать некоторые стороны офицерской жизни. Полк. Деммерт, став начальником войск ставки, устроил несколько увеселительных вечеров в помещении офицерского общежития и туда прислал несколько ведер реквизированного спирта. На этих вечерах он объединял и сплачивал офицерство своими патристическими речами, которые спьяна говорил, и пел на мотив «боже, царя храни».

После ничтожного инцидента на одном из таких вечеров была расформирована, по инициативе Деммерта, войсковая охрана ставки, при чем у входивших в ее состав частей было насильственно отнято все имущество, включая даже посуду и самовары офицерского собрания.

Вместо расформированных частей охрана ставки была возложена на отряд «воеводы» Киселева. Нам рассказывали, что он, еще будучи матросом, спас жизнь адмиралу Колчаку и поэтому пользуется у последнего неограниченным доверием. «Воеводой» он назвал себя потому, что носил сербскую форму. Об его отряде рассказывали, что он состоит по большей части из бывших красноармейцев и разных бродяг и что все они очень широко известны своими разбоями и грабежами. Насилия и грабежи киселевцев вызывали у населения крайнее озлобление и беспокоили ставку, которая не знала, как с этим покончить, ибо о насилиях Киселева боялись говорить Колчаку. С другой стороны, боялись также и Киселева, подчиненные которого грабили не только частных людей, но и офицеров. Все эти грабежи происходили под предлогом обысков, на которые предъявлялись ордера. Ограбленные обыкновенно увозились и расстреливались. Киселев присвоил себе права самодержца, производя своих солдат в офицеры. У него была собственная следственная комиссия, и его подчиненные, как и он сам, свободно распоряжались всем достоянием и жизнью населения. После того «Русская Армия» печатала длинные объявления о ловле бежавших киселевцев, которые обвинялись в разнообразных уголовных преступлениях, начиная с убийства и кончая мелким мошенничеством. В конце концов обо всем этом министр внутренних дел сообщил Колчаку, который немедленно приказал предать суду почти половину киселевцев, а самого Киселева помиловал, приказав ему с остальной половиной отряда отправиться на фронт. Но как только такое решение Колчака стало известным, большая часть киселевцев дезертировала. Так окружавшая адмирала «камарилья» укрепляла его положение.

Такова была удушающая атмосфера в колчаковских низах. Таковы же были и верхи, но здесь грабежи были много крупнее и назывались спекуляцией. Последней занимались даже самые видные лица, как это доказало служебное дело начальника военных сообщений ген. Касаткина. Темные дела в приказах адм. Колчака были прикрыты высокими демократическими лозунгами. Между словом и делом существовала непроходимая пропасть, а на фронте это противоречие имело последствием разложение и деморализацию армии.

2. Фронт.

Всего тягостнее за пять лет войны был для меня период с ноября 1918 г. по февраль 1919 г., когда я был вынужден находиться в Омске без всяких занятий. На каждом шагу военные круги Омска давали мне понять, что мое нахождение в Омске, а также и моя работа не нужны.

В октябре 1918 г. в Омске организовался латышский национальный совет, который начал формировать латышскую военную часть. На заседаниях совета при обсуждении вопроса о формировании присутствовал и я, хотя и не официально. Совет неоднократно выражал желание, чтобы я стал во главе формируемых войск. Зная недоброжелательное отношение сибирских военных учреждений к национальным войскам вообще и к моей личности в частности, я не ожидал от такой работы ничего хорошего, но все-таки обратился за советом к главному союзных войск в Сибири ген. Жанэну. Последний, всесторонне обсудив положение в Сибири, тоже пришел к заключению, что в интересах латышей будет лучше всего, если я еще на некоторое время останусь на русской службе; он сам обещал сообщить мне, когда будет для меня возможно вступить в должность командующего вновь сформированными войсковыми частями национального совета.

В середине января 1919 г. ген. Галкин предложил мне принять участие в формировании Яицкого корпуса. Ген. Галкин всю эту зиму находился в таком же бездействии, как и я. Хотя Колчак в ответ на заявление Галкина приказал назначить его командиром корпуса на первое вакантное место, но ставка поступила иначе. Она решила сформировать Яицкий отряд на правах корпуса. Эта военная часть должна была служить связью между армиями Колчака и Деникина и действовать объединенно с уральскими казаками. Эта идея нас весьма заинтересовала.

О деникинской—бывш. алексеевской—армии у нас сложилось странное впечатление. Несмотря на то, что Деникин признал Колчака верховным правителем России, мы все время считали деникинскую армию той силой, которая будет играть главную роль в восстановлении России, ибо туда ушли все лучшие офицеры и добровольцы, которые не входили ни в какие компромиссы с большевистско-германской провокацией. Деникина, как и ген. Алексеева мы знали за патриотов со строго демократическими взглядами. Поэтому мы не предполагали, что и в его армии возможна такая же предательская политика, как в Омске.

Особенно важным нам казалось объединиться и согла-

совать свою деятельность с уральскими казаками, которые уже более года героически защищали свою территорию от вторжения большевиков. Область, населенная уральскими казаками, была единственной, в которой еще ни разу не было большевиков и в которой все-таки царил строго демократический дух.

Мы с нетерпением ждали официального приказа о формировании Яицкого корпуса, чтобы немедленно приняться за работу. Но приказа пришлось ждать целый месяц. Его множество раз переделывали, изменяли и заново редактировали, и только 12 февраля мы его получили. Но, прочитавший приказ, мы остались в недоумении, ибо в нем ни слова не было о тех войсковых частях, которые раньше были обещаны Галкину и должны были служить кадрами для формируемого корпуса. Оставлена была только созданная самим Галкиным офицерская группа из тех офицеров, которые были в его распоряжении в Самаре.

Нас поразило также и то обстоятельство, что корпус формировать было разрешено из казаков, жителей Уральской области, которых разрешалось мобилизовать по распоряжению командующего Уральской армией. Кроме того, в корпус можно было принимать жителей тех областей, которые освобождались во время движения вперед нашей армии. Разрешалось принимать и тех пленных красноармейцев, которые не сочувствовали советскому правительству. В приказе указывалось также, что в смысле снабжения корпуса не надо ожидать ничего от центральных учреждений, а все необходимые предметы снабжения приобретать в порядке военной добычи.

Этот приказ мы оценили по достоинству значительно позднее, в самую горячую пору формирования, когда выяснилось, что от командующего Уральской армией мы ничего не получим. Он не только отказался зачислить в состав корпуса одну из ранее сформированных на Урале войсковых частей, указанную в приказе ставки, но даже из всех мобилизованных на Урале казаков отдал в наше распоряжение только 400 человек. Немобилизованными на Урале остались только жители Кустанайского уезда, которых не мобилизовали из-за их большевистского уклона. Большевизм этих крестьян объяснялся долголетними классовыми противоречиями крестьян и казаков. И если даже командующий Уральской армией отказался от такого пополнения, то ясно, что и нам пришлось делать то же самое. В конце концов единственным источником, из которого можно было почерпнуть пополнение для корпуса, были военнопленные красноармейцы, которых мы и использовали до последнего, как единственную силу, не зная заранее,

насколько пригодны будут эти красноармейцы в предстоящих боях против большевиков. Я возлагал на них некоторые надежды на том основании, что во время своего путешествия из Ярославля я достаточно хорошо ознакомился с состоянием духа крестьянства. Поэтому при разделении и выборе пленных мы руководились территориальным признаком, выбирая пленных из северных, голодных губерний.

Из Омска я уехал прямо в Екатеринбург с целью организовать прием красных пленных из лагерей. Там я пробыл только несколько дней, но это время совпало с приездом Колчака в Екатеринбург с большой свитой под охраной киселевцев. Я сам был очевидцем, как на вокзале один солдат из банды Киселева заколол чешского офицера. На этот факт нужно было смотреть, как на последние той травли, которую в Сибири вели против чехов известные круги в прессе и в обществе и которая кончилась тем, что чехи категорически потребовали своего освобождения из армии Колчака. Однако впоследствии, когда чешские полки были выведены с фронта и поставлены на охрану магистральной Сибирской жел. дороги, вся черная пресса стала нападать на ген. Жанэна, как на инициатора ухода чехов.

Упорядочив в Екатеринбурге прием, разделение на эшелоны и отправление красных пленных, я выехал в Троицк, на место формирования нашего корпуса, где уже работали ген. Галкин и полк. Масло. Скоро начали приходиться один за другим эшелоны красных пленных, и нам приходилось бороться с громадными трудностями в этой ответственной работе организации, ибо у нас не было ни обмундирования, ни снаряжения.

Несмотря на наш труд в деле сортировки пленных красноармейцев и на принятые предосторожности, у нас все-таки не было гарантий того, что между ними не найдется большевистских агитаторов и комиссаров, а потому для успеха дела был необходим преданный офицерский состав. Еще до выезда из Омска мы условились со своими бывшими товарищами, что они примут участие в формировании корпуса. Мы опубликовали и в газетах приглашения своим знакомым вступить в формируемый Яицкий корпус. Эти предложения встретили сочувственный отклик, и, несмотря на многочисленные препятствия, которые создавала ставка при переводе во вновь формируемые войсковые части, нам удалось собрать около 200 офицеров, спаянных взаимным доверием и работавших по совести, а не ради жалованья.

Залог успеха работы мы видели в строгой военной дисциплине. Все это время я использовал для подготовки офицеров и для спайки их в одну дружную семью. Устроили

офицерские столовые, где ежедневно собирались офицеры для изучения и повторения регламентов. И здесь опять представилась возможность удостовериться, насколько глубоко лозунги разрухи вкоренились даже в среду офицеров. Для того, чтобы принудить последних заниматься, нужно было читать целые лекции, в которых доказывалось, что необходимо знать и строго исполнять все регламенты и правила. И все-таки невозможно было обойтись без принудительных мер.

Наконец, все трудности, казалось, были преодолены, и работа пошла хорошо. Мы высчитали, что в конце мая мы будем в состоянии выступить на фронт с двумя дивизиями, со своей артиллерией и четырьмя эскадронами кавалерии. В то время это была достаточно большая боевая сила, но образование такой силы, очевидно, не поправилось ставке, которая по ежедневно отправляемым сведениям знала о ходе формирования и в один прекрасный день неожиданно прервала нашу работу.

Приблизительно в середине апреля мы получили из ставки телеграмму нач. штаба, что мы приданы к начальнику южной группы, впоследствии командиру южной армии ген. Белову (немцу Витгенкопфу). День спустя пришла телеграмма Белова, приказывающая немедленно выступить в район Стерлитамака, где находился его штаб. Этот приказ нас поразил, ибо та сила, которая имелась у нас, не могла принести большой пользы на фронте, так как была слишком ничтожной для последнего. В то время было окончательно сформировано 4 полка, 1 баталион егерей и приступлено к формированию 2 других полков и второго баталиона егерей. Только что была упорядочена работа в учебной команде. Люди были пока одеты в синее китайское обмундирование, которое первоначально удалось приобрести. В полки только что были выданы винтовки и не было еще ни одного пулемета. Люди для двух батарей были сформированы, но орудий еще не было, ибо их только принимали в Петропавловске. Два сформированных эскадрона имели только половину конского состава. Мы только что начали создавать обоз и дивизионную больницу, так как только недавно начали свою работу 3 реквизиционных комитета.

Выход в этот момент на фронт означал бы окончательное разрушение всей проделанной работы, без всякой пользы для фронта. Ген. Галкин лично поехал в Омск с целью получить отсрочку выхода на фронт хотя бы на две недели. Но все наши усилия были напрасны. Галкин^а приехал из Омска со строгим приказом немедленно собираться в путь.

Было еще и другое обстоятельство, которое, как мы думали, заставит отложить наш выход на фронт. В середине апреля нам приказали выделить особый отряд для подавления восстания в Кустанайском уезде. Это было уже третье восстание в одном и том же уезде, в связи с появлением банд комиссара Шилиева в этой области.

Кустанайский уезд наполовину заселен переселенцами из Малороссии, враждующими с местными оренбургскими казаками, которые пользуются политическими и экономическими преимуществами. У малороссов в то время производились реквизиции лошадей и повозок, и большая часть всего реквизированного была передана казачьим частям. Это обстоятельство еще более обострило и без того обостренные отношения, и большевистские агенты легко использовали положение, чтобы завербовать себе приверженцев. Два восстания были подавлены карательными экспедициями, при чем «каратели» не забыли пополнить свой обоз как лошадьми, так и повозками и иным имуществом, взятым из домов «караемых». Рассказывали, что даже сжигались такие деревни, из которых добровольцы ушли в Красную армию. Второе восстание подавил полковник Захаров со своим отрядом, очистив Кустанай, при чем Шилиев с небольшой кучкой приверженцев успел уйти в киргизские степи, а оттуда, надо думать, ушел в Туркестан. Все-таки в середине апреля он опять появился верстах в 30 от Кустаная. Против него выслали наш отряд, который выделил шесть рот под командой капитана Дементьева.

Мы предполагали, что нам разрешат остаться хотя бы до возвращения высланного в Кустанай отряда, о чем мы и просили, но напрасно. Нам приказали выступить без всякого промедления. О работе отряда капитана Дементьева мы слышали только в июне, когда четыре его роты присоединились к нам. Его работа мало интересна, так как до боев дело не доходило, и о ней не стоило бы и говорить, но в этом деле были замешаны латышские роты.

Шилиев, узнав о появлении Дементьева, стал спешно уходить на юг на подводах и скрылся в степях. Дементьев гнался за ним целый месяц, пока Шилиев не достиг Туркестана. Характерны все-таки последствия деятельности этого отряда, ибо они показывают в настоящем свете «великих сибирских политиков». В бытность мою на Урале, кажется, в конце июня, я получил присланное с нарочным письмо капитана Дардзана, к которому была приложена копия телеграммы ген. Волкова, — того самого, который был главным инициатором и руководителем свержения директории. Выяснилось, что тогда же и из Петропавловска был выслан отряд для усмирения Кустанайского уезда, и что руковод-

ство этим делом было передано в руки Волкова. Его телеграмма настолько характерна, что я передаю здесь ее буквально.

„ТРОИЦК. Главному начальнику Оренбургского Округа.

Из Петропавловска № 4232.

По моим достоверным сведениям, латышский отряд, который, надо полагать, выслан по вашему распоряжению, показал себя с наихудшей стороны по отношению к жителям Петропавловского уезда и особенно в отношении жителей села Всехсвятского. В то время как банда Шилиева находилась 7 мая в селе Всехсвятском, латышский отряд под командой капитана Бресмана находился всего в 30 верстах к западу от Всехсвятского, в деревне Крыловское. Латышский отряд должен был немедленно выступить против красной банды, но он 8-го повернул на восток и только 9 мая, узнавши, что банда Шилиева оставила Всехсвятское, направился в это село, которое и занял 11 мая. В с. Всехсвятском латышский отряд оставался до 16 мая, ограбив за это время церковь, творя насилия над жителями, в особенности женщинами и незаконно требуя непомерно больших налогов. Жители, которых ограбили большевики, ждали помощи от правительственных войск, но теперь они вторично ограблены и поэтому сильно возмущены. После появления во Всехсвятском высланного мною казачьего отряда, латышский отряд упустил всякую возможность поймать шилиевской банды и ушел на юг. Появление казаков, весьма корректно относившихся к жителям, успокоило последних, ибо они увидели в казаках действительно свой войска, родственные по духу и крови. Прошу строго наказать виновных и покончить с преступлениями латышского отряда. Если такого рода „геройства“ будут еще повторяться, я приму меры к уничтожению латышского отряда, как вредного элемента, который своими действиями восстанавливает жителей против правительства.

Командир объединенного казачьего корпуса ген.-майор Волков*.

Я тотчас же ответил кап. Дардзану, что телеграмма Волкова в сильной мере «дугая» и что ее первая цель—найти «козла отпущения», на которого можно было бы свалить все преступления, совершенные в Кустанайском уезде, а вторая цель—национальная травля. Кап. Дардзан попросил меня высказать свое мнение о выведении на фронт латышского батальона. Если я раньше единственной возможностью сохранить батальон целым и невредимым считал нахождение его в моей дивизии, главной задачей которой было—поддержание спокойствия и порядка в тылу, и где батальон не мог быть использован для какой-нибудь авантюры,—то теперь, когда враждебное отношение агентов сибирского правительства к латышам стало ясным, я дал капитану Дардзану совет—уклониться от выхода на фронт, обратившись к помощи французов, а при малейшей возможности перейти под их прямое подчинение. Впоследствии так и случилось. Капитан Дардзан обратился к французским представителям в Троиц-

ке, по требованию которых была создана комиссия для выяснения кустанайских событий. В состав комиссии вошел также один из французских офицеров ген. штаба майор Ле-Гра. При объезде целого ряда деревень Кустанайского уезда он заставил комиссию подробно обследовать деятельность всех трех карательных отрядов. Обследование дало такие результаты, что ни комиссия, ни ген. Волков не желали их предать гласности; после этого даже Омск не протестовал против оставления латышского батальона в Троицке для охранной службы, так как было с несомненностью установлено, что телеграмма Волкова представляет сплошную клевету.

На фронт мы вступили в начале мая в составе четырех полков, одного батальона егерей и одного эскадрона кавалерии. Позднее, когда из Кустанайского уезда вернулись четыре роты, мы сформировали второй егерский батальон. Артиллерия в составе двух дивизионов выступила на фронт несколько месяцев спустя. Одним словом, все сформированные части корпуса были не больше дивизии, хотя согласно приказу главкома мы считались корпусом. Только позднее, когда к нам присоединились две бригады казаков, создалась организация, напоминающая корпус.

Меня очень интересовало положение на фронте: хотелось понять и сколько-нибудь уяснить все те причины, которые вызвали строгие приказы о нашем срочном выступлении на фронт, несмотря на наши мотивированные указания. Хотелось также выяснить, как нам удастся дальше формироваться здесь, на Урале, вдали от жел. дорог и без всяких средств связи. Само собой понятно, что на эти вопросы мы никакого ответа не могли получить; равным образом не могло быть и речи о формировании и продолжении обучения после выступления.

Полтора месяца мы провели в непонятных и ненужных пугешествах по горам, с остановками в больших центрах с большевистски-настроенным населением. Этими пунктами были: Белорецк, Авзяно-Петровск и заводы Кана-Никольский и Преображенский. Наконец, в последних числах июня мы пришли в район реки Ик, где нам указали район фронта верст 60 северо-восточнее Оренбурга. Если бы мы выступили из Троицка спустя месяц, как об этом мы просили, и были бы отправлены на указанный нам участок фронта по железной дороге, то мы прибыли бы на место на несколько дней раньше, притом в качестве действительно боеспособного войска. Очевидно, на самом деле ни ставка, ни ген. Белов не желали этого. На фронте я получил письмо от приятеля из ставки, который сообщал о происходившем в его присутствии разговоре между начальствующими ли-

цами ставки о нашем отряде, при чем один из них воскликнул: «А они все-таки сформировались!».

Деятельность нашего корпуса, ввиду его малочисленности, не может дать никакого понятия о фронтовых операциях Колчака, ибо на фронте работали три армии, состоявшие каждая из 3—5 корпусов. Поэтому, опуская подробности, я коснусь нашей деятельности на фронте лишь постольку, поскольку это необходимо для уяснения ужасной катастрофы, разразившейся в Сибири зимой 1919—1920 г.

Еще во время нашего блуждания по Уральским горам ген. Белов сообщил нашему штабу, что в наших полках ведется усиленная большевистская пропаганда. Организованная на скорую руку, перед выступлением на фронт, контр-разведка никаких сведений дать не могла, и ген. Галкин просил штаб армии сообщить хоть один факт, который мог бы облегчить выслеживание пропагандистов, но штаб ничего не ответил. Заняв фронт, мы все-таки действовали с осторожностью и для испытания ввели в дело только один полк; в первую же ночь из этого полка перешли полностью на сторону красных две роты. При расследовании этого случая выяснилось, что роты были обмануты младшим комсоставом и выведены якобы на разведку. Это доказывало, что в полках работает большевистская организация. В тот же день поймали двух солдат, которые пытались перейти фронт. При допросе они подтвердили наши подозрения и дали нам некоторые нити, способствовавшие раскрытию этой организации.

Результаты расследования обнаружили неожиданную картину: красные агенты, будучи везде и всюду дисциплинированными бойцами, проникли даже в младший комсостав. Своими рассказами о насилиях и пытках, перенесенных ими от красных, они приобрели доверие командного состава полка, и некоторые из них попали даже в контр-разведку. В последние дни марта у них было решено перебить всех офицеров и перейти на сторону красных. Были уже выбраны новые командиры из членов организации. У одного из выбранных командиров полка во время обыска нашли сорок тысяч рублей керенками. Самая организация возникла и оформилась за время переходов по Уральским горам.

После того, как все участники большевистской организации в количестве более 100 человек были преданы суду, а остальные, менее виновные, расформированы для обслуживания тыла и обоза, полки, хотя и значительно уменьшившиеся во время двухмесячных почти непрерывных боев, выказали такие геройство, отвагу и боеспособность, какие я редко наблюдал даже во время германской войны.

Широкие операционные планы командующего южной ар-

мией остались мне неизвестными, и потому я не берусь о них судить. Но многие события на фронте в июле и августе свидетельствовали о том, что распоряжения командира южной армии не заслуживают доверия. Казачий корпус, как кошица, остался совсем неиспользованным и стоял все время на позиции против красной пехоты под Оренбургом. Наступление моей дивизии в конце июля от Красной Мечети, в котором участвовали два полка и казачья бригада Степанова, было остановлено ген. Беловым на р. Белой. Продвинувшись на 40 верст вперед, уничтожив два красных полка, отобрав у них артиллерию и окончательно разгромив еще два других красных полка, мы прорвали красный фронт и очистили путь в Стерлитамак. Это было в то время, когда западная армия отступала в златоустинском направлении. После этого у нас немедленно отобрали казачью бригаду, и мы не могли использовать результатов своего успеха.

Потерявши связь с западной армией, южная армия осталась совершенно изолированной на фронте Оренбург-Авзяно-Петровск-Белорецк. Положение было таково, что нужно было немедленно решить: отступать ли вместе с западной армией в Сибирь или двинуться вперед с целью соединиться с деникинской армией. Я знаю, что все командиры корпусов просили ген. Виттенкофа-Белова избрать последнее направление, но Белов в продолжение трех дней не принял никаких мер и только оттянул правый фланг своей армии.

Разумеется, красные использовали это время, собрали против наших слабых и широко растянутых частей превосходные силы и 11 августа перешли в наступление. Мы выполняли приказ и отчаянно защищались, несмотря на всю нецелесообразность такой защиты, ибо полк в 500—600 штыков не мог защищать гористую линию фронта на протяжении 15—20 верст. Поэтому после двухдневных жестоких боев нас принудили отступать; только тогда ген. Белов решил отступить всей армией, только уже не в Сибирь, а в Туркестан, двигаясь по Ташкентской ж. д.

Трудно теперь сказать, были ли такого рода решения со стороны Белова результатом серьезно продуманного предприятия, или это была простая измена¹⁾. Если когда-нибудь будущая Россия заинтересуется этой войной и историей разгрома армии Колчака, освещение этого вопроса будет в высшей степени интересным. Поэтому остановлюсь на этом вопросе ближе.

1) Разумеется, мысль автора и его сослуживцев об измене ген. Белова в пользу Красной армии весьма нелепа. Гораздо проще и естественнее объясняются его действия бездарностью и самодурством, столь распространенными среди колчаковского командования. *Сост.*

В начале августа 1919 г. южная армия заняла фронт от Верхне-Уральска до реки Белой и дальше через реку Сакмару, на 10 верст западнее устья реки Ик, двигаясь дальше мимо южной части Оренбурга, где левый фланг корпуса оренбургских казаков держал связь с уральскими. Уже в конце июля красные повели сильное наступление на стык между нашей армией и казачьим корпусом. Красные и здесь имели некоторые успехи, о чем они сообщали в своих газетах, которые мы захватили во время наступления в конце июля. Но уже в середине августа при попытке окружить южную армию красные повели сильное наступление на наш центр в районе XI корпуса. В то же время ген. Белов решает отступить не в Сибирь, где была надежда опять соединиться с западной армией и где путь отступления, начиная от области южнее Кустаная на Кокчетав, идет через населенные пункты и богатые хлебом области, а в Ташкент, на юг, в то время как противник энергичным наступлением отодвигает нас все дальше и дальше на восток. Генерал Белов решил всю южную армию, фронт которой был более 400 верст, собрать в районе Актюбинска, т. е. на одном краю района, армии, позади левого фланга, чтобы оттуда по жел.-дор. магистрали двинуться на Аральское море, ибо в другом месте из-за песков пустыни дорог не было. Туркестан вместе с Ташкентом, как известно, в то время находился в руках красных.

Чтобы исполнить это задание, ген. Белов, как нам сообщил штаб армии, принял следующие меры: для занятия узкого дефиле у станции «Аральское море» послан специально сформированный Туркестанский корпус, который, по якобы уже полученным сведениям, занял эту станцию и выходит из узкого дефиле. Силы красных будто бы очень ничтожны и отступают, стараясь спастись на острове в Аральском море, куда они увозят все запасы и всю флотилию Аральского моря. Чтобы снабдить нашу армию хлебом, послано около миллиона пудов муки и пшеницы, а для снабжения пустынных мест водой заготовлены в достаточном количестве «бурдюки» (кожаные мешки, в которых восточные жители носят и хранят воду). Эти бурдюки будут подвозиться на верблюдах, реквизированных у киргизов. Для проведения этого плана уже выслан специальный отряд. Казалось бы, что все уже предусмотрено, и что нам осталось только трудное фланговое передвижение всей армии под энергичным давлением противника, в Актюбинском направлении.

Перспективы сосредоточиться в Туркестане на всю зиму и за это время окончательно сформироваться и превратиться в действительно боеспособные полки, выставив для

безопасности только сильное сторожевое охранение у Аральского моря,—были весьма заманчивы для всей армии. Кроме того, мы не потеряли надежды, что нам удастся создать тесную связь с Деникиным по Закаспийской ж. д. и через Каспийское море и Баку, ибо по нашим сведениям эта жел. дорога находилась в руках англичан.

Все это, вместе взятое, пробудило большую энергию, с которой мы взялись за исполнение задания с целью сосредоточиться у Актюбинска. Корпусу ген. Бакича (IV), находившемуся на правом фланге армии, нужно было пройти огромное расстояние; чтобы облегчить его задачу, центр и левый фланг армии оказывали упорное сопротивление красным, которые все еще энергично и непрерывно наступали на стык между казачьим и XI корпусом. Во многих боях наши полки показали героизм и стойкость.

Насколько мне известно из наблюдений, наши силы были весьма ничтожны, и перевес всегда был на стороне красных, которые имели вдвое больше сил, чем мы. Поэтому нам не удалось удержать некоторые позиции, указанные в приказах Белова. В силу этих обстоятельств IV корпус не мог выполнить задания; он оторвался от армии и стал отступать самостоятельно в кустанайском направлении, в то время как остальные три корпуса уже в начале сентября были стянуты к Актюбинску и могли начать планомерное отступление по указанному направлению.

4 сентября мы были еще верстах в 20 от Актюбинска, когда получилось известие, что город заняли подошедшие с другой стороны большевики. Так как мы перенесли слишком много боев на фронте, то не могли выделить даже маленького отряда для арьергардных боев. Поэтому, указав полку направление для дальнейшего отступления, я поспешил к ген. Галкину, чтобы узнать ближайший план деятельности. Но он мне рассказал так много неожиданного, что не было никакого сомнения в том, что мы нарочно отданы красным. Дорогу у Аральского моря не только не очистили от красных, но, наоборот, весь Туркестанский корпус, состоявший из двух необученных резервных полков, высланный для этой цели, просто-напросто разбежался, очистив красным дорогу в наш тыл. Не было также отправлено никаких продуктов в наш тыл и не было заготовлено обещанных «бурдюков». Сам генерал Белов оставил штаб армии и уехал в Туркестанский корпус, передав командование армией ген. Эдлер-Усову.

Положение было настолько серьезно, что мы, обсудив все возможности, решили больше не ждать распоряжений ген. Белова, а немедленно вывести свои полки через Киргизские степи на Иргиз-Тургай-Атбазар, чтобы в районе

Атбазара присоединиться к сибирской армии и к IV корпусу. С выполнением этого решения нужно было поторопиться, так как два дня тому назад красные полки заняли Орск и, двигаясь оттуда по Орско-Иргизской дороге, могли нас опередить и таким образом отнять у нас возможность отступления.

Мысль ген. Белова о занятии Туркестана может быть названа или опытом, произведенным с негодными средствами, или ошибкой теоретика и неумением приспособиться к реальным обстоятельствам, так как ген. Белов был только теоретиком, без всякой командной практики и стажа.

Однако, насколько мне удалось быть свидетелем распоряжений Белова, все его командование армией сводилось к бесцельной и ничем не оправданной переброске подведомственных ему армейских частей. Подобное никому ненужное перемещение войск привело к тому, что, в конце концов, все эти части были окончательно уничтожены.

Я еще раньше указывал на большие и тяжелые переходы, которые должен был перенести наш корпус. Когда мы, наконец, заняли указанный нам район на фронте, став на место IV корпуса, то этот корпус по гористым дорогам был переброшен на правый фланг армии, т.-е. на то самое место, откуда мы только что были сняты, в то время как IV корпус с нашей помощью мог бы выполнить свое задание гораздо лучше. Это было бы гораздо правильнее, как доказывает наше удачное наступление в том же месте в конце июля. Но ген. Белов там, где можно было активно действовать двумя корпусами, приказал использовать энергию корпуса для перемещения на другое место, дав ему после этого весьма пассивное задание—«препятствовать наступлению противника». В начале августа нам прислали на подкрепление части расформированной 11-й дивизии. Начальник штаба этой дивизии рассказывал, что они после 3-дневного утомительного перехода получили приказ немедленно вступить в бой с красными у Верхне-Уральска. Люди были так утомлены, что не могли стоять на ногах. Все командиры полков просили дать хотя бы самый короткий срок для отдыха и для ориентирования с положением и местностью, но в ответ пришел категорический приказ—немедленно вступить в бой, что могло привести только к плачевным результатам.

В то же самое время, т.-е. в середине августа, в наш тыл по гористым дорогам из Верхне-Уральска в Оренбург были перемещены 9-я и 10-я дивизии.

Для меня это перемещение было окончательно непонятным, ибо обе эти дивизии с успехом могли быть использованы на том же правом фланге, где они уже находились

и где на нашем фронте было плохое положение. Кроме того, оставаясь на старом месте, эти дивизии могли обеспечить нам отступление в кустанайско-кокчетавском направлении, в то время как, прибыв в оренбургский район, они после больших переходов никакого подкрепления оренбургскому фронту дать не могли.

В августе Белов для подкрепления своей армии получил целых три хорошо вооруженных и снабженных дивизии, которые ему прислали из Сибири. Результатом было то, что Белов их окончательно обессилит, вовсе не пытаясь их использовать в активных боях, для того, чтобы хотя бы сколько-нибудь обессилить противника.

Суммируя все сказанное, я пришел к заключению, что вся деятельность Белова была диаметрально противоположна тому, что в тактике и в стратегии называется военным искусством. В этом нельзя видеть ошибку теоретика, но, скорее всего, нарочито и сознательно созданную путаницу, конечной целью которой было все, но только не победа над врагом. Есть еще другие, мелкие факты, говорящие о том же; чтобы не растягивать воспоминаний, я укажу лишь на один факт, тоже весьма характерный для физиономии деятелей того времени.

Я указывал выше, что по приказу Колчака были сформированы башкирские полки, которые, узнав о таком приказе, частью перешли к красным, частью разошлись по домам. Впоследствии под влиянием Валидова перешедшие к большевикам части стали понемногу переходить обратно, и смело можно сказать, что большая половина вернулась в армию Колчака. Когда в конце июля у нашего корпуса отняли бригаду казаков, я, не спросив разрешения, начал формировать башкирский кавалерийский полк из добровольцев. В две недели я имел свыше 700 человек, притом с собственными лошадьми, седлами и оружием. Их вполне хватило для организации 4-эскадронного кавалерийского полка, которому мы дали башкирское название Ак-Идельский (Белой реки) кавалерийский полк.

К сожалению, скоро началось наше отступление, во время которого мы не могли хоть сколько-нибудь обучить вновь созданный полк и сделать его боеспособным. Когда после этого у Актюбинска наступил общий крах, большая часть из бойцов этого полка не пожелала следовать за нами в Киргизские степи, что и понятно, ибо в пустынных степях пали бы все лошади.

Жители Южно-Уральского округа в большинстве своем были на стороне большевиков. Объясняется это тем, что на Южном Урале много так называемых фабричных селений, в которых уже давно нет никаких фабрик, но крестьяне,

жители этих селений, обрабатывают землю, которую им сдают в аренду частные землевладельцы только на один год, притом такими мелкими кусочками, что арендующие крестьяне не могут прожить и принуждены искать работы у землевладельцев. Крестьяне этих селений дали красным несколько тысяч добровольцев, которые сейчас же выступили против нас. И только этим я объясняю тот героизм, какой не раз выказывали красноармейцы во время наступления. Неопределенные обещания правительства Колчака снабдить землей крестьян были виной поступления этих крестьян в ряды Красной армии, где большевистские комиссары со свойственной им ловкостью и демагогией умели использовать каждую ошибку омского правительства, в чем я часто убеждался, читая большевистские газеты.

Крестьяне Оренбургской и Уфимской губерний к западу от реки Ик, где находились вперемежку башкирские, русские, малорусские и казачьи села и деревни, держали себя по отношению к большевикам пассивно, за исключением некоторых русских деревень, жители которых выказывали сочувствие большевикам. Двигаясь к юго-востоку по долине богатой реки Сакмары и в степных районах между р.р. Сакмарой и Уралом, мы большевизма не наблюдали, в то время как еще южнее, на самой границе Киргизских степей, между Орском и Актюбинском, опять попадались села, где жители в большом числе добровольно поступали в Красную армию. Был даже в одном селе священник, открыто высказывавшийся за Красную армию.

Как-раз в этой местности протекали наши последние бои, и здесь произошло наше катастрофическое окружение. В казачьей станице, в последнем, населенном русскими, пункте в Киргизской степи, где собрались все наши полки, мы пережили тяжелые минуты, которые я долго буду помнить.

Мы не скрывали от солдат нашего трудного положения. Нам нужно было пройти больше чем 1.000 верст по пустынным степям, и гарантировать солдатам питание во время дороги мы не могли. Захватить с собой продукты мы могли только в строго ограниченном количестве, ибо не было уверенности в том, что лошади выдержат переход по степям. Также мы не могли надеяться на то, что нам удастся в степях найти какую-нибудь пищу. Следовательно, не было сомнений, что мы идем навстречу голоду.

Положение офицеров было хуже, и потому они, не находя другого выхода, были готовы перенести все лишения, лишь бы не попасть в руки красных. Другое дело было с солдатами. Хотя был издан приказ о выступлении, солдатам вместе с тем объяснили наше положение и не-

официально дали понять, что препятствий для тех, кто захочет уйти, не будет. Неизвестно откуда появились ораторы, которые начали устраивать митинги и натравливать солдат против офицеров, предлагая отобрать у офицеров весь обоз. Однако эта травля осталась без последствий. Только меньшинство солдат было настолько нерешительными, что не пожелало следовать с нами. Мы им отдали часть наших продуктов, и они простились с нами.

Вместе с тем и среди офицерства произошел психический перелом, проявлявшийся в желании «самоопределиваться». Однако без особых трудов удалось их убедить, что, странствуя вразброд по степи, мы безусловно пропадем, в то время как оставаясь в одном объединенном отряде, нам не придется бояться отрядов красной кавалерии. Небольшая часть офицеров все-таки ушла, желая добраться до Каспийского моря, но вскоре убедилась, что этот путь отрезан, и в последующие дни присоединилась к нам.

Оставшиеся части 1-го и казачьего полков, узнав о нашем положении, немедленно пошли за нами в степь. Характерно, что хотя эти корпуса были вдвое больше нас, они вывели в степь вдвое меньше людей, чем наш XI корпус. В их составе вовсе не было пленных красноармейцев, а между тем, как мы потом узнали, из этих корпусов целые части перешли на сторону красных.

Весь трудный путь по безводной песчаной пустыне, направляясь на Иргиз, Тургай и Атбазар, мы прошли в 30 дней, при чем по дорожке пришлось пройти без возможности получить питьевую воду. Киргизы, узнав о нашем походе, немедленно уходили в сторону от нашей дороги и за исключением вышеуказанных селений, где киргизы живут оседло, мы не встречали ни одного живого человека. Поэтому своих продовольственных запасов, которые были заготовлены из расчета по $\frac{1}{2}$ фунта муки на человека, мы нигде не могли пополнить, ибо ни в Иргизе ни в Тургае никаких запасов не было. Единственно, что нам удалось получить у киргизов,— это несколько овец, но за ними приходилось отходить в сторону от дороги на несколько десятков верст. Кроме того, в Иргизе удалось купить около 4 пудов кишмиша для всего корпуса. Большая часть лошадей (до 300) пала, не пройдя и по дорожке. К счастью, на место павших лошадей нам удалось достать верблюдов, но для отыскивания их нам опять приходилось отойти от прямого пути.

Приблизительно за 100 верст от Атбазара, в первом селе на нашем пути, мы остановились для пополнения своих истощенных продовольственных запасов, ибо здесь впер-

вые оказалось возможным купить кое-какие продукты. В этом же селе нас нагнал вестовой генерала Белова, который привез ген. Галкину приказ по южной армии. Этим приказом ген. Белов отстранял ген. Галкина от командования корпусом и передавал это место мне.

Еще будучи в Тургае, мы узнали, что ген. Белов идет за нами, и мы обсуждали вопрос о том, не следует ли его арестовать за его бесспорно преступную деятельность. Само собой понятно, что, получивши его приказ, мы и не подумали его исполнять, тем более что целью этого приказа очевидно было окончательное разложение еще оставшихся сил. На следующий день мы узнали, что ген. Белов обогнал нас, вовсе не заехав в то село, где мы расположились. По дороге мы достали несколько экземпляров приказа, изданного Беловым в Тургае. Приказ с начала и до конца был переполнен суворовскими фразами и выражениями вроде «чудо-богатыри». Приказ оставлял впечатление, что он составлен помешавшимся от мании величия человеком.

Еще из Тургая ген. Галкин послал на автомобиле своего начальника штаба в Омск, дав ему подробно составленное сообщение о пережитых нами трудностях. В этом сообщении ген. Галкин целым рядом фактов доказывал, что поступки Белова есть преступление, и требовал отозвания Белова и следствия по этому делу. Приехал в Атбазар, где уже существовала телеграфная связь с Омском, ген. Галкин запросил по телеграфу, получено ли его сообщение, но получил удивительный ответ: сообщение получено, но главком фронта ген. Дитерихс издал приказ о предании ген. Галкина военно-полевому суду. Несколько дней спустя в Атбазар явился молодой казачий генерал К., присланный на место ген. Галкина, а еще через несколько дней—генерал Дутов, назначенный на место Белова, который был вызван в Омск.

Как только ген. Дутов явился, все командиры отдельных частей IX корпуса подали ему заявление о том, что они вполне солидарны со всеми распоряжениями ген. Галкина и поэтому просят привлечь к ответственности также и их. Это заявление, как видно, подействовало, и приказ о предании суду ген. Галкина был отменен.

Ген. Дутов приступил к реорганизации остатков южной армии с целью создать отдельную Оренбургскую группу. Я не стал ждать результатов этой реорганизации, а уехал в Омск, откомандировав заблаговременно всех офицеров-латышей в числе 15 человек.

Время моего отъезда совпало с удачным наступлением западной армии, при чем она заняла обратно Курган. Наш

IV корпус южной армии, который отступал в направлении Кокчетава, по полученным сведениям, увеличился численно и удачно выдержал наступление красных. Часть остатков южной армии собиралась перейти из Атбазара в Кокчетав, дабы объединиться с корпусом ген. Бакича. Говоря вообще, состояние было спокойное и ничто не указывало и не предвещало окончательной катастрофы. В таком же состоянии я оставил армию, уезжая в Омск, в который приехал в конце октября.

3. Омск—Владивосток.

В Омске уже была паника, последствием которой был выезд множества жителей, а вместе с тем и очень плохо организованная эвакуация правительственных учреждений. То, что происходило в эти последние дни надвигающейся катастрофы в политических и правительственных кругах Омска, имеет громадное историческое значение.

В Омске я провел только четыре дня, ибо моя семья уже уехала во Владивосток. На второй день после приезда в Омск я отправился к ген. Галкину, который приехал дней за пять до того и уже успел подробнее ориентироваться во всем, что творилось в Омске. Галкин обрисовал мне следующее положение: Колчак совершенно потерял голову. В ставке образовались враждебные партии, которые борются между собой, при чем то та, то другая из них перетягивает на свою сторону Колчака. Поэтому было много случаев, когда Колчак неоднократно менял свои распоряжения по одному и тому же вопросу. Обо всем том, что в действительности происходило на фронте и в тылу, он ничего не знает, так как и теперь, как и раньше, он остается недоступным для широких кругов. Рассказывали, что однажды к Колчаку силой ворвался приехавший с фронта врач. Два дня он просил аудиенции, но не получил и, наконец, решил пустить в ход хитрость и силу. Когда он рассказал Колчаку о всех тех ужасах, каким подвергаются больные и раненые, а также о безвыходном положении в больницах и санитарных поездах, Колчак схватился за голову, начал бегать по кабинету, крича, что его все обманывают и что он абсолютно никому не может довериться.

В Омске меня удивило известие, что ген. Виттенкопф-Белов, тот самый, которого мы на фронте хотели арестовать как изменника, назначен начальником эвакуации Омска. Узнав об этом, я тотчас же заметил, что теперь можно ожидать, что интендантские и артиллерийские склады с их богатым содержанием попадут в руки красных. И действи-

тельно, так и случилось, но на этот раз был виноват не Белов, а обстоятельства, ибо при всем желании нельзя было ничего эвакуировать.

А слуги омского правительства продолжали свои интриги о назначении на теплые места и высокие посты. И все это происходило в то время, когда враг был только в 150 верстах от Омска и когда каждый нормальный человек мог понять, что Омска удержать нельзя. Об этом ясно говорила паника омских жителей, и все-таки генерал Сахаров взялся убедить и доказать Колчаку, что для Омска ничего страшного нет и что его можно удержать, хотя ген. Дитерихс утверждал, что Омска спасти нельзя и потому его необходимо срочно эвакуировать. На этот раз Сахаров своими интригами победил и немедленно был назначен главнокомандующим фронтом на место ген. Дитерихса.

В те же дни я получил телеграммы из Владивостока о восстании ген. Гайды и о том, что ген. Розанов ликвидировал это восстание. Подробности этого восстания я узнал через два месяца, от одного из очевидцев.

Главным организатором восстания был врач Григорьев, а самое восстание произошло без кровопролития, ибо местные войска и жители сочувствовали низвержению власти Колчака. Для подавления «мятежа» ген. Розанов вызвал инструкторский батальон и гардемаринов, которые вначале действовали нерешительно. Но в решительный момент вмешались японцы, которые стали с миноносцев обстреливать восставших, собравшихся близ вокзала. Разумеется, вмешательство японцев решило дело в пользу Розанова, и тот безжалостно расправился со всеми участниками восстания. В числе других был убит и врач Григорьев.

Все эти факты предвещали крах, который и разразился уже в ближайшие дни.

От Омска до Владивостока я ехал 50 дней. По дороге бросалось в глаза большое количество железнодорожных катастроф. Потерпевшие крушение поезда часто виднелись по обеим сторонам дороги. Власть Колчака признавалась только в районе ж. д. и в городах, где стояли его войска, но в стороне от ж. д. и за городом правительство Омска не было популярным. По дороге я узнал, что приблизительно 150 поездов, высланных из Омска с эвакуированным имуществом и семьями офицеров, еще за Новониколаевском попали в руки красных. Наши беженцы из Сибири, вернувшиеся в Латвию через Советскую Россию, рассказывали, что до весны 1920 г. в Красноярске и Новониколаевске от одного только тифа умерло 75.000 человек. Столько же погибло в Омске, где, кроме того, несколько тысяч человек

просто замерзло. Между погибшими в Сибири было много известных общественных деятелей, между прочим, и ген. Галкин, который пал в боях против большевиков.

За Иркутском, в Забайкальском округе, было «царство» атамана Семенова. Этот атаман играл большую роль во всех сибирских событиях. О нем много писали газеты, но его настоящее лицо до сего времени остается неразгаданным. В то время как власть Колчака признала вся Восточная и Западная Сибирь, а также оренбургские и уральские казаки, атаман Семенов этой власти не признавал, а когда ему в Омске пригрозили, Семенов просто ответил Колчаку грубостями. Кончилось это дело так, что Омск пустился на компромисс, после чего и ожидал помощи от Семенова, но напрасно. Напротив, те офицеры, которые в Омске потерпели неудачу, очень мило принимались Семеновым, агенты которого разъезжали по всей Сибири. Словом, история повторилась, и Семенов по отношению к Омску сыграл такую же роль, какую играл когда-то Омск по отношению к народной армии.

Во Владивосток я прибыл в конце декабря 1919 г. и пробыл там целых два месяца. Здесь на моих глазах 1 февраля 1920 г. произошло без пролития крови низвержение сибирского правительства, не удавшееся три месяца тому назад ген. Гайде и врачу Григорьеву. Такое же низвержение произошло две недели спустя в Иркутске, но только с кровопролитием, и его дальнейшим последствием была выдача Колчака большевикам, которые его расстреляли.

Белая Сибирь ¹⁾.

1. Бюрократический аппарат Колчака.

Подходя к описанию, как устраивалась и налаживалась работа центральных аппаратов в Омске, необходимо указать на допущение одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти директорией и ее ставкой, ошибки, принятой, как бы по наследству, и новой властью, допущенной дальше ею при новой работе.

Для бедной и неустроенной восточной России начали создавать аппарат во всероссийском масштабе; строились те многоэтажные постройки министерств, департаментов и управлений, которые рухнули в феврале—сентябре 1917 года в Петрограде.

Люди, которые пришли к верховному правителю и получили его доверие и полномочие, принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно неработоспособную машину.

Мне всего ближе пришлось ознакомиться с деятельностью военного министерства и главного штаба.

Когда совершился переворот, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба верховного главнокомандующего во главе с его начальником, генералом Д. А. Лебедевым; и мы видели, как справлялся он и его ближайшие сотрудники с тяжелым делом в самые ответственные первые недели работы. Под их руками армии принимали вид живых и сильных организмов; на исторически верных и необходимых основаниях строились новые, самой жизнью вызываемые формы.

Уехавший во Владивосток и Харбин генерал-майор Н. А. Степанов был назначен адмиралом Колчаком военным министром; долго он не ехал, проводя целые недели в Харбине и, видимо, опасаясь проезда через Читу, так как генерал Степанов был один из самых упорных и непримиримых противников атамана Семенова и «японской

¹⁾ Из книги под тем же заглавием. Мюнхен, 1921 г.

ориентации». Наконец перед рождеством он появился в Омске, привезя с собой на пост начальника главного штаба генерала-майора Марковского.

С самого первого дня их деятельность может быть охарактеризована так. Вытащены из пыли 24 тома Свода военных законов, все старые штаты и положения; поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола. Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос, — а это было на каждом шагу, — доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но, увы, зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи гражданской войны прямо нелепый.

Все сделанное уже ставкой, та живая организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы, как плод незрелый и неподходящий под узкие старые рамки. Была сначала сделана попытка подчинить военному министерству все, касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но верховный правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министру.

Возник дуализм, который приобрел еще более острую форму благодаря личным свойствам действовавших лиц. Д. А. Лебедев, молодой сравнительно офицер генерального штаба, не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы. Н. А. Степанов оберегал свой престиж, вместе с главным штабом цеплялся за власть и усматривал в каждом начинании, несогласном с его воззрениями, чуть ли не личные против него выпады. Появились трения. Мне лично говорил несколько раз адмирал А. В. Колчак:

— Страшно трудно. При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить наштаверха с военным министром, разбирать личные обиды последнего.

Но убрать его он не решался, питая дружеские чувства еще по совместной работе в Харбине; когда же просился уйти с поста генерал Лебедев, верховный правитель и слышать не хотел, говоря, что он больше всех в него верит и знает на деле его способность вести работу.

При этих условиях мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное министерство и главный штаб распушили до чудовищных по величине размеров; вышли к жизни все прежние отделы, отделения, стольначальники. Создано было военное совещание из семи—восьми дряхлых летами генералов, на обязанности которых лежало рассмотрение всех законопроектов и штатов. Долго, многоречиво и весьма добросовестно делалось это; спешные законопроекты лежали целыми неделями, отклоняясь иногда по пустякам, а иной раз так перекраивались, что не оставалось живого места. Но зато на вновь отпечатанных штатах и положениях красовались внизу фамилии членов этого совещания, совсем как на старых, дореволюционных, великороссийских, даже и фамилии похожие были подобраны.

Многоэтажные здания, полные офицеров и чиновников, работали также очень много и усердно; писали из одного отделения в другое и в ставку отношения, составляли проекты, доклады и объяснительные записки. Как один из многих примеров, мне показывал начальник организационного отдела полковник Оберюхтин, — человек, весь горевший желанием работать, приносить пользу и делать живое дело, — проект о подготовке офицеров и унтер-офицеров, составленный вначале не только жизненно, но даже талантливо. Три месяца этот проект ходил от стола к столу, и за это время образовался объемистый том. На первом проекте была резолюция военного министра «доложить и пересоставить». На втором, пересоставленном, стояло указание согласовать с такими-то статьями такой-то книги прежних законоположений. Затем шли третий, четвертый, пятый, шестой варианты доклада и объяснительные записки, с объемистыми резолюциями; наконец, на последнем красовалась надпись начальника главного штаба: «Повременить»!

Еще более грустная по результатам была судьба большого проекта о формировании в тыловых районах Сибири действующих частей для фронта. Был составлен опять-таки вполне жизненный и выполнимый проект и план, по которому армия должна была получить три с половиной дивизии в апреле 1919 года и столько же в августе. Надо было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соответствующие приказы, соблюдая расчет времени плана. Получилась бы полная обеспеченность боевого дела, даже если бы этот план выполнили даже частично.

Но его постигла та же участь бесконечных переделок, передокладов, исправлений и, наконец, полного отставления; время шло и тратилось самым недопустимым образом. Не было ничего создано и в отношении военно-административного устройства тыла, опять по той же причине увлечения

ложно-классическими образцами прежнего бюрократического порядка.

Восстание для свержения большевиков в Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало от них сразу разрешения многих вопросов; был разрешен в числе прочих и этот: отказались от системы военных округов и ввели вместо них корпусные районы с применением территориальной системы. Во фронтовом, армейском районе такой порядок и укрепился, что и давало те силы, которыми фронт вел борьбу. Одним из первых дел нового военного министерства был отказ от корпусных районов и замена их военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громоздкие штабы. Штаб иркутского округа имел свыше ста тридцати офицеров, омского округа—более ста семидесяти. Войск же было только то, что осталось от прежних корпусных районов.

На бумаге отказались и от территориальной системы комплектования войск. Аргументы были веские: ввиду неспокойного состояния страны и непрекращающейся пропаганды нельзя надеяться, что поддерживать порядок в районе будут войска, составленные из местных жителей. Но существовавшие в Сибири условия транспорта—наличие единственной железнодорожной магистрали при чисто-сибирских колоссальных расстояниях делало фактически невозможным применение другой системы, кроме территориальной, особенно при том недостатке времени, какой тогда ограничивал все наши действия. В эти дни резче и определеннее, чем в какой-либо другой войне, вставала вся правда великих слов императора Петра I: «Потеря времени смерти невозвратной подобна».

Это—с одной стороны; с другой,—надо было предпринимать для успокоения населения и для привлечения всех его симпатий на сторону правительства другие меры. Нельзя было вести священную, освободительную войну против большевиков, не доверяя населению, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Ведь фронт сумел собрать полмиллионную армию из тех же народных масс; там некогда было разводить теорию и отчеканивать проекты: жизнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумиллионная армия образовалась, существовала, вела успешные бои,—доказывает лучше слов: 1) с этой работой справились и 2) массы увидели и поверили, что война, на которую их призывают, ведется за Россию и за благо всего ее народа. Надо понять тоже и запомнить, что такого числа «белогвардейцев» собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы в армию насильно; не было для этого средств, да и

не было желания, так как все вожди армии искренно отдавали себя на служение России и только России. Но России прежде всего русской, устроенной на ее самобытных, исторических основаниях, великой и самостоятельной. Сложна была психология армии во всем белом движении, но одно несомненно: настроение лучших ее представителей, а за ними и массы, было чисто национальное.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, характеризовавшей узко-бюрократическую деятельность нового военного министерства. Оно считало себя обязанным стать на страже интересов старшинства в чинах офицерского корпуса и не нашло ничего лучше, как достать из архивной пыли старые «списки по старшинству». По этим спискам и делались почти все назначения. Ни боевые заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новых олимпийцев, считавших необходимым для возрождения России прежде всего воскрешение старых, отживших форм. Даже и внешне вид главного штаба принял же чванливый, недоступный и отталкивающий характер петербургских канцелярий.

На-ряду с этим пренебрегались истинные интересы офицерства; зачастую представления к производству в следующие чины за боевые отличия, за выслугу лет, еще в германскую войну, месяцами лежали и ждали резолюции военного министра. Сначала даже потребовали было обязательного наличия послужных списков по всей форме и со ссылками на все приказы, хотя бы до 1880-х годов. И долго держались этого правила; наконец поняли, что в такое время, когда офицеры сошлись почти со всех концов света, многие ускользнули из самых когтей большевистского стервятника, это требование—чистая и законченная чепуха.

Вот уж именно, где применимо выражение: ничему не научились и ничего не забыли.

Верховный правитель рвал и метал, когда до него доходили сведения обо всем этом. Но господа бюрократы, палестившие на теплые омские места в избытке, находили здесь средства для маскировки:

— Это все штриги...

Или:

— Как не совестно отвлекать верховного правителя от дел государственных!

А разве армия, ее боеспособность, ее офицерский корпус,—разве это не было тогда делом государственной важности первой степени?

Такая же картина была и в других министерствах Омска. Всюду шли тем же легчайшим путем постройки и копирования старых дореволюционных бюрократических ап-

паратов; но раньше в них были хотя свои хорошие стороны — десятилетиями налаженное дело, преемственность и опытные работники. Здесь же, в копиях, главное внимание обращалось на внешность. Даже время службы было применительно к Петербургу мирного времени: в 10 часов утра начало, в 12—перерыв на завтрак, в 4—5 часов конец, и все расходилось по домам. Министерства были так полны служилым народом, что из них можно было бы сформировать новую армию. Все это не только жило малодетельной жизнью на высоких окладах, но ухитрялось получать вперед армии и паек, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количеством здоровых, сильных людей призывного возраста; много держалось здесь зря и офицества, которое сидело на табуретах центральных управлений и учреждений. Переизбыток ненужных людей, так необходимых фронту, был и в других городах Сибири. Против этого военное министерство мер не принимало, и почти каждый, кто хотел укрыться от военной службы, делал это беспрепятственно.

2. Крестьянские восстания.

... Скоро начали проявляться первые результаты предательской работы эсеров. В нескольких местах, в глубоком тылу, вспыхнули восстания против власти адмирала Колчака. Главные очаги были: Тайшет и Маршинск, районы Красноярско-Миусинский, Нерчинско-Сретенский и в Приморской области — Сучанские копи.

Полноводная, богатая рыбой и золотом река Енисей течет между скалистых гор, часто сдавленная ими с обеих сторон. В таких ущельях вода кипит и бьется о камни. Даже в самую холодную пору, в крещенские морозы, не замерзает здесь стремнина реки. Но вот горы раздвигаются, образуя широкую долину, подходят к Красноярску и кончаются. Дальше на много сотен верст тянется великая Сибирская равнина, покрытая местами лесом. По этой равнине, от Красноярска и выше, Енисей несет воды свои спокойно и величаво, затопляя весной огромные пространства. Здесь богатейшие пастбища, сенокосы, это один из самых хлебородных в России уездов — Миусинский. Население его сплошь — зажиточные крестьяне-староселы, живущие патриархальным укладом, очень религиозные и в высшей степени преданные идее царской власти, а с нею и властям законным.

И вот здесь разгорается восстание против адмирала Колчака; начинается дело с небольших шашек, состоящих главным образом из пришлого элемента, но к осени 1919 года дело принимает огромные и организованные размеры.

Сформирован целый корпус из одиннадцати полков, введена правильная организация, создан штаб во главе с бывшим штабс-капитаном Щетинкиным. Минусинцы, крестьяне, давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлеб, мясо, одежду. Был даже открыт завод для снаряжения ружейных патронов и для приготовления пик, сабель и секир. Правительство не могло подавить восстания и занимало оборонительные линии, чтобы прикрыть с юга Красноярск и железную дорогу, единственную коммуникацию армии.

Все восстания направлялись и шли одним путем, применялась одна и та же общая программа. Приезжали из советского центра, из Москвы, агитаторы, снабженные большими суммами денег. Скрываясь в эсеровских организациях, они находили у них поддержку и начинали вести тайно пропаганду. В то же время они организовывали из преступников и отбросов населения небольшие банды с целью нападения и разрушения железной дороги. Сжигали небольшие деревянные мосты, портили путь, устраивали крушения. Целыми десятками спускали под откос поезда, при чем главная охота их была за поездами, везшими из Владивостока оружие, боевые припасы и снаряжения для армии.

Для поимки этих разбойников направлялись отряды наши или из чехо-словаков. Но трудно поймать их в беспредельных и густых, почти непроходимых дебрях сибирской тайги. Надо было вести систематическую и долгую кампанию, но что никто из иностранцев (а дорогу охраняли они) не имел охоты. Через несколько дней шайка выходила в другом месте, снова портила путь и устраивала крушение. Тогда, в попытках положить этому конец, неумелые руководители борьбы с этими бандами применяли самый легкий и несправедливый способ: возлагали ответственность за порчу железной дороги на местное население. Производились реквизиции деревень и целых волостей. Уже после конца борьбы на фронте, когда остатки нашей армии шли на восток, приходилось видеть, несколько больших сел, сожженных этими отрядами почти дотла в наказание за непоимку разбойников-большевиков, производивших крушения на перегоне станций Тайшет-Клюквенная. Огромные, растянувшиеся на несколько верст села представляли сплошные развалины с торчащими кое-где обуглившимися, полусторженными домами. Крестьянское население таких сел разбрелось и было обречено на нищету, голод и смерть.

Понятно, такие меры только озлобляли население и давали опору и развитие большевизму и эсеровской деятельности, усиливая их преступную пропаганду:

«Видите»,—писали они,—«видите, русские крестьяне, что

такое Колчак и как он относится к народу. Он с шайкой капиталистов всего мира нанял чехов, чтобы жечь русские села и избивать русских крестьян. Все за оружие, все в ряды Красной армии против мировой буржуазии!..»

И как у всех adeptов социализма, это новое воззвание заканчивалось крылатым лозунгом Карла Маркса:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

А в то же самое время те же люди, правильнее, отбросы человечества, вели разрушительную работу среди чехов, этих quasi-славянских войск, сформированных из военнопленных, взятых русской армией в Галиции и Польше; их развращали всячески, доводя до состояния людей, больных большевицким умопомешательством. Эту часть работы взяли на себя целиком социал-революционеры.

Бедное русское крестьянство было окончательно сбито с толку. Не знало, кому верить, за кем идти. Ненавидящие социалистов-большевиков, пошедшие так охотно под знамена белой гвардии против красного интернационала, крестьяне были поставлены этими жестокими и неумелыми действиями между молотом и наковальней. И заметьте: чехи, отряды которых главным образом сжигали русские деревни, были всецело под влиянием и в услугах у эсеров, кричавших всегда о «демократии» и «демократичности». Почти все репрессии и экзекуции производились по скрытой указке этих социалистов, чтобы разжечь пожар восстаний в тылу белой русской армии. Это только и нужно было социалистам, это была их главная цель, — в средствах же стесняться они не привыкли. В лагере устроителей нового рая на земле это проводилось последовательно в жизнь десятками лет.

Получалась ужасная картина. Русские народные массы, крестьяне и рабочие со своими офицерами и вождями вели беспощадную борьбу на фронте. А в тылу те же крестьяне и рабочие, под влиянием большевицкой агитации, эсеровского предательства и неумелых действий местных властей восставали и становились против той же армии и против правительства адмирала Колчака.

Все больше и больше раздувалось пламя этого костра. Восстания редко где были подавлены целиком. Наоборот, появлялись новые районы, банды организовывались в полки, дивизии и корпуса. Вооруженная борьба с ними требовала все большего числа войск, в которых так нуждался боевой фронт, напрягавший героические усилия для окончательной победы русской народной и национальной идеи над кровавым враждебным интернационалом.

В этих условиях борьба становилась почти невозможной. Причины этого лежали, понятно, глубоко в самой системе организации антибольшевицкого движения. Моря кро-

ви были пролиты и великая жертва была принесена — впустую, вследствие основной ошибки: не хотели признать социалистов-революционеров врагами народа, такими же, как большевики-коммунисты.

Нехватало прямоты действий, не было напряжения воли. Сила национальная недостаточно концентрировалась и кристаллизовалась. Огромный белый тыл в Сибири клубился вредными ядовитыми газами политиканства, с одной стороны, и бессилия в деле, — с другой. Не только не могли добиться полного напряжения — все для фронта, для войны, для победы, не имели и тени диктатуры, а, допустив в свой стан врагов, успокоились на бумажном перепроизводстве, погрязнув в тихом и медленном отбывании номера.

К сожалению, у наших противников, у большевиков было не так. Воля из Москвы, жестокая и упрямая воля, управляемая определенным желанием еврейского центра, заставила работать всех в советской России, вызвала настоящее напряжение и сумела держать это напряжение все время на должной высоте. Там работали не спустя рукава, не для отбывания номера, и знали, что за плохую работу, за недостаточные результаты — расправа сейчас же; разговоры там короткие — смерть без суда. Полковник Котомин, перебежавший к нам из Красной армии с одиннадцатью офицерами под Челябинском, подробно обрисовал положение в советском тылу. — «У них работа идет не так, как у вас, — говорил он, — там не считают часов, кипит дело, и, если нужно, то все заняты по восемнадцати часов в сутки. Жиды-коммунисты следят не только за совестью и политическими убеждениями, но и за выполнением каждым его обязанностей. Чуть заметна в ком лень или халатность, — сейчас на сцену выступает обвинение в политическом саботаже и... расстрел. И знают все, от генерала до машиниста, что шутить не будут».

С целью разбудить нашу тыловую публику, полковник Котомин прочел лекцию в Омске в городском театре (по поручению верховного правителя); на лекции произошел характерный инцидент. Котомин рисовал правдивую картину советского тыла: он будил чувства белых и призывал их к такой же работе, какую несут слуги Ленина и Бронштейна, к такой же отчетливости, добросовестности и энергии... Вдруг раздаются голоса из партера:

— Как вам не стыдно хвалить их! А еще офицер...

— Довольно...

— Поезжайте тогда обратно к большевикам...

И с галерки одинокий крик:

— Правильно, товарищ, продолжайте.

Так поняли представители тыловых наслоений искренний

и честный призыв Котомина, этого одного из лучших русских офицеров. На того это так подействовало вместе со всем пережитым за последние годы, что он слег больной и не мог уже оправиться. Болезнь унесла его в могилу. Моя армия лишилась в нем хорошего начальника дивизии,—на что Котомин был мною предназначен.

3. Транспорт и армия.

В Омске было министерство путей сообщения с очень энергичным, способным и жизненно-практичным человеком во главе, инженером Уструговым. Отсюда шло управление дорогами, регулировка их службы и наилучшего использования. И надо отдать полную справедливость, что это министерство стремилось выйти из рутины и бюрократических нагромождений, старалось дать максимум работы и пользы.

Однако обстановка и препятствия были настолько велики, что министр Устругов и его подчиненные буквально изнемогали от бесплодных подчас усилий. С самого начала создалось несколько факторов, которые разбивали все их старания, вводили импровизацию, нарушали стройность.

Во-первых—и это было вполне естественно—железные дороги на театре военных действий подчинялись командующим армиями, которым здесь принадлежало главное решающее слово. С этим министерство мирилось, так как видело, в большинстве, работу армейских железных дорог направленной к лучшей пользе. Кроме того, прифронтовая полоса не могла влиять сильно на жизнь страны. Гораздо важнее была магистраль от Владивостока до Омска. И вот здесь-то создалась главная помеха; почти с самого начала был образован из представителей всех «союзных» держав железнодорожный комитет, который взял на себя, явочным порядком, регулировку вопросов эксплуатации дороги и движения на всем участке от Омска до Владивостока. Главная роль в нем принадлежала американским и английским инженерам, и хотя зачастую русские интересы, даже интересы фронта, приносились в жертву различным интернациональным целям, которыми была пропитана вся интервенция,—русскому министру путей сообщения приходилось подчиняться.

Дело в том, что Сибирь не располагала ни одним заводом для постройки паровозов, вагонов и запасных частей. Все это, заказанное и оплаченное в большинстве еще императорским правительством в Соединенных Штатах и в Канаде, теперь было обещано доставить и передать прави-

тельству адмирала Колчака; частью это было и выполнено. Но при каких каждый раз обстоятельствах?!

Припомним, как выдавалось военное снабжение, доставленное широким английским жестом на армию в 200 000 человек. Как всегда и систематически оказывалось при этом давление на верховного правителя, на его политику, как проглядывало желание давить даже на стратегические планы армий, как искусно и скрыто оказывалась этими «союзными благодетелями» поддержка эсерам! В области железнодорожной помощи все это приняло еще большие и уродливые размеры. Во Владивосток прибыло большое количество запасных частей, осей и колес, несколько паровозов; весь этот ценный груз союзные страны давали России, давали за ее жертвы кровью сынов ее и... за русское золото. Давали союзные страны, а их официальные представители требовали взамен почти полного себе подчинения, становились выше не только министра путей сообщения, но даже выше номинального диктатора. Понятно, это мешало работе, сильно затрудняло ее; а «союзникам» давало возможность проводить меры для своих, не всегда чистых, целей.

На этой же почве наши бывшие военно-пленные, составившие теперь, в 1919 году, «союзные» полки: чехо-словацкие, польские, румынские и итальянские, захватили в свои руки огромное количество подвижного состава; так, за тремя чешскими дивизиями числилось свыше 20 000 вагонов. Польская дивизия, сформированная французской миссией генерала Жанэна, также из бывших наших военнопленных, захватила свыше 5 000 вагонов; были собственные поезда у румын и итальянцев.

Никакие силы не могли заставить этих «интервентов» вернуть вагоны и паровозы. Железнодорожной администрации приходилось принимать факт этого ограбления и изворачиваться ограниченным запасом подвижного состава, который остался в фактическом распоряжении русского министра путей сообщения.

Затем все интервенты-союзники, приезжая в Сибирь, чтоб спасти бедную разоренную Россию, быстро входили во вкус; у всех их руководителей были собственные поезда, составленные из лучших вагонов, с кухнями, ванными, электричеством: Поезда Жанэна, Нокса, Павлу, разных «высоких комиссаров» (которые, увы, сыграли на руку невысоким советским комиссарам) поражали своей роскошью, незнакомой и недопустимой даже в их богатых странах. Дошли до такого нахальства, что распоряжение и распределение всеми салон-вагонами взял на себя штаб французского генерала Жанэна, выдававший их почти исклю-

чительно иностранцам. Опять-таки справедливость требует сказать, что японцы вели себя и здесь всех скромнее, достойнее,—и только они, представители страны Восходящего Солнца, не имели в бедной России роскошных поездов.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верст, проходит глухою тайгой или беспредельными степями. Большевики и эсеры, объединив свои силы, направляли все внимание на эту важнейшую артерию, питавшую армию и страну, обеспечивавшую вывоз сырья из богатых губерний Сибири. И вот те шайки, которые были собраны социалистами, организовали планомерную кампанию нападения на железную дорогу.

Нападения производились на наиболее трудные участки ее, с сильными изгибами пути или с предельными подъемами и спусками. В таких местах банды разбойников разбирали путь, портили рельсы и стрелки, иногда взрывали мосты. Для этого ими выбиралось время, когда шли из Владивостока поезда с военным снабжением или направлялись ценные грузы. Глухой ночью совершалось покушение, поезд спускался, под откос, разбивались вагоны; банда производила грабеж.

Временами доходило до того, что мы прекращали ночное движение, пуская поезда только днем. Можно себе представить, какое затруднение в транспорте создавалось благодаря всему этому. Но отвлекать наши русские войска на службу обороны Сибирекой магистрали было нельзя, и без того боевой фронт наш задыхался в неустанной борьбе из-за недостатка подкреплений с тылу.

Поэтому пришлось прибегнуть к милости интервентов, которые в своем междусоюзническом комитете (или совдепе, как его называли даже некоторые английские офицеры) решили разделить железную дорогу на участки и поручить охрану иностранных войск. От Владивостока до Читы—японцы, около Байкальского озера—небольшой участок—американцы, далее немного—румыны, центр: Иркутск—Омск—Томск—чехи, Алтайская железная дорога—5-я польская дивизия.

Казалось бы,—самая естественная вещь. Раз пришли помогать, если называются союзниками, да вдобавок еще едят русский сибирский хлеб, то какие тут могут быть разговоры? Становись на работу и выполняй ее честно и исправно по наряду русской власти.

Так должно было бы быть при нормальном порядке. Так было бы, если бы мы, русские войска, пришли помогать кому-либо из союзников в их стране. Так и бывало не один раз, когда русскими боками спасали «союзников». Но здесь, в Сибири, опять-таки проявились, с одной сто-

роны, наша русская стародавняя привычка взирать на иностранца снизу вверх, чуть не с подобострастной улыбкой, а с другой—их обычная самоуверенность и напыщенное самодовольство, чтобы не сказать более резкого слова.

Почти все иностранцы, взявшие на себя охрану Сибирской железной дороги, смотрели на это как на величайшее одолжение, как на благодеяние, которое они делают бедным русским; они исполняли только приказы своего «междусюзнического комитета», не считались совершенно с русской властью и железнодорожной администрацией. При этом в оправдание приводилась все та же фарисейская увертка—«невмешательство в русские внутренние дела».

Самая служба охраны железной дороги неслась так. Начинают учащаться случаи нападения банд на железную дорогу, происходят покушения на отдельных интервентов, охраняющих данный участок. Тогда они решают действовать; усиливаются караулы, ловят нескольких разбойников, решают их, отгоняют банды в тайгу и на этом успокаиваются. Когда им предлагалось довести дело до конца, преследовать банду и уничтожить ее с корнем, получался ответ:

— Это не наше дело!

Случалось, что такой способ не давал результатов: нападения на дорогу и иностранную охрану не прекращались. Тогда интервенты—особенно чехо-словаки и польская дивизия—устраивали карательную экспедицию. На опасном участке сжигались два-три богатых сибирских села, за их будто бы отказ выдать преступников-бандитов.

Это вызывало страшное озлобление мирного, ни в чем неповинного населения, сыновья которого сражались за русское национальное дело в рядах белой армии. И естественно, что это озлобление переносилось, отражалось рикошетом на центральном правительстве адмирала Колчака, на русских властях. Таково было положение на железной дороге, в то время когда роль ее выдвигалась на первое место вследствие того, что новая неудача на фронте начала превращаться в катастрофу.

В самый нужный момент, когда необходимо было дать сверхсильное напряжение, чтобы в западном направлении подать армиям помощь снабжением и силами, а в обратном направлении—на восток—вести планомерную и безостановочную работу эвакуации,—оказалось, что русская власть бессильна использовать свою железную дорогу. А вдобавок к этому тыловые органы, загроможденные бюрократическим бумажным строем и зараженные эсеровской глечью, упорно и беззастенчиво, приводя самые ребяческие отговорки и отписки, тянули время и занимались тем, что копили военное снаряжение в глубоких тыловых складах.

И армия, проявившая чудеса героизма и предел напряжения сил, добившаяся блестящей победы, была предана—она не получила ни пополнений, ни одежды, ни теплых вещей. А между тем наступала уже суровая сибирская зима.

4. Канун катастрофы.

Совершалось еще более вопиющее. Когда тыл, его бюрократические органы увидели, что дело нешуточное, что на фронте положение принимает действительно катастрофические размеры, грозящие и их существованию, то там всколыхнулись и стали спешно собирать пополнения, грузить теплую одежду и обувь, направляя эшелон за эшелон в действующую армию.

Все это принимало вид нерешительных, спешных и судорожных мер. Наши части были в непрерывном движении. Отступление протекало планомерно, с постоянными, ежедневными боями, чтобы парализовать новые стремления красного командования перерезать в тылу железную дорогу. В то же время шла напряженная работа по эвакуации раненых и больных, военных грузов и железнодорожного имущества. Шел непрерывный поток с запада в восточном направлении: поезда с пополнением и снабжением, врезываясь вне всякой системы навстречу этому потоку, простаивали неделями на станциях, не могли добраться до фронта, или запаздывали и только мешали. Иное было бы две недели назад, когда все железные дороги были свободны, армия стояла на Тоболе, система транспорта и этапные линии были хорошо налажены. Естественно, что на строение в войсках падало все больше и больше. Вот жизненный документ, крик армий—донесение командующего конной группой:

«За последнее время все указывает на сильный упадок духа солдат вследствие все уменьшающегося численного состава частей и отсутствия пополнений. Волнуются и недоумевают, почему до сих пор ни один полк не пополнен, когда в некоторых ротах осталось около десяти человек. Такое положение создает благодарную почву для всякой пропаганды и агитации, чем несомненно воспользуется наш противник, хорошо осведомленный, о том что делается в наших войсках. Красные уже разбрасывают прокламации, призывающие наших солдат окончить войну, перебив своих офицеров и выдав красным адмирала Колчака, в свою очередь обещая перебить своих комиссаров и выдать нашим солдатам Ленина и Троцкого. Подобные прокламации, попадая в руки солдат, не могут не оказать влияния на менее сознательный элемент... Далее, в связи с наступившей холодной и сырой погодой и необходимостью часто ночевать в лесу под открытым небом, разливается недовольство солдат отсутствием теплой одежды; солдатами указывается, что в тылу все одеты и во все теплое... Мы рискуем потерять и оставшийся кадр ранее доблестно сражавшихся частей. 25 октября 1919 года. Генерал Волков. № 2642».

Ропот среди армий все усиливался. Тяжелое отступление полураздетых частей продолжалось без надежды остановить его, чтобы дать красным сильный отпор и снова перейти в наступление. Вместе с тем развилась до небывалых пределов и пропаганда в тылу. В результате всего падала самая вера в успех дела, исчезла надежда на скорую конечную победу, терялся смысл дальнейших жертв.

В такой обстановке тыл начал теперь спешно подавать на фронт пополнения. Густыми массами шли маршевые роты, без всякой системы, с нарушением самых примитивных требований порядка: так, зачастую поезда с пополнением простаивали сутками на станциях или разъездах, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, верили самым вздорным слухам, легко поддавались обману и агитации. Наконец, эти голодные и распропагандированные маршевые роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику.

Вначале пробовали их вливать в полки, которые таяли с каждым днем, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовые предательства. Только что прибывшее пополнение, получив приказ идти в наступление, выбегало, поднимая вверх винтовки, обращенные прикладами в небо, передавалось на сторону красных и открывало огонь по своим. Почти все офицеры в таких полках гибли...

Пал Петропавловск. Армии неудержимо катились на восток. Омск, где оставался до сих пор и верховный правитель и все министерства, был уже под угрозой с фронта и с севера, от Тобольска. И не только под угрозой,—Омск был уже обреченным, так как спасти его могло только чудо; человеческие усилия были не в состоянии этого сделать в той обстановке, которая создалась к этому времени.

Нельзя выразить той горечи, какая охватила всех нас на фронте, всю армию. Сделанный ею подвиг, одержанная на Тоболе победа, сознание близкого и окончательного разгрома красных,—все пошло прахом... И не было надежды на новое улучшение, на перемену...

5. Новый главнокомандующий и его программа.

[В первых числах ноября ген. Дитерихс отказался от должности главнокомандующего, считая невозможным защищать Омск. Колчак, настаивая на защите Омска, назначил главнокомандующим автора книги, ген. Сахарова.]

Армия неудержимо катилась на восток. Эвакуация была затруднена до невозможности, так как до самого последнего времени не было предпринято никаких шагов для вывоза огромнейших военных складов в Омске; наоборот, до конца

октября все прибывали новые транспорты с различными снабжениями. Надо было собирать и эвакуировать огромные министерства, спасать раненых, больных и семьи военных.

Вдобавок ко всем трудностям прибавилась еще одна: в 1919—1920 году зима была исключительно теплая, сравнительно с обычной сибирской; в первой половине ноября морозы все время колебались между двумя—тремя градусами тепла и пятью мороза. По Иртышу шла шуга (мелкий лед); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромные переправы. Наши армии надвигались к Иртышу и становились перед неразрешимой задачей, как совершить переправу через эту огромную реку. Какой-либо маневр под Омском был совершенно невозможен.

И в то же время армия все более и более таяла, оставшись одетой по-летнему: А в тылу были накоплены колоссальные запасы—такие, что их не могла бы использовать вдвое большая, чем наша, армия!

На заседании совета министров я повторил мой доклад, обратил внимание на все эти трудно исправимые минусы, вызвавшие полнейший крах осенней операции, и предупредил, что на защиту Омска рассчитывать нельзя, что может быть удастся собрать резерв к востоку от Иртыша и там дать красным генеральное сражение.

Спасти общее наше положение было тогда еще возможно; понятно, не удержанием Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; все силы надо было направить к двум главнейшим целям: спасти кадры армий и удержать ими фронт в дефиле примерно на линии Мариинска; в то же время сильными, действительными мерами, не считаясь ни с чем, надо было очистить тыл и привести его в порядок. Изгнать преступную бюрократическую бездельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнейшего предательства социалистами; объявить партию эсеров противогосударственной, врагами народа; наладить жизнь населения в самых простейших и необходимейших ее формах и обратить усилия всех и всего для боевого фронта. Работать зиму не покладая рук, и тогда к весне можно было рассчитывать на новое успешное наступление, особенно, когда население Западной и Средней Сибири узнало бы на своих спинах всю прелесть большевизма.

Вот была общая программа, которая стояла передо мной и которая была набросана перед советом министров; это был единственный шанс на успех. При этом выдвигалось необходимым установление фактически военного управления вплоть до Тихого океана, выявление нового лозунга—

движение для возрождения России по ее историческому пути с принятием правого курса политики внутри страны, а вместе с тем и направление и внешней политики только в интересах дела возрождения России, вплоть до заключения, если понадобится, секретных договоров с странами действительно дружески действующими по отношению к нашему отечеству.

С другой стороны, настоятельно необходимо было отказать раз навсегда от угодничества перед теми иностранцами, которые вели в Сибири политику «бельэтажа интернационала», оказывали поддержку эсерам, заставляли наше правительство плясать под их дудку, вредили национальному воскресению России.

Тяжелый был момент, но выход виделся, хотя и угрожаемый гигантскими препятствиями, осложненный сверхчеловеческими трудностями, но все же выход прямой, вытекающий из сил и средств, которыми мы располагали.

Только это одно, лишь сознание долга идти и вести к этому выходу заставило меня принять обязанности главнокомандующего и взвалить себе на плечи огромную, сверхсильную ношу. В тот же день, когда я приехал в Омск, а генерал Дитерихс уезжал отдельным поездом во Владивосток, мне ясно представилось, как в случае не только неудачи, а временных успехов будут со всех сторон выдвигаться все новые и новые препятствия и врагами будут пущены в ход все средства. Особенно ввиду того, что проведение основного плана в его целом возможно было лишь при твердом, систематическом курсе, при суровых, а подчас и жестоких мерах. Как же иначе было бороться и желать победить еврейскую беспощадную диктатуру над русским народом, правящую под фирмой «большевиков-коммунистов»?

6. После падения Омска.

Пять литерных поездов, составлявших личный штаб верховного правителя (один из них был с золотым запасом) выехали из Омска 13 ноября; я дождался приезда командующих армиями генералов Капиеля и Войцеховского и 14 ноября, после совещания с ними, выехал из Омска с моим штабом.

А 15 ноября утром красные с севера обошли бывшую столицу сибирского правительства, и наши войска принуждены были оставить линию реки Иртыша. Омск пал...

На десятки верст слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные омские запасы сна-

рядов, патронов и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченные их радио торжествовали полную победу.

Но это было не так. Перед нами лежал ряд задач, которые нужно было выполнить, и тогда положение было бы спасено. Борьба за Россию была бы доведена до конца, до нашей победы.

Фактически армия теперь сошла на задачу прикрытия эвакуации—сплошной ленты поездов, вывозящих на восток раненых и больных, семьи офицеров и солдат, а также те запасы, военные и продовольственные, которые удавалось погрузить.

Армия свелась в сущности к целому ряду небольших отрядов, которые все еще были в порядке и в управлении, так как состояли они из отборного, лучшего в мире элемента. Сохранилась организация. Но дух сильно упал. До того, что появлялись даже случаи невыполнения боевого приказа. На этой почве командующий 2-й армией генерал Войцеховский принужден был лично застрелить из револьвера командира корпуса генерала Гривина, который наотрез отказался подчиниться боевому приказу задержать корпус и дать красным отпор, а заявил, что он поведет свои полки прямо в Иркутск, к месту их первоначального формирования; на предложение Войцеховского сдать командование корпусом Гривин ответил также отказом.

По пути от Омска до Татарска была сделана социалистами попытка крушения поезда с золотом, но охрана оказалось надежной и не дала злоумышленникам расхитить государственную казну. Министр путей сообщения Устругов руководил эвакуацией, находясь все время на самых тяжелых участках. Главная трудность заключалась в том, что нехватало на все эшелоны паровозов. Поезда простаивали по нескольку суток на небольших станциях и разъездах, среди безлюдной сибирской степи, занесенной снегом, без воды, без пищи и без топлива, зачастую замерзая.

С каждым днем положение ухудшалось, так как число эвакуируемых эшелонов постепенно все возрастало; вскоре железнодорожный вопрос принял размеры катастрофы. Дело в том, что чехо-словаков, это главное воинство интервенции в Сибири, охватила паника, и они произвели в тылу страшное дело.

Расквартированы чехи были так: первая дивизия на участке Иркутск—Красноярск, вторая дивизия—в Томске, а третья занимала Красноярск и города западнее его,

до Новониколаевска. 5-я польская дивизия имела главную квартиру в Новониколаевске и располагалась на юг до Барнаула и Бийска. Поляки, благодаря своему доблестному начальнику дивизий полковнику Румше (бывшему русскому офицеру), решили драться против большевиков совместно с нашей армией и просили вывезти по железной дороге только их госпитали, семьи и имущество («интендантура»). Совсем иначе повели себя чехо-словацкие легионы.

Как испуганное стадо, при первых известиях о неудачах на фронте, бросились они на восток, чтобы удрать туда под прикрытием русской армии. Разнузданные солдаты их, доведенные чешским комитетом и представителями Антанты почти до степени большевизма, силой отбирали паровозы всех нечешских эшелонов; не останавливались ни перед чем.

В силу этого наиболее трудным участком железной дороги сделался узел станции Тайга, так как здесь выходила на магистраль Томская ветка, по которой теперь двигалась самая худшая из трех чешских дивизий—вторая. Ни один поезд не мог пройти восточнее ст. Тайга; на восток же от нее двигались бесконечной лентой чешские эшелоны, увозящие не только откормленных на русских хлебах наших же военнопленных, но и награбленное ими, под покровительством Антанты, русское добро. Число чешских эшелонов было непомерно велико,—ведь на пятьдесят тысяч чехов было захвачено ими более двадцати тысяч русских вагонов.

Западнее станции Тайга образовалась железнодорожная пробка, которая с каждым днем увеличивалась. В то же время Красная армия, подбодренная успехами, продолжала наступление, а наши войска, сильно поредевшие и утомленные, не могли остановить большевиков. Отход белой армии продолжался в среднем по десяти верст в сутки.

Из эшелонов, стоявших западнее Новониколаевска, раздавались мольбы, а затем понеслись вопли о помощи, о присылке паровозов. Помимо риска попасть в лапы красных, вставала угроза смерти от мороза и голода. Завывала свирепая сибирская пурга, усиливая и без того крепкий мороз. На маленьких разъездах и на перегонах между станциями стояли десятки эшелонов с ранеными и больными, с женщинами, детьми и стариками. И не могли двинуть их вперед, не было даже возможности подать им хотя бы продовольствие и топливо. Положение становилось поистине трагическим: тысячи страдальцев русских, обреченных на смерть, а с другой стороны,—десятки тысяч здоровых откормленных чехов, стремящихся ценою жизни русских спасти свою шкуру.

Командир чешского корпуса Ян Сыровой уехал в Крас-

ноябрьск, их главнокомандующий, глава французской миссии, генерал-лейтенант Жанзи сидел уже в Иркутске; на все телеграммы с требованием прекратить преступные безобразия чешского воинства оба они отвечали, что бессильны остановить «стихийное» движение. Вскоре Ян Сыровой принял вдобавок недопустимо наглый тон в своих ответах, взваливая всю вину на русское правительство и командование, обвиняя их в «реакционности и недемократичности».

Невольно возникает мысль о том, что многое здесь не являлось одною лишь случайностью, а было преднамеренным преступлением. Как уже указывалось в главе 1-й, руководители чехо-словаков снюхались с самого начала с эсерами; они поддержали учредителей, бесславный Комуч, спасли от офицерского суда «сельянского министра» Виктора Чернова и принесли много другого вреда России. Политический же чешский комитет провел большую работу также и в подпольной подготовке эсерами взрыва русского дела в Сибири. Есть полное основание предполагать, что все эти «доктора» Клофачи, Павлу, Гирсы, Благоши и др. являлись даже одними из заправил эсеровского комплота в нашем тылу. Поэтому та разруха и ломка транспорта, которую внесли стада чешских легионеров, были, надо думать, одним из действий, проведенных по программе эсеров, этих верных союзников-товарищей большевиков. По крайней мере факты говорят за то.

В эти дни ноября 1919 года наступило самое тяжелое время для русских людей и армии; все ее усилия и подвиги за весну, лето и осень 1919 года были сведены преступлениями тыла на-нет. Заколебались уже и самые основания здания, именовавшегося омским правительством. Выступила наружу тайная, темная сила, начали выходить из подполья деятели социалистического заговора. Сняли маски и те из них, которые до сей поры прикидывались друзьями России.

Среди последних оказались, кроме руководителей чехо-словацкого воинства, также в большинстве и представители наших «союзников». К концу ноября все это объединилось к востоку от Красноярска, образовало свой центр в Иркутске и начало переходить к открытым враждебным действиям, ожидая лишь удобного момента, чтобы ударить сзади и раздавить белое освободительное движение—совместно с большевиками, с их Красной армией, наступавшей с запада.

Мы были поставлены между двумя вражескими силами: с фронта большевики, с тыла родственные им эсеры со всей своей организацией, с чехо-словаками, с могучей поддержкой Антанты. И эта вторая опасность была значительно больше первой, она сильнее угрожала жизни Рос-

сии. Необходимо было все усилия обратить на ликвидацию эсеров, с корнем уничтожить заговор, образовавшийся в тылу.

В это время верховный правитель и штаб находились в Новониколаевске. Был намечен следующий план действий: армия будет медленно и планомерно, прикрывая эвакуацию, отходить в треугольник Томск-Тайга-Новониколаевск, где к середине декабря должны были сосредоточиться резервы; отсюда наша армия перейдет в наступление, чтобы сильным ударом отбросить силы большевиков на юг, отрезая их от железной дороги. В то же время предполагалось произвести основательную чистку тыла: секретными приказами был намечен одновременный арест и предание военно-полевому суду всех руководителей заговора в тылу, всех партийных эсеров в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке.

Были приняты резкие меры к привлечению всех здоровых офицеров и солдат в строй для усиления фронта, а также для создания в тылу надежных воинских частей.

Чехам и их главарю Сыровому было заявлено, что если они не перестанут мешаться в русские дела и своевольничать, то русское командование готово идти на все, включительно до применения вооруженной силы. Одновременно командующему забайкальским военным округом генералу атаману Семенову был послан шифрованной телеграммой приказ занять все тоннели на Кругобайкальской железной дороге; а в случае, если чехи не изменят своего беспардонного отношения, не прекратят безобразий, будут также нагло рваться на восток и поддерживать эсеров,—то приказывалось один из этих тоннелей взорвать. На такую крайнюю меру верховный главнокомандующий пошел потому, что чаша терпения переполнилась: чехо-словацкие полки, гуская в ход оружие, продолжали отнимать все паровозы, задерживали все поезда; в своем стремлении удрать к Тихоому океану они оставляли на страшной муке и смерти тысячи русских раненых, больных, женщин и детей. А Жаннэн и Ян Сыровой занимались легким уговариванием этого бесславного воинства развращенных, откормленных чешских легионеров и на все требования русских властей отвечали уклончивыми канцелярскими отписками.

7. Восстание в городах.—Новый премьер-министр.

Теперь, зимою, в конце ноября, настало время, когда на фоне сибирской жизни ярко выступили те пятна, зашевелились те злые гнезда эсеровщины, которые подготовлялись весною и летом и были скрыты почти ото всех глаз.

Как волшебные тени, появились они вдруг, сразу. Сначала Владивосток, Иркутск, затем Красноярск и Томск. И то, что многим представлялось весной далекой злой опасностью, почти как несуществующий кошмар, стало выявляться наяву, вставать кровавым призраком новой гражданской войны в тылу.

Откуда был дан сигнал к восстаниям, пока покрыто неизвестностью. Но видимо из Иркутска, где к этому времени сосредоточилось все тыловое: совет министров, все иностранные миссии Антанты, политики чехо-словацкого национального комитета и их высшее командование, а также масса дельцов разных политических толков, от кадет и левее.

Первое восстание разразилось во Владивостоке. Гайда, герой былых побед и новых интриг, живший в отдельном вагоне, сформировал штаб; собрал банды чехов и русских портовых рабочих и 17 ноября поднял бунт, открытое вооруженное выступление. Сам Гайда появился в генеральской шинели без погон, призывая всех к оружию за новый лозунг: «Довольно гражданской войны. Хотим мира!»

Старое испытанное средство социалистов, примененное ими еще в 1917 году, перед позорным Брест-Литовским миром.

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттерли на второй план, как лишь нужную им на время куклу; были выкинута лозунги: «Вся власть Советам. Да здравствует Российская социалистическая федеративная советская республика!»

На третий день бунт был усмирен учебной инструкторской ротой, прибывшей с Русского Острова; банды рассеяны, а Гайда с его штабом арестован. Да и не представлялось трудным подавить это восстание, так как оно не встретило ни у кого поддержки, кроме чешского штаба да владивостокской американской миссии; народные массы Владивостока были поголовно против бунтовщиков.

Адмирал Колчак послал телеграмму-приказ: судить всех изменников военно-полевым судом, при чем в случае приговора кого-либо из них к каторжным работам, верховный правитель в этой же телеграмме повышал наказание всем до расстрела.

К сожалению, командовавший тогда приморским округом генерал Розанов проявил излишнюю, непонятную мягкость, приказа не исполнил и донес, что еще до получения телеграммы он должен был передать Гайду и других с ним арестованных чехам,—вследствие требования союзных миссий.

Одновременно с Владивостоком зашевелился Иркутск. Там образовалась новая городская дума, в состав которой

вошло на три четверти «избранного племени»—все махровые партийные работники. На первом же заседании этот вновь испеченный синедрион, вместо того чтобы заниматься городскими делами, потребовал смены министров, назначения ответственного кабинета и заговорил о том же, что и Владивосток,—о прекращении гражданской войны.

Но после подавления владивостокского восстания иркутские дельцы стихли, снова спрятались в подполье. Командовавшему войсками генералу Артемьеву был послан приказ арестовать и предать военно-полевому суду всех эсеров и меньшевиков, членов этой «городской думы». Неизвестно по какой причине и этот приказ не был выполнен; впоследствии генерал Артемьев доносил, что преступники спрятались, а производить массовые обыски и аресты помещали опять-таки «союзные» миссии и чехи.

Совет министров проявил не только полную растерянность и бездеятельность, но во главе с социалистом Вологодским, этим «vieux d'oreau», готов был чуть ли не подчиниться иркутской городской думе.

Верховный правитель тогда решил сменить Вологодского и назначил премьер-министром Пепеляева (Виктора), брата генерала, командовавшего 1-й Сибирской армией.

В связи с этими событиями и другими признаками созревшей в тылу измены было собрано в Новониколаевске, в вагоне адмирала, несколько совещаний. Искали лучшего плана, наиболее выполнимого и обеспеченного решения. Выхода намечалось два.

Первый—выполнение намеченной военной операции в районе Томск—Новониколаевск, предоставление чехо-словакам убраться из Сибири при условии фактического невмешательства в русские дела и сдачи русского казенного имущества, полное использование для этого Забайкалья и сил атамана Семенова при поддержке японцев; намеченная отправка золотого запаса в Читу под надежную охрану; затем планомерное, систематическое уничтожение эсеровской измены и подготовка в глубине Сибири сил для новой борьбы весной.

Второй—предоставить всю Сибирь самой себе: пусть испытает большевизм, переболеет им; пусть все «союзники» с их войсками, нашими бывшими военнопленными, тоже попробуют прелестей большевизма и уберутся из Сибири. Верховный правитель с армией уходит из Новониколаевска на юг, на Барнаул-Бийск, в богатый Алтайский край, где соединяется с отрядами атаманов Дутова и Анненкова и, базируясь на Китай и Монголию, выжидает следующей весны—для продолжения борьбы, для ее победного конца.

Адмирал Колчак отверг второй план совершенно и оста-

новился на первом; но он категорически отказался отправить золото в Читу. Сказалась отрывка прошлой ссоры, проявилось недоверие.

Было принято в конце решение, что адмирал, а с ним и золотой запас останутся непосредственно при армии, не отделяясь от нее далеко. К несчастью, и это решение не было выдержано до конца, что и привело, как будет видно ниже, к самой трагической развязке.

Для более правильного и успешного проведения принятого плана, ввиду полной нежизненности бюрократической машины так называемых министерств, был обнародован верховным правителем указ, которым выше совета министров ставилось верховное совещание, составленное под председательством верховного правителя из главнокомандующего, его помощников и трех министров—премьера, внутренних дел и финансов. Этим актом министерства должны были свестись на простые исполнительные канцелярии, при чем предполагалось сильно сократить их штаты.

Все это время я со своим штабом был занят разработкой и подготовкой новой операции, при чем сосредоточение и выполнение ее было намечено на середину декабря.

Чтобы легче парализовать политические интриги генерала Пепеляева и его ближайших помощников, был заготовлен приказ о превращении 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус со включением его во 2-ю армию генерала Войцеховского.

Придя к этим решениям и начав их осуществление, верховный правитель отдал приказание переместить его эшелоны и мой штаб в Красноярск.

8. Борьба за власть в командном составе армии.

8 декабря вечером поезд моего штаба после долгих задержек пришел на станцию Тайга, где с утра уже находились все пять литерных эшелонов верховного правителя. У семафора стоял броневой поезд 1-й Сибирской армии, к самой станции была стянута егерская бригада этой же армии, личный конвой генерала Пепеляева и одна батарея. В вагоне адмирала находились целый день оба брата Пепеляевы,—генерал, приехавший из Томска, и премьер-министр—из Иркутска.

Когда я пришел к верховному правителю с докладом всех подготовленных распоряжений по выполнению принятого плана, то нашел его крайне подавленным. Пепеляевы сидели за столом по сторонам адмирала. Это были два крепко сшитых, но плохо скроенных, плотных сибиряка; лица у обоих выражали смущение, глаза опущены вниз—

сразу почувствовалось, что перед моим приходом велись какие-то неприятные разговоры. Поздоровавшись, я попросил у адмирала разрешения сделать доклад без посторонних; Пепеляевы насупились еще больше, но сразу же ушли. Верховный правитель внимательно, как всегда, выслушал доклад о всех принятых мерах и начал подписывать заготовленные приказы и телеграммы; последним был приказ реорганизации 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус.

Адмирал поморщился и начал уговаривать меня отложить эту меру, так как она может-де вызвать большое неудовольствие, даже волнения, а то и открытое выступление.

— Вот,—добавил он,—и то мне Пепеляевы уже говорили, что Сибирская армия в сильнейшей агитации, и они не могут гарантировать, что меня и вас не арестуют.

— Какая же это армия и какой же это командующий генерал, если он мог дойти до мысли говорить даже так и допустил до такого состояния свою армию. Тем более необходимо сократить его. И лучший путь—превратить в неотдельный корпус и подчинить Войцеховскому.

Верховный правитель не соглашался. Тогда я поставил вопрос иначе и спросил, находит ли он возможным так ограничивать права главнокомандующего, не лишает ли он этим меня возможности осуществить тот план, который мною составлен, а адмиралом одобрен.

— А я не могу допустить генерала, который хотя и в скрытой форме, но грозит арестом верховному правителю и главнокомандующему, который развратил вверенные ему войска,—докладывал я,—иначе я не могу оставаться главнокомандующим.

Все это сильно меня переволновало, что, очевидно, было очень заметно, так как адмирал Колчак стал очень мягко уговаривать пойти на компромисс; здесь он, между прочим, сказал, что оба Пепеляевы и так уже выставляли ему требование сменить меня, а назначить главнокомандующим опять генерала Дигерихса.

Я считал совершенно ненормальным и вредным подобное положение и доложил окончательно, что компромисса быть не может.

— Хорошо,—согласился адмирал,—только я предварительно утверждения этого приказа хочу обсудить его с Пепеляевыми. Это мое условие.

Через несколько минут оба брата были позваны адъютантом, и две массивные фигуры вошли, тяжело ступая, в салон-вагон.

Приказ о переформировании 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус произвел ошеломляющее впечатление.

Сначала Пепеляевы видимо растерялись, но затем генерал оправился и заговорил повышенным, срывающимся в тонкий крик, голосом:

— Это невозможно, моя армия этого не допустит...

— Позвольте,—перебил я,—какая же это, с позволения сказать, армия, если она способна подумать о неисполнении приказа. То вы докладывали, что ваша армия взбунтуется, если ее заставят драться под Омском, теперь—новое дело.

— Думайте, что говорите, генерал Пепеляев,—обратился к нему резким тоном, перебив меня, адмирал.—Я призвал вас, чтобы объявить этот приказ и заранее устранить все недоговоренное,—главнокомандующий считает, что эта перемена вызывается жизненными требованиями, необходимыми для успеха плана, и без этого не может нести ответственности. Я нахожу, что он прав.

Министр Пепеляев сидел, навалившись своей тучной фигурой на стол, насупившись, тяжело дышал, с легким даже сопеньем, и нервно перебирал короткими пальцами пухлых рук. Сквозь стекла очков просвечивали его мутные маленькие глаза, без яркого блеска, без выражения ясной мысли; за этой мутью чувствовалось, что глубоко в мозгу сидит какая-то задняя мысль—засела так, что ее не вышибить ничем: ни доводами, ни логикой, ни самой силой жизни. После некоторого молчания, министр Пепеляев начал говорить, медленно и тягуче, словно тяжело ворочая языком. Сущность его запутанной речи сводилась к тому, что он считает совершенно недопустимым такое отношение к 1-й Сибирской армии, что и так слишком много забрал власти главнокомандующий, что общественность вся недовольна за ее гонение...

— Так точно,—пробасил А. Пепеляев-генерал,—и моя армия считает, что главнокомандующий идет против ответственности и преследует ее...

— Что вы подразумеваете под общественностью?—спросил я его.

— Ну вот, хотя бы земство, кооперативы, Закупсбыт, Центросоюз да и другие.

— То-есть вы хотите сказать—эсеровские организации. Да, я считаю их вредными, врагами русского дела.

— Позвольте, это подлежит ведению министра внутренних дел,—обратился ко мне, глядя поверх очков, министр.

— Разрешите, ваше высокопревосходительство, снова выразить мне,—заговорил он, грузно повернувшись на стуле к верховному правителю,—то, что уже докладывал: вся общественность требует укола с доста генерала Сахарова

и замены его снова генералом Дитерихсом, а я, как ваш министр-председатель, поддерживаю это...

— Что вы скажете на это? — тихо спросил меня адмирал.

Я ответил, что не могу позволить, чтобы кто-либо, даже премьер-министр, вмешивался в дела армии, что не допустима сама мысль о каких-либо давлениях со стороны так называемой общечественности; вопрос же назначения главнокомандующего—дело исключительно верховного правителя, его выбора и доверия.

— Тогда, ваше высокопревосходительство, освободите меня от обязанности министра-председателя. Я не могу оставаться при этих условиях,—тяжело, с расстановкой, но резко проговорил старший Пепеляев.

Верховный правитель вспыхнул. Готова была произойти одна из тех гневных сцен, когда голос его гремел, усиливаясь до крика, и раздражение переходило границы; в такие минуты министры его не знали, куда деваться, и делались маленькими-маленькими, как провинившиеся школьники. Но через мгновение адмирал переборол себя. Лицо потемнело, потухли глаза, и он устало опустился на спинку дивана.

Прошло несколько минут тягостного молчания, после которого верховный правитель отпустил нас всех.

— Идите, господа,—сказал он утомленным и тихим голосом,—я подумаю и приму решение. Ваше превосходительство,—обратился он, некоторой даже лаской смягчив голос,—этот приказ подождите отдавать, о переформировании 1-й Сибирской армии, а остальные можно выпустить.

Через несколько часов было получено известие о вооруженном выступлении частей Сибирской армии в Ново-николаевске. Там собралось губернское земское собрание фабрикации периода керенщины, состоявшее поэтому тоже из эсеров; вызвали они полковника Ивакина и совместно с ним выпустили воззвание о переходе полноты всей государственной власти к земству и о необходимости кончить гражданскую войну.

Ивакин, не объяснив дела полкам, вывел их на улицу и отправился на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Оцепили его поезд и готовились произвести самый арест, но в это время к станции подошел, узнавши о беспорядках, полк 5-й польской дивизии под командой ее начальника полковника Румши и предъявил требование прекратить эту авантюру, под угрозой открытия огня. Тогда Ивакин, положив оружие, сдался. Офицеры и солдаты его полков, как оказалось, действительно, не знали, на какое дело их ведет Ивакин; большинство из них думало, что он действует по приказу верхов-

ного правителя. Полковник Ивакин был арестован и предан военно-полевому суду.

На станции Тайга шли почти всю ночь переговоры из-за этого инцидента. Генералом Пепеляевым была выдвинута снова угроза бунта его армии, если Ивакин не будет освобожден, при чем весь этот новониколаевский случай выставлялся им как самочинное действие войск. Через день полковник Ивакин пытался бежать из-под караула и был убит часовым. Ни одна часть 1-й Сибирской армии и не подумала выступить.

Адмирал Колчак обратился по прямому проводу к генералу Дитерихсу с предложением снова принять пост главнокомандующего. Ночью же верховный правитель передал мне, что Дитерихс поставил какие-то невозможные условия, почему он не находит допустимым дальнейшие разговоры с ним.

Затем той же ночью эшелоны верховного правителя были переведены на следующую станцию, чтобы не загромождать, как было сказано, путей станции Тайга. На утро был назначен отход и моего поезда.

9 декабря (по старому стилю 26 ноября), как раз в праздник ордена св. великомученика Георгия, который императорская Россия привыкла так чтить и отмечать в этот день славу своей армии, я был арестован Пепеляевыми на станции Тайга.

Сначала Пепеляевы хотели везти меня в Томск, в свою штаб-квартиру, но потом оставили на ст. Тайга, под самым строгим наблюдением, которое продолжалось до самого приезда генерала Каппеля [назначенного временным главнокомандующим], до вечера следующего дня.

Для него все происшедшее явилось полной неожиданностью. Каппель начал сейчас же переговоры с Пепеляевыми, затем по прямому проводу с верховным правителем, прилагая все усилия, чтобы разъяснить запутавшееся положение. Первая просьба генерала Каппеля к адмиралу Колчаку была—оставить все без ломки, попрежнему: меня главнокомандующим, а ему вернуться на свой пост в 3-ю армию. Я просил настойчиво и определенно вернуть меня на чисто строевую должность к моим войскам, также в 3-ю армию. Адмирал в это время был уже в Красноярске, откуда, за расстройством, все переговоры сильно затруднялись и заняли несколько дней. А в это время армия оставалась без управления, у заговорщиков оказались развязанными руки, и эсеровский план взрыва в тылу, сорванный было нами во-время, стал снова проводиться ими в жизнь.

Как скоро стало известно, верховный правитель пошел на уступки братьям Пепеляевым и обратился к генералу

Дитерихсу с предложением снова вступить в главнокомандование восточным фронтом; и получил ответ по прямому проводу,—что Дитерихс согласен на одном только условии, чтобы адмирал Колчак выехал немедленно из пределов Сибири за границу. Это вызвало страшное возмущение адмирала, да и Пепеляёвы, сконфуженные таким афронтом, более не настаивали.

Но начатая ими по скрытой указке социалистов-революционеров гнусная интрига стала разворачиваться с быстротою и силой, остановить которые было совершенно невозможно.

В Красноярске стоял 1-й Сибирский корпус под командой генерала Зиневича, который все время действовал по директивам и приказам своего командующего, генерала А. Пепеляева. Зиневич, выждав время, когда пять литерных поездов адмирала проехали на восток, за Красноярск, оторвались от действующей армии, произвел предательское выступление... Он послал, как это повелось у социалистов с первых дней несчастья русского народа—революции,—«всем, всем, всем...» телеграмму с явным вызовом; там Зиневич писал, что он, сам сын «рабочего и крестьянина» (тогда это осталось невыясненным, как этот почтенный деятель мог быть одновременно сыном двух папаш), «понял, что адмирал Колчак и его правительство идут путем контр-революции и черной реакции». Поэтому Зиневич обращается к «гражданской совести» адмирала Колчака, «убеждает его отказаться от власти и передать ее народным избранникам—членам Учредительного Собрания и самоуправлений городских и земских» (нового, послереволюционного, выбора, т.-е. тем же эсерам). В подкрепление своего убеждения генерал Зиневич заявил в той же прокламации, что он отныне порывает присягу и более не подчиняется верховному правителю. Этой изменой командира корпуса генерала Зиневича верховный правитель совершенно отрывался от армии, был лишен возможности опереться на нее и оказывался почти беззащитным среди всех враждебных сил. С другой стороны, и действующая армия ставилась красноярским мятежом в невозможно тяжелое положение, теряя связь с базой и всеми органами снабжения.

Что это было—бесконечная ли глупость с призывом к бонапартизму или предательство, продажное действо? Видимо и то и другое понемногу: у Пепеляева бонапартизм, у Зиневича глупость, смешанная с предательством. Вскоре обнаружилось, что за спиной Зиневича стояла шайка социалистов-революционеров с Колосовым во главе.

9. Арест Колчака.

Предательство, подготовленное эсерами, этим отребьем человеческого рода, созрело, иудино дело было совершено.

Тыл забурлил. Наполненный до насыщения разнузданными и развращенными чехо-словацкими «легионерами», сбитый с толку преступной пропагандой социалистов, неполучающий, вследствие разрухи министерских аппаратов, правильного освещения событий,—тыл считал, что все дело борьбы против красных потеряно, пропало; это впечатление усиливалось еще и тем, как поспешно неслись на восток в своих отличных поездах «иностранцы-союзнники». И английский генерал Нокс со своим большим штатом офицеров, и предатель Жанэн, глава французской миссии, главнокомандующий русскими военнопленными, американцы и разных стран, наций и наречий высокие комиссары при российском правительстве, железнодорожные и другие комиссии,—все рвалось на восток, к Тихому океану.

Их поезда проскакивали через массу чехо-словацкого войнства, которое ползло туда же, на восток, руководимое одним животным желанием: спасти от опасности свои разжиревшие от сытого безделья тела и вывезти награбленное в России добро!

Но и всего этого оказалось мало. Это было лишь начало выполнения проводимого социалистами плана; руководителям интернационала нужно было покончить с белой армией и ее вождем, верховным правителем.

Когда пять литерных эшелонов, один из которых был полон золотом, подошли к Нижнеудинску, они оказались окруженными чешскими ротами и пулеметами. Небольшой конвой адмирала приготовился к бою. Но верховный правитель запретил предпринимать что-либо до окончания переговоров. Он хотел лично говорить с французским генералом Жанэном.

Напрасно добивались этого рыцаря современной Франций к прямому проводу весь вечер и всю ночь; ему было некогда, он стремился из Иркутска дальше на восток. Но, без сомнения, причина этого наглого отказа была другая: все эти радетели русского счастья считали теперь свою роль оконченной, игру доведенной до конца; они, тайно поддерживавшие все время социалистов, теперь вошли с ними в самое тесное содружество и помогали им уже в открытую, чтобы разыграть последний акт драмы—предательство армии и ее вождя.

Представитель Великобритании, генерал Нокс со своими помощниками был уже в это время во Владивостоке. Жа-

нэн спешил за ним и, рассыпаясь в учтивостях, послал ряд телеграмм, что он умоляет адмирала Колчака—для его же благополучия—подчиниться неизбежности и отдаться под охрану чехов; иначе он, Жанэн, ни за что не отвечает. Как последний аргумент, в телеграмме Жанэна была приведена тонкая и лживая мысль-обещание: адмирал Колчак будет охраняться чехами под гарантией пяти великих держав. В знак чего на окна вагона—единственного, куда был переведен адмирал с его ближайшей свитой,—Жанэн приказал навесить флаги великобританский, японский, американский, чешский (?) и французский.

Конвой верховного правителя был распущен. Охрану несли теперь чехи. Но, понятно, это была не почетная охрана вождя, а унизительный караул пленника.

Боевая армия находилась теперь еще дальше, корпуса ее только были направлены к занятому мятежниками Красноярску, никаких определенных известий о том, в каком состоянии армия, каких она сил, что делает,—не было; кажется, руководители тылового интернационала, представители Антанты и заправилы-социалисты считали, что армии уже не существует.

В тылу, в Иркутске и Владивостоке, эсеры, вновь вылезшие теперь из подполья, как крысы из нор, захватили власть в свои руки.

Только в Забайкалье была сохранена русская национальная сила. Но когда атаман Семенов двинул свои части на запад, чтобы занять Иркутск и выгнать оттуда захватчиков власти—эсеров (среди которых опять три четверти были из племени обрезанных), то в тыл русским войскам выступили чехо-словаки, поддержанные 30-м американским полком, и разоружили семеновские отряды. Вследствие этого части иркутского гарнизона, оставшиеся верными до конца, не могли одни справиться с чехами и большевиками; под командой генерала Сычева они отступили в Забайкалье, когда выяснилось, что оттуда помощь притти не может.

Поезд с вагоном адмирала Колчака и золотой эшелон медленно подвигались на восток. На станции Черемхово, где большие каменноугольные копи, была сделана первая попытка овладеть обеими этими ценностями. Чешскому коменданту удалось уладить инцидент, пойдя на компромисс и допустив к участию в охране красную армию из рабочих.

Когда подъезжали к Иркутску, тот же чешский комендант предупредил некоторых офицеров из свиты адмирала, чтоб они уходили, так как дело безнадежно. По словам сопровождавших адмирала лиц, чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и темное, как гнусное преступление. Верховный правитель, увидав на путях япон-

ский эшелон, послал туда с запиской своего адъютанта, старшего лейтенанта Трубчашинова, но чехи задержали его и вернули в вагон.

Японцы не предпринимали ничего, так как верили—это я слышал спустя полгода в Японии—заявлению французского генерала Жанэна, что охрана чехов надежная, и адмирал Қолчак будет в безопасности вывезен на восток.

Поезд с адмиралом был поставлен в Иркутске на задний тупик, и в вагон к верховному правителю вошел чех-комендант:

— Приготовьтесь. Сейчас вы, г-н адмирал, будете переданы местным русским властям,—отрапортовал он.

— Почему?

— Местные русские власти ставят выдачу вас условием пропуска всех чешских эшелонов за Иркутск. Я получил приказ от нашего главнокомандующего генерала Сырового.

— Но как же, мне генерал Жанэн гарантировал безопасность. А эти флаги?!—показал адмирал Қолчак на молча и убого висевшие флаги—великобританский, японский, американский, чешский и французский.

Чех-комендант потупил глаза и молча в ответ развел руками.

— Значит, союзники меня предали!—вырвалось у адмирала.

Через минуту в вагон вошли представители социалистической думы Иркутска в сопровождении конвоя из своих революционных войск.

Верховный правитель был им передан чехами; в сопровождении нескольких адъютантов адмирала Қолчака повели пешком через Ангару в городскую тюрьму. С ним же вели туда и премьер-министра В. Пейеляева, который так все время ратовал за эту общественность и своими руками рубил дерево, на котором сидел.

Узнав об аресте верховного правителя, правильнее,—о предательстве, японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Қолчака. Но его голос остался одиноким—ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия не поддержали японцев; силы их здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска.

Социалистическая дума города Иркутска торжественно объявила, что она берет на себя всю полноту государственной российской власти и назначает чрезвычайную следственную комиссию для расследования преступлений верховного правителя адмирала Қолчака и его премьер-министра В. Пе-

пелеява, виновных в преследовании демократии и в потоках пролитой крови».

В это же время, опасаясь русской армии, эта кучка инородцев-интернационалистов начала спешно фабриковать свою революционную армию. Во главе был поставлен штабс-капитан Калашников, партийный эсер, бывший долго в штабе Сибирской армии Гайды. Товарищ Калашников поспешил отдать ряд громких приказов об отмене погон, титулования, о введении обращения «гражданин полковник, гражданин капитан...» и начал собирать силы, чтобы ударить с востока по нашей боевой армии.

10. Гражданская война кончена.

От задуманного плана дать большевистской армии генеральное сражение на линии Томск-Тайга пришлось отказаться, так как 1-я Сибирская армия Пепеляева почти целиком снималась со счета. Части ее, находившиеся в Томске, теперь, с приближением красных, выступили против белых в открытую по приказу своих новых вождей с лозунгом: «Долой междоусобную войну!» Новыми вождями явились те же подпольные комитеты эсеров с присоединившимися к ним старшими офицерами сорта А. Пепеляева, генерала Зиневича, полковника Ивакина. Строевое офицерство и солдаты в большинстве были обмануты и шли за новым лозунгом, потому что не видели другого выхода. Но те части 1-й Сибирской армии, которые присоединились к боевому фронту, вошли в него в районе Барнаул-Новониколаевск, остались до конца верными долгу.

Когда фронт нашей армии приблизился к Томску, то там произошло вооруженное выступление частей 1-й Сибирской армии с арестом и убийством лучших офицеров, с передачей на сторону красных. Сам командарм (как его называли) Пепеляев принужден был одиночным порядком в троечных санях скрытно пробираться из Томска на восток.

В то же время в Красноярске его достойный помощник, командир 1-го Сибирского корпуса генерал Зиневич все атаковал по прямому проводу штаб главнокомандующего, добываясь определенного ответа, какого курса будет держаться армия и согласна ли она подчиниться новой власти, присоединиться к ним для прекращения войны. Под конец Зиневич в компании со своим политическим руководителем эсером Колосовым взял угрожающий тон, заявляя, что если белая армия не присоединится к ним, то весь красноярский гарнизон выступит против нее с оружием в руках и не пропустит на восток.

Прямого ответа Зиневичу не давали, чтобы выиграть время. В то же время спешно стягивали к Красноярску части 2-й и 3-й армий, имея целью с боем занять город и рассеять бунтовщиков. Части наши двигались ускоренными маршами через первую густую тайгу Сибири, по непролазным, глубоким снегам, совершая труднейшие в военной истории марши, теряя много конского состава и оставляя ежедневно часть обоза и артиллерии. От какой-либо обороны и задержки большевистской Красной армии, наступавшей с запада по пятам за нами, пришлось отказаться совершенно. Необходимо было спешить восток к Красноярску: там силы бунтовщиков увеличивались с каждым днем, были получены сведения, что и Щетинкин с одиннадцатью полками спускается вниз по Енисею из Минусинска, на поддержку Зиневичу.

В это время генерал Зиневич начал уже переговоры с большевистской Красной армией, через голову боевого фронта, используя один неиспорченный железнодорожный провод. Зиневич вел переговоры с командиром бригады 35-й советской дивизии Грязновым, предлагая последнему свою помощь против белой армии. Большевик, как и всегда, оказался цельнее эсера; всякое сотрудничество он отверг и потребовал сдачи оружия при подходе советской армии к Красноярску. Тогда генерал Зиневич стал выговаривать «почетные» условия сдачи.

Особенно трудно было двигаться 3-й армии, которая имела район к югу от железнодорожной магистрали с крайне скудными дорогами, по местности гористой и сплошь заросшей девственной тайгой. По той же причине была потеряна связь со штабом 3-й армии.

Штаб главнокомандующего выжидал приближения корпусов в своем эшелоне, медленно продвигаясь на восток, простаивая по несколько суток на каждой большой станции. В Ачинске на второй день нашего пребывания, около полудня, как раз когда к вокзалу подошел поезд одной из частей 1-й Сибирской армии, раздался около штабного эшелона оглушительный взрыв.

Был ясный морозный день. Солнце бросало с нежно-голубого холодного неба свой золотой свет, как гордую улыбку—без тепла. Мороз доходил до остервенения. По обе стороны яркого солнца стояли два радужных столба, поднимаясь высоко в небо и растворяясь там в вечном эфире.

Я вернулся из города Ачинска, куда ездил купить кошеву для предстоящего похода—присоединения к 3-й армии. Только вошел в свой вагон, не успел еще снять полушубок, как раздался страшный по силе звука удар. Задрожал и закачался вагон, а из окон посыпались разбитые стекла.

Схватив винтовку, которая всегда висела над моей койкой, я выбежал из вагона. На платформе у вокзала было смятение. Ничком лежало несколько убитых, и их теплые тела еще содрогались последними конвульсиями. Бежали женщины с окровавленными лицами и руками; солдаты пронесли раненого, в котором я узнал моего кучера, только что вернувшегося со мной. В середине штабного эшелона горели вагоны, бросая вверх огромные, жадные языки ярко-красного пламени...

Через два дня, взяв всех раненых, наш эшелон двинулся дальше и вечером 3 января 1920 года подошел на станцию Монино, последняя остановка перед Красноярском. Здесь мы узнали, что в городе произошло «углубление» новой революции, что фактическими господами сделались большевики, что печальный герой генерал Зиневич, «сын рабочего и крестьянина», арестован и посажен в тюрьму. Чем-то не угодил!

Было решено брать Красноярск с боем на следующий день с утра. Действиями должен был руководить командующий 2-й армией генерал Войцеховский. Сначала все шло успешно. Наши части повели наступление на железнодорожную станцию, ворвались в нее, но вдруг неожиданно появился броневой поезд с красным флагом. Наши передовые роты повернули и начали отходить. Это подбодрило красных, которые перешли в контр-атаку. Наступление не удалось и было отложено.

На следующий день подтягивались новые части 2-й армии; удалось войти в связь и с 3-й армией, выход которой к Красноярску ожидался через сутки. Штаб главнокомандующего решил выйти из поезда, перейти из вагонов на сани. Жалко, что это было сделано так поздно. Во-первых, такой переход никогда не удастся гладко сразу, всегда требуется три-четыре дня, чтобы все утряслось, чтобы заполнить все недочеты, во-вторых, служба связи и штабная ведется из походной колонны совершенно иначе, к чему надо также приспособиться, в-третьих, необходимо время, чтобы втянуть силы людей и особенно лошадей.

Разместившись на санях, неумело, еще не по-походному, с массой лишних вещей, под охраной екатеринбургской учебной инструкторской школы полковника Ярцова, — двинулся штаб главнокомандующего походным порядком. К вечеру пришли и остановились на ночлег в дер. Монино, северо-западнее города Красноярска.

Ночью в эту же деревню приехал генерал Войцеховский; составил военный совет. В результате мнение командующего 2-й армией восторжествовало, и генерал Капель отдал приказ армиям двигаться дальше на восток

в обход Красноярска; города решили не брать, так как гарнизон его усилился, подошел со своими полками с юга Щетинкин; виделась такая угроза: если новая попытка взять Красноярск не увенчается успехом, белые войска попадут в положение безвыходное, между наседавшими с запада красными и бандами Красноярска. Решено было обходить город с севера.

6 января на рассвете наша небольшая колонна начала вытягиваться на дорогу, которая ведет из Минина на село Есаульское, переправу через Енисей. Дело в том, что, хотя стояла зима, все же необходимо было двигаться только на переправы: на север от Красноярска по обоим берегам реки тянутся высокие горы, несколькими грядами идут они, представляя серьезные преграды; часто попадаются между ними глубокие овраги; берега Енисея также очень крутые и обрывистые, в большинстве недоступные коннице и обозам.

В морозном тумане зимнего утра медленно подвигались длинные вереницы саней. Долгие, почти бесконечные остановки—в одну колонну вливались новые подходящие обозы. Теперь вместе со штабом шли части 2-го Уфимского корпуса, 4-я и 8-я стрелковые дивизии и 2-я кавалерийская.

Дорога чем дальше, тем делалась все труднее. Лошадям тяжело было ступать и тащить сани по размолотому, перемешанному с землей, сухому снегу. Частые, неопределенные по времени остановки утомляли еще больше. Сознание у людей как-то притуплялось и от мороза и от этих остановок, от полной неопределенности впереди... и от неуклюжих сибирских зимних одежд, в которых человек представляет собой беспомощный обрубок.

Туманное предрассветное утро перешло незаметно в серый зимний день. Около десяти часов снова остановка. По колонне передается приказание обозу остановиться на привал, а школе Ярцова и 4-й дивизии идти вперед.

Оказалось, что все дороги к северу от Красноярска были заняты сильными отрядами красных. Завязались бои. Выбили наших красных из одной деревни, в это время начинается пулеметный обстрел со следующей гряды гор. Надвигались в то же время и отряды противника с запада. Большевицкая артиллерия, выдвинутая из Красноярска, начала обстреливать наши колонны с юга. Враг оказался всюду, каждая дорога была преграждена в нескольких местах. Шел не бой, не правильное сражение, как это бывало на фронте, а какая-то сумбурная сумятица,—противник был всюду, появлялся в самых неожиданных местах.

Армия, представлявшая огромные санные обозы,—так как пехота вся к этому времени ехала в санях,—заметалась. Тучи саней неслись с гор обратно на запад, попадали здесь

под обстрел большевиков и поворачивали снова, кто на север, кто на восток, кто на юг, к Красноярску.

Большевики и мятежные войска из Красноярска высылали к нашим колоннам делегатов с предложением класть оружие, так как «гражданская война-де кончена». Нашлись среди белых легкомысленные части, которые поверили этому, не сообразили, почему же сами красные не кладут оружия...и сдались. Тогда комиссары стали высылать навстречу нашим новым колоннам этих сдавшихся белых солдат; толпами выходили они с криком:

«Война кончена, нет больше нашей армии! Кладите оружие!» Многие клали. Два оренбургских казачьих полка сдали винтовки, пулеметы, шашки и пики; после этого вышел комиссар к безоружным полкам с такими словами:

— Ну, а теперь можете убираться за Байкал, к Семёнову,—нам не нужно таких нагаечников...

Зачесали казаки в затылках; их манила другая перспектива—вернуться в свои станицы, к своим семьям, хозяйству, двинуться из Красноярска на запад. Пришлось же снова поворачивать на восток. И опять обманутые социалистами, шли казаки дальше тысячи верст на своих маштачках безоружные.

Но далеко не все попадались на удочку. Многие части дрались. Целый день продолжались бессистемные беспорядочные стычки вокруг Красноярска. Дробь пулеметной и ружейной стрельбы трещала во всех направлениях. На пространстве десятков верст творилось нечто невообразимое, небывалое в военной истории.

Дневник¹⁾.

1919 год.

29 апреля. Прибыл в Омск; в ставке невероятная толчея, свойственная неналаженному учреждению; в работе не видно системы и порядка; старшие должности заняты молодежью, очень старательной, но не имеющей ни профессиональных знаний, ни служебного опыта, но зато очень гоноровой и обидчивой. На один такт верный приходится девять неверных или поспешных; все думают, что юношеский задор и решительность достаточны, чтобы двигать крайне сложную и деликатную машину центрального управления.

30 апреля. По просьбе адмирала [Колчака, «верховного правителя»] рассказал ему свои впечатления о харбинской и владивостокской военной, политической и общественной жизни; высказал свое *sicredo* [символ веры], что атаман и атаманщина, — это — самые опасные подводные камни на нашем пути к восстановлению государственности, и что необходимо напрячь все силы, но добиться того, чтобы или заставить атаманов перейти на законное положение и искренно лечь на курс общей государственной работы, или сломать их беспощадно, не останавливаясь ни перед чем.

Адмирал ответил, что он давно уже начал эту борьбу, но он бессилен что-либо сделать с Семеновым, ибо последнего поддерживают японцы, а союзники решительно отказались вмешаться в это дело и помочь адмиралу; при этом Колчак подчеркнул, что за Семенова заступаются не только японские военные представители, но и японское правительство.

Боюсь, что по этой части адмирала обманывают его докладчики, а особенно Иванов-Ринов и другие спасители

¹⁾ Первая часть дневника Будберга, посвященная пребыванию автора в Харбине в 1918 г., помещена в III томе серии „Начало гражданской войны“. Госиздат. М. 1926 г.). Здесь мы помещаем последнюю часть „Дневника“, посвященную участию автора в колчаковском правительстве в 1919 г. *Сост.*

Семенова; общее впечатление моих дальневосточных впечатлений, что дальневосточную атаманщину поддерживают определенные лица японской военной партии и делают это ловко, придавая всему вид тайной правительственной поддержки.

Адмирал сообщил, что только что получил от Иванова-Ринова две листовых телеграммы о том, что все спасение Дальнего Востока — в назначении Семенова командующим дальневосточной армией; очевидно, читинские фирмиамы так вскружили голову бывшей полицейской ярыжке, что он возомнил, что в союзе с Семеновым ему легко будет забраться и повыше второго места на Дальнем Востоке.

Я вновь доложил адмиралу свое убеждение в необходимости раз навсегда разрешить атаманский вопрос и высказал свой взгляд, что единственным исходом будет официальное обращение ко всем союзникам с протестом против поведения Японии, поддерживающей явного бунтовщика, не признающего власти омского правительства, подрывающего ее авторитет и насаждающего своими насилиями и безобразиями ненависть к правительству и сочувствие к большевикам. Раз союзники заявляют, что не желают вмешиваться в наши внутренние дела, то зачем же они допускают японцев поддерживать антиправительственную организацию и вмешиваться в отношения адмирала к взбунтовавшемуся и забывшемуся подчиненному?

Если же это не поможет, то самому адмиралу надо принять командование над отрядом и идти на Читу; пусть японцы устраивают всесветный скандал и разоружают самого верховного главнокомандующего. Читинский нарыв надо ликвидировать, иначе он все сгноит и задушит.

Радикальность предлагаемых мной мер смутила даже адмирала, и он перешел на отчаянное положение дела снабжений армии.

2 мая. Читал пространное донесение полевого контроля при отряде атамана Анненкова, работающего к югу от Семипалатинска на границах Семиречья; порядки те же, что и у нас в Приамурье; те же беззакония, тот же произвол, то же нежелание перейти на легальные условия существования и хозяйства.

На запрос контроля об оплате произведенных реквизиций, Анненков ответил: «я реквизирую, а кто будет платить — не мое дело».

К делу поставок в этом отряде примазались разные проходимцы и мошенники, выгнанные со службы и судимые за подлоги и растраты; всюду для грязных операций нужны грязные люди.

Вернулся с фронта начальник штаба верховного главно-

командующего генерал Лебедев, выдвинутый ноябрьским переворотом на эту исключительно важную должность. Что побудило адмирала взять себе в помощники этого случайного юнца, без всякого стажа и опыта? Одни говорят, что таково было желание устроителей переворота; другие объясняют это желанием адмирала подчеркнуть связь с Деникиным, который прислал сюда Лебедева для связи.

Впечатление от первой встречи с паштаверхом неважное; чересчур он надут и категоричен, и по этой части очень напоминает всех революционных вундеркиндов, знающих, как пишется, но не знающих, как выговаривается.

Из ознакомления с донесениями с фронта убедился, что дела там совсем неважны и что оптимизм ставки ни на чем не основан. Достаточно разобраться по карте и проследить последние события, чтобы убедиться, что наше наступление уже захлебнулось и подкрепить его уже нечем. Здесь этого не хотят понять и злятся, когда это говоришь: слишком все честолюбивы, жаждут успехов и ими избалованы.

В районе Бугуруслана нас прорвали в очень опасном месте; этот прорыв уже третьего дня намечался группировкой красных войск и их передвижениями, и мало-мальски грамотный штаб, конечно, в этом разобрался бы и принял бы необходимые меры. У нас же этого не расчихали или прозевали, или не сумели распорядиться. Сейчас зато злятся, ищут виновных и рассылают обидные цуки.

Я считаю положение очень тревожным; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались за время непрерывного наступления—полета к Волге, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления (вообще очень слабую в импровизированных войсках). При таких обстоятельствах обозначившийся уже на левом фланге переход красных к активным действиям очень неприятен, так как готовых и боеспособных резервов у ставки нет; имеются совершенно сырые части генерала Каппеля, но для них нужно еще 2—3 месяца для того, чтобы они стали годными для упорных операций.

Был у военного министра генерала Степанова; знаю его по артиллерийскому училищу; порядочный человек; старательный, но бесцветный работник; знакомство с адмиралом в Японии выдвинуло его на тяжелый пост военного министра.

Сейчас под него подкапывается ставка, сваливая на него все недостатки по снабжению армии. Вообще отношения между ставкой и военным министерством самые враждебные; обе стороны зорко шпионят одна за другой и искренно торжествуют и радуются, если супротивник делает промахи и ошибки; оказывается, что в общем моральном разложе-

нии можно было докатиться и до такой гадости. Вот к чему приводит борьба за власть, за первенство; честолюбие, корыстолюбие, женолюбие слепят многих и заставляют забывать главное—спасение родины и борьбу с страшным красным зверем. В угаре этой борьбы в средствах не стесняются, а поэтому сплетня, провокация, ругань, возведение самых гнусных обвинений и распространение самых подлых слухов—в полном ходу.

3 мая. Утром поехал к члену местной японской военной миссии майору Мике, который в 1914—1915 годах состоял при штабе X армии, когда я был начальником штаба армии; приказа о моем назначении еще нет, и я решил воспользоваться своим неофициальным положением и прежним знакомством с Мике, чтобы резко, определенно и без всяких экивоков высказать ему свое удивление по поводу того, что своим вмешательством в наши дела с Семеновым они не дают нам возможности справиться с опасной смутой и утвердить незыблемый авторитет новой государственной власти. Какими фиговыми листьями ни прикрывай они дерзости и бунтарства Семенова, истина для всех ясна, и дерзость есть дерзость, бунт есть бунт. Конаться в этой истории поздно и ее надо прикончить, но так, чтобы при этом не пострадал престиж власти и чтобы впредь уже никому не было повадно выкидывать такие фокусы.

Если Семенов действительно любит Россию, то обязан понять, что сейчас долг каждого поддерживать Омск, помогать ему, ослаблять его промахи и всячески поднимать авторитет власти; будь он даже прав во всей этой истории, он обязан пожертвовать своим личным на общее благо, проявить полнейшее, беспрекословное, сугубо подчеркнутое повиновение и, забыв все, работать изо всех сил на общее русское дело, а не ради интересов читинского болота и его вздорных лягушек. Сейчас это его священный долг, дабы залечить ту глубокую и опасную рану, которую он по заносчивости нанес общегосударственной власти.

Все это я высказал Мике, при чем подчеркнул, что сейчас главная задача правительства—возможно скорее восстановить законность, порядок, уважение к власти и внушить населению уверенность, что народившаяся власть—это власть крепкая, честная, законная и сильная, способная заставить себя слушаться; нельзя позволять населению края продолжать жить в атмосфере произвола и насилий; ибо это делает его анархическим и толкает в объятия большевиков и злостных агитаторов. На Дальнем Востоке одним из крупнейших препятствий к водворению порядка и законности являются атаманы и окружающие их банды насильников, интриганов и темных жуликов, прикрывающих высокими и

святыми лозунгами всю разводимую ими грязь и преследование личных, шкурных, честолюбивых, корыстолюбивых, чрево-и плотоугодных интересов. Для этих гадин восстановление порядка и закона все равно, что появление солнца для ночных пресмыкающихся, ибо с восстановлением закона приходит конец их вольному, разгульному и развратному житью и кончается приток в их бездонные карманы безотчетных сумм, добываемых самыми темными путями.

Психология этих белых товарищей самая комиссарская, но у них нехватает откровенности и они драпируются в ризы любви к отечеству и ненависти к большевизму. Каторжный Калмыков двух слов не скажет, чтобы не заявить, что он идейный и активный борец против большевиков, а японцам должно быть лучше всех известно, с кем и какими средствами борется и расправляется этот хабаровский подголосок Семенова.

Я указал Мике, что у них достаточно агентов при Семенове и Калмыкове, чтобы знать, что делается в Чите, Даурии и Хабаровске, в атаманских юридических отделах и чрезвычайках; как грабится казенное добро, как продаются вагоны и какого сорта люди окружают Семенова и являются его советниками, представителями и уполномоченными.

Было тяжело говорить это иностранцам, но я считал, что это мой тягостный долг. Мике и пришедший затем полковник Фукуда хакали и изображали на своих лицах удивление, как будто бы я сообщал им что-нибудь новое и чрезвычайно странное; оба заявили, что ничего подобного им неизвестно, на что я порекомендовал затребовать от своих агентов необходимые сведения и выразил надежду, что, разобравшись, японцы помогут нам обратить Семенова в законное русло и сумеют очистить его от облепивших его гадюк, ибо по всему, что известно о Семенове, опасен не он, а окружающая и пленившая его клика, о которой выражаются, что в ней никого и заподозреть в порядочности нельзя.

Вред атаманщины, это—мое credo; я считаю, что она работает на большевизм лучше всех проповедей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкого. На это явление надо смотреть в широком масштабе, беспристрастно, объективно и аналитически. Мальчики думают, что из-за того, что они убили и замучили несколько сотен и тысяч большевиков и замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстановление старого порядка вещей. Обычная психология каждого честолюбивого взводного, который считает, что он решил исход боя и всей войны. Но зато мальчики не понимают, что если они без разбора и удержки

насилничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что московские хамодержцы могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников.

4 мая. Получил от Неклютина копию доклада главного начальника Уральского края Постникова о состоянии вверенного ему края; ужаснулся аналогии со всем тем, что происходит у нас на Дальнем Востоке: полное падение авторитета власти, вызванное нечистоплотностью ее представителей; то же засилье распущенных военных начальников; то же полевение народных масс, неудовлетворенных бесполезностью и гнильностью власти. При всем своем пессимизме я не ожидал, что и здесь так же плохо и что и тут, много ближе к власти и к арене ожесточенной борьбы, разворачивается такая же безнадежная, гнетущая и грозная по своим неизбежным последствиям картина.

На фронте неважно. На уфимском направлении один из украинских куреней (здесь тоже допустили эту нелепицу) перебил офицеров и перешел к красным. Несмотря на то, что в Западной армии дела совсем плохи, Сибирская армия продолжает наступление на запад. Ставка на все это взирает и повидимому не вмешивается, очевидно, неспособная понять, что неуспехи на фронте Западной армии глубже и опаснее, чем это им кажется, и что надо очень и очень об этом подумать, подобрать вожжи и выработать план действий сообразно слагающейся обстановке.

На оперативном докладе 27—30-летние генералы, не видевшие фронта, очень решительно ругают неумение и нераспорядительность фронтовых начальников. Пока что, вместо того, чтобы остановить Сибирскую армию и сообразить, что же дальше делать, сорвали с места и экстренно гонят на фронт, на затычку разных дыр и слаби, совершенно неготовые к бою части ген. Капшеля и бывшие в тылу конные части. Этим сырьем дела поправить нельзя, затычки и заплатки не помогут, но зато части быстро истребятся и сделаются неспособными к бою; ведь опять-таки недавний еще опыт германской войны дал нам десятки печальных примеров такой стратегии.

Ясно, что наше наступление выдохлось, а красное началось; нужно это учесть и принять сильные меры, а не отмахиваться и затыкать пробиваемые во фронте дыры. На мои замечания ставочные вундеркинды удивленно косятся и небрежно замечают, что победы под Пермью, Уфой и в других местах одержаны еще более сырыми частями; они неспособны понять разницы в обстановке и разницы боевого качества миллионных частей при успешном наступлении от такого

же—при начавшихся неудачах, отступлении и необходимости упорной и стойкой обороны; к последней не были годны красные; не годны к ней и мы: значит, надо отходить, вытянуть резервы, дать им отдохнуть, дойти до выработанного исходного положения для нового наступления и тогда уже перейти в таковое.

5 мая. Полученные от армий сведения о состоянии снабжений дают самую отчаянную картину; самое скверное в том, что нет надежды на скорое улучшение, ибо все заказы с большими опозданиями размещены на востоке, срочность исполнения не обеспечена, а транзитный транспорт сократился почти вдвое, так как восстания в Енисейской губернии остановили ночное движение на всем красноярском участке, и Иркутский узел все более и более забивается непропускаемыми на запад поездами.

[7 мая, автор вместе с Колчаком отправились в Екатеринбург на съезд представителей фабрично-заводской промышленности.]

8 мая. Утром прибыли в Екатеринбург; на вокзале встречены командующим сибирской армией генералом Гайда; почетный караул от ударного имени Гайды полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией; тут же стоял конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя.

Все это очень печальные признаки фронтового атаманства, противно видеть все эти бессмертные бутафории, достаточно опозоренные в последние дни агонии старой русской армии; еще противнее вместо старых заслуженных вензелей видеть на плечах русских офицеров и солдат вензеля какого-то чешского авантюриста, быть может, и храброго, но все же ничем не заслужившего чести командовать русскими войсками в их святой борьбе за спасение родины.

Сам Гайда, ныне уже русский генерал-лейтенант, с двумя Георгиями, здоровый жеребец очень вульгарного типа, по нашей дряблости и привычке повиноваться иноземцам влезший на наши плечи; держится очень важно, плохо говорит по-русски. Мне — не из зависти, а как русскому человеку, бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционного омута, вылетевшему из австрийских фельдшеров в русские герои и военачальники. Говорят, он храбр, но я уверен, что в рядах армии есть сотни наших офицеров, еще более храбрых; говорят, что он принес много пользы при выступлении чехов, но ведь это он делал для себя, а не для нас; вознаградите его по заслугам и пусть грядет с миром по своему чешскому пути; что он нам и что мы ему, он показывает это достаточно своим исключительно чешским антуражем,

тем чешским флагом, который развеивается у него на автомобиле, теми симпатиями, которые он во всем проявляет к чехам, всячески их поддерживая. Не могу дознаться, кто подтолкнул Омск на такое назначение, которое обидно, бесцельно, а может быть и вредным; то, что я слышал про Гайду в ставке, убеждает, что это тоже крупный атаман, сумевший побряками, наградами, подачками и возвышениями приобрести известные симпатии и образовать обширные кадры преданных ему лиц; такие революционные случайности понимают, что они случайны, и обыкновенно запасаются обязанными людьми для борьбы с разными течениями и деградациями. Вырастают эти бурьяны легко, а вырываются с великим трудом.

В штабе армии сделан оперативный доклад и прочитаны сводки о ходе действий в Западной армии. Я был ошеломлен и подавлен тем, что в тоне докладывавших (какой-то полковник, ген. Богословский и сам Гайда) сквозило несдерживаемое удовольствие по поводу неудач в Западной армии и усердно подчеркивались свои, довольно проблематичные при общем положении фронта, успехи. Я знал, что между штабами армий раздор и нелады, но никогда не думал, что дело зашло так далеко.

В ставке я сразу заметил, читая донесения штабов армий, что между ними существует антагонизм, вызванный несомненно соперничеством по части успехов и ссорами по вопросу о распределении сообщений; кроме того, как мне объяснили в ставке, сибиряки—представители восставших против большевиков офицерских организаций—относились вообще очень пренебрежительно к Западной армии, как преемнице Народной армии Комуча.

За оперативной сводкой последовал совершенно абсурдный доклад о развитии наступления безостановочным движением на Москву, куда генерал Пеняев обещается и обязуется вступить не позже, чем через полтора месяца. И все слушали и радовались. Я хотел доложить свой взгляд на невозможность этого проекта, но адмирал, под давлением Гайды, не дал мне слова, сославшись на то, что надо торопиться, чтобы не опоздать на парад всех войск гарнизона.

Трудно было ожидать полководческих талантов и приличного понимания широкого военного дела от бывшего австрийского фельдшера и подчиненных ему 28—30-летних генералов, видевших настоящую войну в роли взводных командиров; но можно было ожидать от них сколько-нибудь практической сметки и здравого смысла. Пришлось увидеть, что руководство операциями целых армий находится в руках младенцев, очень дерзких и решительных, но смотря-

щих на дело со ступеньки ротного командира и думающих только о своем приходе и о своих фантазиях.

Было обидно, что адмирал всему этому верил и радостно улыбался, когда ему повествовали, как Пепеляев под гром колоколов будет вступать в Москву; ведь если мы будем строить все на таких проектах, то легко добраться и до возможности потерять самую возможность когда-либо увидеть эту Москву.

Некоторые части одеты в английское обмундирование, доставленное генералом Ноксом, и в массе выглядят аккуратно и для неопытного глаза даже внушительно; остальные части одеты порядочными оборванцами. Самое скверное то, что все направлено на то, чтобы сколотить части по внешнему виду, а на отдельных солдат не обращено должного внимания. Это всегда было скверно, ну, а теперь это — основание верного неуспеха, ибо теперь нужны не боевые квадраты из дрессированных единиц, а подготовленные к бою отдельные единицы.

[В вагоне] я рассказал [ген. Попову] свои наблюдения при обходе войск, когда, между прочим, мне пришлось видеть два случая битья солдат офицерами за то, что при проходе адмирала они не поворачивали, как полагается, головы,—уже одно это дает мне право на многие печальные выводы.

После обеда Гайда возил адмирала в чешскую мастерскую-фотографию, великолепно обставленную; судя по тому, что показывали адмиралу, фотография работает главным образом для Гайды, уговоряя ему великолепные по исполнению альбомы Урала и военных действий, с крышками из разных уральских пород, украшенных уральскими самоцветами; всюду гербы Гайды поверх опрокинутых вниз головами императорских и королевских орлов и с надписью «ex libris P. Gaïdae». Исполнение высокоартистическое и, несомненно, на русский казенный счет, ибо жалованья нехватит, чтобы все это оплатить.

...Гайде, например, вздумалось иметь конвой в старой императорской конвойной форме,—и на это, по его приказу, истрчено свыше трех миллионов рублей.

Та же распущенность царит и дальше. Пепеляев захватил все запасы, найденные в Перми, и не хочет ни с кем делиться; он же заставил все местные заводы работать только на свой корпус; Гривин, Вержбицкий, Казагранди делают то же самое и не исполняют ничьих приказаний; благодаря этому в одних частях архи-избыток, а у других голод и нищенство.

Все попытки учесть военную добычу и обратить ее на общее снабжение безрезультатны и вызывают самые

острые протесты и даже вооруженное сопротивление; чинов полевого контроля гонят вон, грозят поркой и даже расстрелом. Гайда захватил единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозные мастерские,—все то, чего нет в Западной армии, и не дает последней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; в ответ на это Западная армия прижимает Сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы. Все распоряжения главного и полевого интендантов армиями игнорируются и не исполняются.

10 мая. Обедали у Гайд в шикарном особняке суконного фабриканта Злоказова. Я сидел рядом с шибко лезущим вверх генералом Сахаровым, сотрудником Нокса по устройству владивостокской офицерской школы, автором проекта создавать молодых офицеров краткосрочным обучением. Судя по его деятельности, он по идеологии недалеко ушел от блаженной памяти графа Аракчеева; по словам профессора Николаевского инженерного училища генерала Ипатовича-Горанского, Сахарова в училище звали бетонной головой; внешний вид его подходит к этому названию, внутреннее содержание, повидимому, тоже. Он влюблен в Иванова-Ринова и заявил мне, что тот представляет крупного государственного человека. Оба они держиморды аракчеевского типа и оба были бы хорошими командирами дисциплинарного батальона, где их «государственные» качества нашли бы отличное применение. В Омске на эти типы спрос; неспособная рассуждать стремительность правится, и в ней видят залог твердости и успеха.

Глубоко печально, что главные персонажи омского градоначальства одурели от своего высокого положения и думают, что курс на непреклонность и на держиморд может привести к успеху; твердость власти—не значит угрюм-бурчеевщина.

11 мая. Вечером узнал от генерала Касаткина причины, побудившие ставку выбрать северное направление для развития решительного наступления против красных. Для нас, сидевших в тылу, выбор этого направления был всегда непонятен, так как казалось, что по всей обстановке следовало двигаться через Уфу и Оренбург на Самару и Царицын на скорейшее соединение с уральцами и Деникиным..

Маленькие люди в ставке говорят, что северное направление избрано под влиянием настойчивых советов генерала Нокса, мечтавшего о возможно скорой подаче английской помощи и снабжении через Котлас, где существовало прямое водное сообщение с Архангельском, куда уже прибыли значительные английские запасы.

Все это было очень заманчиво, но не могло быть поставлено во главу угла, ибо, в конце концов, имело за собой

больше «нет», чем «да»; все это пришло бы само собой при хороших успехах у Самары и при соединении с Деникиным к западу от Царицына.

Все горе в том, что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам; Лебедев безграмотный в военном деле и практически, случайный выскочка; во всей ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьезным боевым и штабным опытом; все это заменено молодой решительностью, легкомысленностью, поспешностью, незнанием войсковой жизни и боевой службы войск, презрением к противнику и бахвальством.

Нокс очень хорошо к нам настроен, но он очень мало понимает в стратегии, да еще в русской обстановке; он искренно хочет нам блага, но надо же уметь корректировать проявления этого хотения. Он, например, упрямо стоит на том, чтобы самому распределять приходящие к нему запасы английского снабжения, и делает при этом много ошибок, дает не тому, кому это в данное время надо; появились любимые части вроде каппелевского корпуса, отлично до последней нитки и с запасом снабженного, в то время, когда имеются голые и босые части, на которые эта неравномерность действует очень скверно. Методичному и привыкшему к системе англичанину хочется сразу все наладить, не считаясь совершенно с той обстановкой, в которой все это приходится делать.

Я говорил с Ноксом и просил его передать снабжение нам, обещаясь выполнять все его желания. Нокс горячился и указывал, что русские власти не умеют распределять свои запасы, и он не желает, чтобы доставляемое Англией снабжение расплылось без толка и без пользы.

12 мая. Продолжаю болтаться по секциям и наблюдать русскую болтливость и неделовитость; меня оставили сидеть здесь до конца съезда; знакомлюсь с людьми, с настроением разных классов и с состоянием и пуждами разных отраслей промышленности. Утром был на заседании многочисленной кожевенной секции (Тюменский, Курганский и Красноуфимский районы): типичное российское заседание, председатель — демократического, эсеровского вида, но очень деспотического характера, всех перебивает, полемизирует с докладчиками и пользуется всяким случаем, чтобы подпустить резкость по адресу правительства и представителей власти; а случаев много, ибо несуразные меры разных агентов министерства снабжения довели кожевников до того, что им выгоднее гноить кожу в бучилах, чем сдавать ее в казну. Распоряжаются так, что и солдаты босы и чест-

ные кожевенные предприятия трепчат; наживаются же одни только жулики и спекулянты.

13 мая. Утром разбирался с заказами, распределенными здесь уполномоченными министерства снабжения, после чего высказал товарищу министра Мельникову, что в этом деле нужны прокурор, сенаторская ревизия и военно-полевой суд, ибо, несомненно, многие заказы распределены или сумасшедшими идиотами или заинтересованными в заказах мошенниками. Контракты составлены так, что все выгоды и преимущества даны подрядчикам, а за казной оставлены обязанности платить и отвечать за все случайности, без обеспеченной даже надежды и на срочность исполнения и на самое исполнение. В общем то-же самое, что и во Владивостоке. Крупные заказы розданы демократически по мелким, маломощным, неизвестным и совершенно безнадежным подрядчикам без залогов, штрафов и с выдачей вперед авансов, ничем абсолютно не обеспеченных; эти подрядчики брались выполнить заказы в любое время, ибо, очевидно, никогда и не собирались выполнять принимаемые на себя обязательства. Большие заводы отказались от этих поставок, так как их невозможно было выполнить в указанные в условиях сроки, особенно по новым для Урала видам производства, по которым надо было ставить новые отделы.

В результате ни один заказ к сроку не выполнен, армия сидит без обоза и без походных кухонь, а подрядчикам розданы многие десятки миллионов казенных авансов под фиговое обеспечение.

От каких-либо наскоков казны подрядчики надежно обеспечены параграфом 6-м всех договоров, по коему казна должна доставлять сырье и материалы, а если это не будет исполнено, то всякая ответственность с подрядчика спадает.

Местные обыватели говорят, что эти подряды были методом беззастенчивой спекуляции и продавались из рук в руки; был заключен договор на поставку пяти тысяч повозок стоимостью свыше 12 миллионов рублей с каким-то кондуктором подводного плавания, весь капитал которого состоял из знакомств с уполномоченными министерства и в носильном платье, а все техническое оборудование—в карманном ноже.

По словам Федотова, полученные от казны многомиллионные авансы пущены в спекуляцию по покупке и продаже разных товаров, об исполнении заказов думают только немногие, и в результате армия останется без необходимых предметов снабжения.

14 мая. [На обратном пути в Омск] встретили поезд междугородного котроля: десять brand new пультмановских

вагонов К.-В. железной дороги под двумя паровозами. Этим у фронта отнимается минимум два поездных состава и в такое время, когда каждый вагон остро нужен.

Едут якобы знакомиться с состоянием фронтовых дорог, а на самом деле катаются.

Ведь это все старые, опытные железнодорожники, для которых достаточно донесений сотен сидящих всюду агентов и инспекторов для того, чтобы знать действительное состояние дорог.

Едут под флагом важного дела, а в действительности преследуют только интересы собственного любопытства и развлечения; очень приятно проехаться по незнакомой Сибири, в чудное весеннее время, повидать близко разные события, заглянуть «на фронт»...

Вагоны великолепны, буфет, повара и вина первоклассные, удобства путешествия исключительные, до вагона с машинистками *manches-courtes* включительно; едут, как избавители и благодетели. Ну, а остановка и без того хромого движения и задержка движения на фронт продовольствия, снаряжения и одежды—это такие «пустяки» сравнительно с теми великими благодеяниями, которые принесет пробег этого великолепного поезда! Я искренно пожалел, что красные не спустили его около Тайшета под откос—вагоны блиндированные, и членовредительства не было бы.

Ведь и без того наши несчастные дороги стонут от экстренных поездов верховного, Лебедева, Гайды, разных ченских начальников, высоких комиссаров и прочих спасителей.

Все эти междусоюзные господа не в состоянии сообразить, что их ослепительный пробег взад и вперед нужен только им самим. Выдумали, что нас надо учить, как распорядиться своими дорогами; нам нужны не их советы, не их вмешательство, не их поездки, а присылка нам паровозов, запасных частей и масла; тогда и мы справимся по своему, не на первый, быть может, сорт, но не хуже иностранцев; насколько я успел познакомиться с работой министерства путей сообщения, то, кажется, это единственное, работа коего заслуживает полного одобрения и в котором рули управления в надежных и знающих руках.

Вместо советов лучше бы помогли реально поддержанию порядка на железных дорогах, понимая под этим не станции и рельсы, а всю полосу дороги. Если бы в полосе железных дорог был порядок, то тогда было бы легко иметь полный порядок и в эксплуатации. Что толку в том, что американские диспетчеры прибавят $\frac{1}{4}$ поезда в сутки, когда красноярские и тасеевские большевики спускают под откосы в десять раз большие количества вагонов.

Нужна моральная и материальная поддержка в самых широких и искренних размерах, а не советы, руководства, назойливые опекуны и прочие прелести наличной интервенции, навалившиеся на нас, как какие-то новые египетские казни.

15 мая. Вернулись в пыльный и душный Омск. Был на оперативном докладе в ставке; последние сводки мне очень не нравятся, так как несомненно на фронте Западной армии инициатива перешла в руки красных, наше наступление выдохлось, и армия катится назад, неспособная уже за что-нибудь зацепиться. Наступление красных обозначилось уже определенно по двум направлениям: вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги и в разрез между Сибирской и Западной армиями. Ставка не понимает положения и позволяет Сибирской армии наступать на Глазовском направлении. Одна лошадь в паре пытается назад, другая прет вперед. Направление в разрез армий ничем не прикрыто и, по мере продвижения сибиряков вперед, их положение делается все опаснее. Когда я указал это генерал-квартирмейстеру ставки, то тот сослался на наличие в Екатеринбурге больших резервов и добавил, что с введением в дело резерва Каппеля на фронте Западной армии все перевернется опять в нашу пользу.

Таким образом вся судьба зауральской кампании висит на двух кучах совершенно неготового к бою сырья, без артиллерии, без средств связи, не обстрелянного, не умеющего маневрировать; я не видел войск группы Каппеля, но и без того понимаю, что за несколько зимних сибирских месяцев и при условиях современной стоянки было абсолютно невозможно сформировать годные для боя части. Как подкрепления успеха такие части могли еще пригодиться, но, выдвинутые в расшатанный и катящийся назад фронт Западной армии, они не в состоянии помочь делу; фронт же Западной армии и расшатан и катится неудержимо назад, что ясно чувствуется из туманных, загроможденных и старающихся сохранить лицо донесений штаба этой армии; не подлежит сомнению, что потеряна способность сопротивления, что хуже крупного поражения.

Временами пытаюсь поймать себя в ошибочности своих мрачных расчетов, но действительность не дает мне по этой части никакой лазейки; вижу перед собой непомерно растянутый фронт; растрепанные, полуголые и босые, истомленные и вымотанные в конце части; молодое, очень храброе, но неопытное и неискусное в управлении войсками и в маневрировании начальство; самоуверенные, враждующие между собой и не особенно грамотные по полководческой части штабы армий, автономные, завистливые, не-

способные друг другу помочь; самонадеянную, бездарную, безграмотную по стратегии и организации ставку, далекую от армии и неспособную разобраться в происходящем; никаких ресурсов по части готовых для боя резервов; никаких планов текущей операции, кроме задорного желания изменить неуспех в успехе... и очень мало надежды на то, что все сие преходяще и может измениться в лучшую сторону.

То же, что делает сейчас ставка, есть безнадежное цеплянье за возможность какого-то чудесного переворота в нашу пользу; идет игра на авоську: а вдруг красные выдохнутся или подброшенные резервы сразу изменят положение.

Все это приемы, недостойные крупной игры, показывающие, что, вместо мастеров, игру ведут авоськи да небоськи самого мелкого калибра.

В тылах тоже неблагополучно; серьезное восстание разползается в Кустанайском уезде; туда послан казачий генерал Волков, известный своей решительностью; сегодня он уже доносит, что две главные банды им достигнуты и истреблены. Вообще же на восстания в тылу ставка обращает слишком мало внимания и начинает тревожиться только, если это отзывается на подвозе или вызывает посылку войск; посмотреть поглубже и повнимательнее на это движение не хотят и только от него отмахиваются. Говорил по этому поводу с Бурлиным и Кондрашевым, настаивая на необходимости обратить внимание на тыловые восстания, отыскать вызывающие их причины и принять меры по устранению этих причин, каковыми в большей половине является не большевизм.

Ставка уверена, что если на фронте будет успех, то тылы смирятся и успокоятся; я же смотрю на это иначе и считаю, что никакие успехи на фронте нам не помогут, если местные агенты власти в тылу будут вести себя так, чтобы вызывать ненависть населения. Сейчас, например, идет формирование отрядов особого назначения, поступающих в распоряжение управляющих губерниями; казалось бы, что в эти отряды надо назначить отборный состав, обеспечить его материально самым широким образом, а у нас все делается как-раз наоборот: в отряды идут отбросы армии и чиновничества, очевидно, в надежде нажить; оклады в отрядах нищенские, одеты они оборванцами и даже не все имеют вооружение. Никакой реальной силы они не представляют, являясь по существу полуразбойничьими бандами, годными на карательные экзекуции и на расправу с крестьянами, но неспособными бороться с красными шайками.

16 мая. Весь день просидел в ставке на совещаниях по поводу новой конструкции военного управления; с недоумением узнал, что, повидимому, решено сосредоточить в лице Лебедева должности начальника штаба верховного главнокомандующего и военного и морского министров, дав ему помощников по всем трем должностям. Честолюбию этого бездарного выскочки видимо нет пределов.

Я заявил, что подобное совмещение совершенно невозможно, ибо нельзя совмещать полевую должность с званием министра, члена совета министров; пытался разъяснить совещанию, что если действительно армия и фронт страдают вследствие отношений, установившихся между ставкой и военным министерством и их верхами, то сама система управления тут не при чем.

Надо или заставить верхи работать дружно и в одну струю, или же их сменить и поставить такие, которые работали бы, как хорошо съезженная пара; ломать же систему в такое горячее время невозможно.

Мое мнение осталось единоличным и никто его не поддержал.

Докладывал адмиралу и все время убеждаю ставку, что надо во что бы то ни стало остановить рост армии и всякие самочинные формирования, ибо давно уже у нас нет во что их одевать, а кое-где нет и чем кормить. Ведь по сводкам ставки у нас на довольствии состоит около 800 тысяч человек; наладить снабжение в таких размерах мы совершенно бессильны.

На наше горе красные оказались умнее нас; когда у них обозначилась невозможность сдержать наш стихийный порыв, они отдали нам Урал, ушли за Волгу, подняли подготовленные резервы, наместили очень нехитрый и белыми нитками шитый план операции и тремя группами ударили по нашему растянутому фронту.

Ставка была обязана задержать армию на Урале, дать им устроиться и отдохнуть, обеспечить снабжение и тогда идти к Волге; вместо этого все понеслись вперед, так как будто бы красных не было.

Скверно то, что, судя по рассказам беспристрастных наблюдателей, импульсом этого безудержного наступления было честолюбие фронтовых начальников и погоня за намеченными впереди призами и связанными с их достижением наградами.

После взятия Перми и Уфы юные полководцы стремительно полетели вперед. Пепеляев на Вятку, Вержбицкий на Казань, Хашигин на Самару; красные почти не сопротивлялись. При этом поезде, сопровождаемом медками, но раздуваемыми всею уснехами, перестали думать и сообра-

жать; хотелось только первыми прийти к поставленной цели и прославиться.

Получившееся при этом непомерное растяжение фронта создало благоприятную почву для многочисленных новых формирований и развертываний; была пущена в ход система местных мобилизаций, объявляемых самостоятельно начальниками разных войсковых комбинаций. Эти шальные, бессистемные призывы ничего, кроме вреда, не принесли и силы армии не прибавили; голодное население не особенно против них реагировало, так как поступление в войска давало одежду и кормежку.

Для этих спазматических формирований не было ни кадров, ни учителей, ни снаряжения; они только обманывали верхи своим наличием и своей численностью (это я видел уже в Екатеринбургe); они давали миражи армий и реальной силы там, где ни настоящих войск, ни реальной силы не было. При успешном наступлении все это не сказывалось, ибо серьезных боев не было, особенно опасности тоже, а всякий успех давал наступающему богатую добычу. Но с тех пор, как на фронте Западной армии фортуна повернулась к нам задом и понадобилась стойкость и подвиг, не слепленные ничем прочным части, случайные сборища деревенских и городских парней, оказываются уже неспособными выдерживать выпавшие на их долю боевые и походные испытания. Так говорят приезжающие с фронта офицеры, преимущественно старые артиллеристы, которых я встречаю ежедневно в управлении полевого инспектора артиллерии; многие прямо сознаются, что при отходе местные мобилизованные расходятся по своим деревням, унося одежду, снаряжение, а иногда и вооружение.

С подготовкой резервов в чаду успеха не торопились; сейчас с огромным уже опозданием всюду идет лихорадочная работа по выброске вперед этого сырья; спешкой уже не покрыть такие серьезные органические недостатки всей системы. Отсутствие самоанализа и служебного опыта позволяет и ставке и штабам армии забывать, что кучи людей, одетых в военную форму и имеющих—да и то не всегда—в руках ружья, представляют только весьма малую часть совокупности тех данных и качеств, которые необходимы для того, чтобы иметь право называть эти кучи воинскими частями, годными для войны и для боя.

Неудержимо гонят на фронт части группы генерала Каппеля; я перестал уже говорить об опасности отправки туда этого сырья, так как это бессильно кого-нибудь здесь взгадумить. Закрыв глаза и заткнув уши, видят в этом спасение положения на фронте Западной армии и не же-

лают разумно оценить все положение, хладнокровно подсчитать все шансы и принять решение, не считаясь ни с чем, кроме пользы. Мне уже надоело быть какой-то каркающей Кассандрой среди этих оптимистов, убежденных, что сейчас войну надо вести по особенным, им известным и уже проверенным на опыте правилам. Юнцы неспособны разглядеть тот рубец, на котором кончилось июньское восстание прошлого года и началась настоящая война, имеющая, конечно, свои специфические особенности, по все же настоящая, управляемая незыблемыми законами война. Они не разбираются в том, что армия в сотни тысяч ртов (к сожалению, не штыков)—это не партизанские отряды и офицерские организации первого периода войны, и что для существования и управления армий необходимо держаться основ того, что выработала военная наука и что дал боевой опыт прошлого.

17 мая. Рано утром в ставке состоялось секретное совещание по вопросу о реорганизации военного управления; объявлено окончательно, что Лебедев будет канцелярщиком и военным министром (добавление морского министра встретило сильное сопротивление морских кругов и, повидному, не пройдет). Ставочная и антистепановская молодежь в восторге и уже готова плясать победный танец на костях поверженных врагов.

Я пытался убедить совещание в несвоевременности реформы, предлагал два компромиссных проекта, удовлетворяющих законным требованиям обстановки, но ничего не разрушающих, но все это было гласом вопиющего в пустыне.

Старые и тревожные картины: честолюбцы тянутся к власти, забирают ее полными руками, готовы стать неограниченными самодержцами, но хватит ли знаний, умилка, опыта, чести, любви к родине и жертвенного бескорыстия, чтобы со всем захваченным справиться! Ведь военное дело—то же ремесло, а чтобы быть хорошим ремесленником, надо практически изучить дело, начав с мелочей и пройдя все стадии мастерства. Надо знать не только как пишется, но и как выговаривается.

Ставка швыряет на фронт все сырые резервы, гонит туда последние скудные запасы винтовок для того, чтобы раздать их еще не стрелявшим никогда парням и бросить их в наступление.

Везде в тылу спешно одевают в форму новобранческие толпы, наученные ходить с песнями и в ногу, дают им первый раз в жизни винтовки и воображают, что это солдаты, затем все это спешно набивается в вагоны и гонится на восток для закупоривания образовавшихся всюду на

фронте дыр (он давно уже дырявый, но заметили это только теперь, когда во все дыры полезла наступающая краснота).

На внутренних фронтах по мере наступления теплого времени число очагов восстания все увеличивается; на Тайшетском участке идет настоящая война; восставшие банды громят волостные правления, убивают священников, лесничих и мелкую интеллигенцию.

18 мая. Лебедев и его молодежь разработали, наконец, окончательный проект системы военного управления, при чем главная цель—истребление Степанова и Марковского с подчинением всего Лебедеву—достигнута. Результатом реформы является создание невероятно громоздкой ставки, вбирающей в себя часть отделов военного министерства.

Всю ставку сваливают на Бурлиша, все министерство хотит нагрузить на меня, а Лебедев принимает двойной венец фронта и тыла и право все время кататься, во все путаться и ничего не делать.

На Тайшетском участке красные свалили под откос двенадцать новых паровозов, шедших на усиление западно-сибирского участка.

Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири; говорят, что главными районами восстаний являются поселения стольпинских аграрников, неприспособившихся к сибирской жизни и охочих на то, чтобы пожить за счет богатых старожилов.

Плохо все это кончится; ставка упрямо все тащит на фронт и не желает понимать огромной важности образования в тылу прочных и надежных гарнизонов; посылаемые sporadически карательные отряды только бунтуют население, так как не разбирают правых от виноватых, жгут деревни, вешают и, где можно, безобразничают. Такими мерами этих восстаний не успокоить; для их исцеления нужны иные меры. Прежде всего глупо охранять железную дорогу, сидя на станции, ходя по рельсам и не имея ничего в стороне от дороги, в районе наиболее опасных селений и важнейших колесных дорог. Говорил об этом генерал-квартирмейстеру и оперативной части, но получил ответ, что это дело начальника красноярского района генерала Розанова, которому на месте виднее, что надо сделать для того, чтобы прикрыть железную дорогу от нападения восставших жителей. Так же легкомысленно смотрят в ставку на все нужды тыла. Думаю, что сейчас нас может выручить только дружеская оккупация наших тылов союзными войсками; возложить охрану порядка и власти на части, наспех и неумело формируемые из зеленой крестьянской и городской молодежи, неустойчивой и большой всеми приобретениями революции,—немыслимо. Не верю вообще

в возможность скоро сформировать новые надежные части русской армии, даже при самых совершенных методах исполнения; то же, что делается в Приамурье и здесь, в Сибири, грозит подарить нас такими воинскими частями, которые в тяжелые минуты испытаний могут сделаться причиной нашей гибели; ведь уже и сейчас в шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова «перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным». И не потому, что она склонна к идеалам большевизма, а только потому, что не хотела служить, не хотела рисковать в бою своею жизнью и в перемене положения, создаваемого изменой, думала избавиться от всего неприятного.

19 мая. Пришлось быть безмолвным свидетелем объявления Стпапову уже совершившегося факта его отставки и утверждения адмиралом новой реформы военного управления. Пришлось пережить очень неприятные минуты нравственной неловкости за вынужденное участие в этой церемонии и чувства стыда за адмирала, в котором не нашлось достаточно характера, чтобы сделать это самому и в более приличной для своего сотрудника форме; неискренность адмирала очень напоминает в этом несчастного Николая II.

21 мая. Ставка сообщила, что я назначаюсь помощником начальника штаба верховного главнокомандующего и управляющим военным министерством.

23 мая. Получил приказание верховного правителя вступить в управление военным министерством; во всех других назначениях мне отказано, при чем адмирал приказал мне передать, что будет поддерживать меня во всех моих начинаниях.

Ставка и военное министерство пребывают уже два дня в состоянии полного хаоса; смелые реформаторы, начав свою перекройку, залезли в такие безвыходные практические тупицы и встретились с такими неожиданностями, что совершенно растерялись. Они знают, как пишется, но не знают, как выговаривается.

Их легкомыслие дошло до того, что решили выполнить всю реформу в три дня, после чего сразу зажечь по-новому. Только полное профанство в деле и мальчишеская зазорность способны родить столь нелепое распоряжение. Думают—и в этом отношении очень недалеко ушли от комиссаров,—что стремительность и категоричность приказа, подкрепленные угрозами разных кар и жупелов, достаточно для того, чтобы заставить осуществить любой бред, любой каприз.

Я уверен, что и через три недели реформа эта будет еще продолжаться и, чем больше ее будут тормозить, тем

она пройдет хуже и тем дольше затянется; в глубине же тыла и в обиходе армии она будет жить еще многие и многие месяцы.

24 мая. Досадно то, что большинству отделов ставки и министерства нельзя отказать в том, что с внешней стороны они работают очень усердно, и по первому взгляду можно подумать, что работа кипит; в действительности же, благодаря отсутствию опытных верхов, вся работа сводится к пустоопорожней переписке, к сбору запоздалых и никому ненужных статистических и справочных данных и к ущемлениям и пререканиям. С одной стороны наталкиваешься на самую заскорузлую кашаларищину и сухой, не желающий ни с чем считаться бюрократизм, с другой стороны царит самая непримкрасенная внутренняя атамантина и царство личного произвола и усмотрения.

25 мая. Создал себе внушительный круг врагов среди сильных представителей слабого пола, проводя через ставку приказ о воспрещении пользоваться казенными автомобилями для частных надобностей; надо положить конец безобразиям, которые мы видели на большой войне и которые продолжают и ныне, приводя к тому, что число автомобилей тем меньше, чем ближе к фронту; тылы переполнены автомобилями, а на фронте начальники корпусных групп и дивизий их не имеют; здесь вся адъютантщина и прихлебательская челядь высоких лиц раскатывает по магазинам, ресторанам и визитам в казенных автомобилях, тратя скудные запасы горючей смеси и масла и разбивая шины,—все, что мы достаем с великими усилиями и на золотую валюту; по вечерам вся дорога у загородного сада покрыта казенными машинами с высокими военными и гражданскими дамами, приезжающими сюда отдохнуть от ужасной емской пыли. О том, во что обходится казне эти прогулки, головки милых дам не думают.

По ночам казенные автомобили торчат у крылец разных увеселительных и значных мест, ожидая иногда высоких сановников, освежающихся там от великих государственных трудов, а чаще всего их адъютантов, чиновников для поручений и прочего чиновного лакейства.

Я настаиваю на необходимости оставить машины только у тех лиц, служба которых требует быстроты передвижения, а все освободившиеся автомобили отправить немедленно на фронт; это облегчит передвижение строевых начальников и покажет армии, что о ней думают не только на словах, а способны кое-чем для нее и поступиться.

Вечером получил некоторый сюрприз, так как оказалось, что Лебедев назначен все же военным министром, а я попал к нему в помощники.

26 мая. На фронте никакой надежды на улучшение; как ни заgrimированы фронтовые донесения, из них все же всюду лезет, что дела не важны; несомненно, что способность сопротивления многих частей потеряна и что офицеры и солдаты выбились из сил; при таком положении нужна или смена, или отдых, а мы не в состоянии ни сделать первой, ни дать второго.

То, что делает ставка, для меня непонятно: это или полная военная безграмотность, или же отсутствие мужества сознаться в своей ошибке, в плохом расчете всей операции; видимо, Лебедев и К⁰ или безнадежно слепы, или неспособны на сильное мужественное решение; они безмерно честолюбивы, им хочется только успеха и славы; им, как капризным детям, хочется, чтобы боженька помог, чтобы с их горизонта исчезли противные красные бляки и чтобы наступили опять победные и столь приятные для них дни.

Сейчас не может быть никакого сомнения в том, что мы потеряли все успехи этой зимы; красные умело учли все наши ошибки и все невыгоды безмерно растянутого, жидкого и расстроенного положения; ярко очевидно, что на нас ведется решительный удар и что против нас введены в дело свежие резервы. Все это делает борьбу очень неравной и в этом надо честно сознаться, трезво оценить сошедшее положение и принять героические решения.

27 мая. В ставке и по всему городу ползут слухи о предъявлении адмиралу Гайдой какого-то ультиматума, в котором, обвиняя Лебедева и К⁰ в бездействии и в глупых и вредных распоряжениях, он требует немедленно убрать Лебедева и передать всю оперативную часть генералу Богословскому.

Ставка пытается сохранить все это в секрете, но секрет дырявый, и сквозь его дыры лезут и расползаются самые нелепые слухи и зловередные комментарии.

Такой взрыв со стороны Гайды был, по моему мнению, неизбежен по двум причинам: прежде всего, несомненно, что распоряжения ставки—нелепые, несообразные с обстановкой, возлагающие на войска невыполнимые задачи и принимающие очень часто дерзкие и обидные для войск формы—не могли не вызвать острого раздражения штабов армий против ставки и ее главы Лебедева; особенно недоволен был штаб Сибирской армии, всегда почти автономной, гордой своими победами. Фронт всегда и без того ненавидит свои тыловые верхи, зло и придирчиво разбирает все их распоряжения и в них видит причины всех своих бедствий и неудач; нужно очень умелое и тактичное руководство и большая забота верхов об армии для того, чтобы победить это органическое нерасположение, подчас даже

ненависть. Ставка же, наоборот, делала все, чтобы стать на фронте сугубо постылой и остро ненавистной, ну, а штабы армий, групп и дивизий, с своей стороны, постарались, чтобы это усугубить. Частые поездки на фронт Лебедева, очень надменного, самовлюбленного, резко и бестактно путавшегося в армейские распоряжения, конечно, не могли способствовать укреплению авторитета ставки.

Сама атмосфера ставки, с неналаженностью и суетливостью работы, важностью молодых сановников и малым вниманием к нуждам и просьбам армий, также не могла прибавить уважения и доверия.

Несомненно, что и штабы армий страдали теми же недостатками, но кто же способен видеть даже бревна в собственном глазу?

С другой стороны, было совершенно естественно, что начатая с весны реорганизационная работа и постепенные попытки привести армию к законному порядку существования не могли быть встречены спокойно и благожелательно фронтовыми владыками, атаманами и атаманчиками, которые не могли понять, что все это жизненно необходимо для пользы дела, и смотрели на все такие меры, как на личную обиду и на посягательство на их законные права.

Они привыкли жить по-своему, стеснений не любили, тылу и верхам не верили, новых порядков и ограничений их воли и самодурства не желали; хотели продолжать распорядиться самостоятельно, вне какого-либо удержки и контроля. Будучи детьми бурных времен, они были неспособны перейти к более спокойным условиям и более ограниченным рамкам существования, а потому поднимались против всего, что хотело положить предел тому, что они считали своими неотъемлемыми и на войне приобретенными правами.

Затеянные ставкой реформы и проявляемая ею, хотя пока еще только бумажная, деятельность и настойчивость в желании их осуществления должны были вызвать и вызвали резкий протест и отпор со стороны фронта, но, конечно, не в форме открытого неповиновения, а под каким-либо благовидным предлогом, каковой и нашелся в общей ненависти к главе нашей ставки и к самой ставке и в недовольстве шалами, бесталанными и гибельными по своим последствиям распоряжениями очень молодого наштаверха.

Я смотрю на дикую выходку Гайды, как на последнюю попытку обратить внимание адмирала и правительства на все происходящее и на невозможность иметь во главе высшего оперативного управления бездельного и бесцветного наштаверха. Это то же самое, что пытался сделать в 1905 г.

Гриппенберг в отношении Куропаткина. Вижу, что был прав, когда во время поездки в Екатеринбург при разговоре с адмиралом по поводу капризности и неисполнительности Гайды и под впечатлением той враждебности к Западной армии, которая чувствовалась в атмосфере Екатеринбурга, я советовал адмиралу подчинить Гайде обе армии, видя в этом единственный выход из создавшегося положения. Я был уверен, что тогда Гайда вылез бы из себя, но сделал бы все, чтобы доказать, что его гений способен всякий неуспех обратить в победу, и дал бы все необходимое для помощи Западной армии; наличие достаточно организованного штаба и, повидимому, энергичного и дельного Богословского гарантировало техническую сторону дела; одновременно этот исход разрешал вопрос и реорганизации управления армиями, уничтожал их автономию, приближал оперативное управление к фронту и ставил ставку в надлежащее ей положение. Адмирал тогда задумался и обещал поговорить с Лебедевым, что было равносильно похоронам по первому разряду.

Пришлось просить генерала Касаткина составить и разослать в армии, корпуса и дивизии брошюру о железных дорогах с изложением самых элементарных сведений о работе железных дорог, о данных, обуславливающих их провозоспособность, и о зависимости последней от профиля, водоснабжения, расположения депо и запасов топлива и пр. и пр. А то наши фронтовые полководцы думают, что железная дорога, это—все равно, что улица, и что достаточно пригрозить расстрелом или поркой личного состава или поставить всюду зубодробительных комендантов, чтобы по линии побежало столько поездов и такого состава, сколько заблагорассудится какому-нибудь скоропалительному превосходительству. Позабыл фамилию какого-то очень молодого, но и очень решительного генерала в Екатеринбурге, который на заявление начальника дороги о том, что технические условия не позволяют станции пропустить больше известного числа вагонов, заявил, что пришлет на вокзал своего есаула с казаками, и тогда станция пропустит вдвое и втрое больше.

Он был очень поражен, но понял свое заблуждение (в чем искренно сознался), когда я ему объяснил влияние профиля, величины перегонов, длины путей и остальных технических данных на пропускную и приемную способность станций. Жалко, что раньше не начали учить наш командный состав; большевики учили это лучше нас, посадив всюду прикованных на цепочки спеццов, восполняющих неграмотность старшего коммунистического начальства.

29 мая. Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются; весна и листва дают огромные преимущества повстанческим бандам; средств противодействия у нас нет, так как все годное притянул фронт, а те импровизированные части, которые посылаются в тыл, способны только на то, чтобы поднимать новые восстания. Обобрав тыл, ставка учинила огромный и, быть может, непоправимый промах, ибо без спокойного тыла нам никогда не выгрести.

Мой «пессимизм» считает, что сейчас военными средствами нам уже не справиться с тыловыми восстаниями, и что для этого надо или какое-нибудь чудесное изменение настроения населения, созданное экстремнейшими и шкурнополезными мерами, или же немедленная оккупация тыла союзными войсками и введение там смешанного русско-союзного управления, в котором союзная его часть должна гарантировать населению безопасность от атаманщины и беззаконий.

К сожалению, оккупация en masse возможна только за счет Японии и ее войсками, а между тем то покровительство, которое оказывается японскими начальниками Семенову и Калмыкову, не дает никакой возможности надеяться на нужную для нас политику японской оккупации.

Желая дать вооруженную силу начальникам губерний и областей, министерство внутренних дел стало формировать отряды особого назначения; забыли, что служба таких отрядов требует отборных людей строго законного порядка, и получилось нечто очень мрачное и нелепое, ничтожное по своему военному значению, неспособное справляться с крупными восстаниями, но зело вредоносное по своей распущенности, жажде стяжания и легкости по части насилий.

В отряды попало немало старых, опытных полицейских и жандармских ярыжек, которые по старой привычке надуть начальство заливают его донесениями об успехах, разгроме повстанцев и покорении под-нози, а сами бегают от повстанцев и отводят душу над незащитным населением. Лучше бы бросили все эти усмирения и ограничились охраной железной дороги; быть может, без усмирений все усмирилось бы само собой, особенно, когда подошло бы время полевых работ.

30 мая. Ночью адмирал лично отправился в Пермь на уговоры Гайды. Скверная вещь это разные уговоры, сие блестяще доказано два года тому назад нашим неудачным главноуговаривающим Керенским и его вольными и невольными последователями; я сам это пережил в течение шести месяцев состояния в роли корпусноуговаривающего. Компромисс—это не решение, а только временная отсрочка,

спешный ремонт опасной трещины, поверхностное, но не радикальное лечение.

Адмиралу надо отцукать Гайду, заставить его понять весь вред его дерзкой эскапады, но надо также и самому разобраться в доводах Гайды и убрать бесталанного и вредного наштаверха; ведь Гайда совершенно прав, обвиняя Лебедева и ставку в неумелых и вредных для фронта распоряжениях и требуя направления всей работы ставки на более дельную дорогу; ведь очевидно, что ставка ничего до сих пор не дала ни по части оперативного управления, ни по части организации.

Сегодня по карте я подсчитал, что отсутствие руководства армиями во время шалого военного полета к Волге и нелепое выбрасывание вперед отдельных частей в стремлении первыми и прискорей захватить известные пункты привело к удлинению фронта на 260 верст, разбросало армии и группы и лишило их всяких резервов.

31 мая. Наступательные эксперименты с неготовыми для боя войсками окончились очень печально; левый фланг Сибирской армии разбит и, как доносит Гайда, «дезорганизованные части генерала Вержбицкого бегут». Впервые встречаю в оперативной сводке такое откровенное допущение; в ставке считают, что сейчас Гайда желает возможно сильнее стусить краски о положении на фронте для того, чтобы резче подчеркнуть, к чему привели распоряжения Лебедева; мне же думается, что, под общим приподнятым настроением, прямо сорвалось слово правды, которую прежде так усердно гримировали.

Несомненно только, что и в Сибирской армии перешли за коэффициент упругости боевого сопротивления и что сейчас грозит тот же оборонительный паралич, который уже разбил Западную армию.

Вообще, положение на фронте сделалось таким, что недавние оптимисты примолкли, и в Омске наступило довольно тревожное настроение.

Я смотрю на будущее еще мрачнее, так как наши последние резервы—11-я, 12-я и 13-я дивизии, формируемые в тылу в Омске и Томске, к бою еще не готовы, не имеют артиллерии, пулеметов, средств связи, обоза и пр. и пр.

А между тем очевидно, что нам на Урале уже не удержаться, а это грозит Екатеринбург, Перми и Челябинску, в которых сосредоточены большие запасы разного снабжения. Поэтому приказал приостановить продвижение за Омск новых запасов и просил начальников снабжений армий расходовать все то, что накоплено в их тылах. Просил генерал-квартирмейстера ставки дать заключение о том, не своевременно ли начать частичную эвакуацию Екатеринбурга,

но получил громоносный ответ на тему, что подобные проекты могут отразиться на «настроении войск».

Вот до чего доводит кабинетное управление при помощи несведущих по своей специальности юнцов; они живут утопиями и миражами, мечтают о сохранении настроения, которое так определенно обрисовано в сегодняшнем письме Конковского.

1 июня. В ставке нахмуренное настроение; Лебедеву приказано считаться больным, и он занимается в своем вагоне, передав фактическое исполнение наштаверха Бурлину; говорят, что это сделано, чтобы не дать повода бурному Гайде осуществить какую-нибудь выходку и не дразнить его получением распоряжений за подписью Лебедева.

3 июня. На фронте Сибирская армия покатила назад и покатила совсем скверно, повидимому, в положении, близком к катастрофическому; разгром ее левого фланга поставил в почти безвыходное положение ее правофланговые части, которые все время гнали вперед, в направлении на Глазов.

Фронт сломлен, а тут еще инцидент с Гайдой и перекривание омскими портными дырявой и без того хламиды высшего военного управления; в тылу же все шире и шире разгорается восстание. Одна Тайшетская пробка уже два месяца остановила ночное движение поездов на этом участке и самым тяжелым образом отзывается на нашем подвозе, сократив вдвое число приходящих с востока вагонов и не давая возможности отправлять назад освобождающийся порожняк; скудость подвоза усугубляется обращением на линии союзных эшелонов и союзных поездов, при чем своего подвоза союзники ни в коем случае сократить не желают, свою порцию графика выделяют в первую очередь, а нам оставляют огрызки; ясно, что при таких условиях совершенно невозможно образование каких-либо запасов, и мы живем за счет ежедневного подвоза или сокращения дач.

4 июня. Утром вернулся из Перми адмирал; одновременно приехали Гайда и Дутов, а с востока прикатил смененный с должности командующего войсками Приамурского округа казачий держиморда Иванов-Ринов; надо весьма опасаться, что эта политиканствующая тройца устроит здесь какой-нибудь кавардак.

Акинтиевский, едвигший с адмиралом на ликвидацию гайдовской истории, рассказал мне подробности всего инцидента. 26 мая председатель совета министров получил телеграмму Гайды с просьбой, чтобы совет министров поддержал те требования, с которыми Гайда обратился к верховному правителю.

Но требований этих к адмиралу не поступило—видимо, в последнюю минуту нехватило духа послать.

Когда Вологодский доложил верховному правителю о полученной телеграмме, то адмирал вызвал Гайду по беспроволочному телеграфу и, после нескольких вопросов, спросил Гайду: «намерен ли он исполнять его, верховного главнокомандующего, приказания?»

Гайда на это ответил: «да, но поскольку они не будут мешать его, как командующего Сибирской армией, оперативным распоряжениям». Отсюда и завязалась вся история, обостренная требованием убрать Лебедева.

После совещания с Ноксом и Жанэном, адмирал решил сам ехать к Гайде, так как иных средств для разрешения инцидента не было; трагическое бессилие верховной, по названию, власти и верховного, по званию, командования, вынужденных советоваться с иностранцами и не имеющих реальных средств заставить выполнить свою волю...

Было решено идти напролом; взяли с собой весь конвой верховного правителя, приказали изготавиться находящемуся в Екатеринбурге батальону охраны ставки и двинулись на запад усмирять непокорного сибирского командарма из перебежавших к нам фельдшеро австрийской армии. Осуществились предсказания тех, которые предупреждали адмирала, когда он пригласил Гайду на русскую службу.

При отправлении было решено, что если Гайда будет продолжать оказывать неповиновение, то его арестовать и отправить немедленно в Омск. Подъезжая к Перми, не знали даже, встретил ли Гайда верховного главнокомандующего или нет; уже в самой возможности такого сомнения кроются грозные для будущего перспективы. Но Гайда оказался вполне по внешности корректным и встретил адмирала с обычной помпой и по уставу. После встречи и ухода с платформы почетного караула вокзал был занят частями адмиральского конвоя, изготовившими к тому против всяких случайностей, а адмирал пригласил Гайду в свой вагон и объявил ему, что, так как он позволил себе отказаться от исполнения приказаний верховного главнокомандующего и пытался поднимать совет министров против верховного командования, то адмирал не считает возможным долее оставлять его в должности командующего Сибирской армией и предлагает сдать командование начальнику штаба армии, а затем ждать решения дальнейшей своей судьбы в Омске.

Гайда горячо оправдывался, доказывая, что он был обязан довести до сведения совета министров о том, что распоряжения ставки губят армии.

Тогда адмирал спросил Гайду, почему же он раньше ему этого не донес, не доложил, не сделал никогда ни одного намека о такой оценке распоряжений ставки, а между тем, это была его прямая, как командарма, обязанность. Эти слова адмирала очень знаменательны, ибо дают всему выступлению Гайды настоящую оценку, подтверждая, что интересы армии были только внешним предлогом, а внутренней причиной были обиженное честолюбие и шалая несдержанность.

Сейчас отношения старших начальников очень портятся благодаря гнусной и чисто провокационной деятельности многих видных представителей контр-разведки, которая ядовитой грибной плесенью обволокла верхи управления и многих высоких начальников, незаметно для них втянув их в свою атмосферу сыска, влезания в чужие души и мысли и размазав эту нравственную грязь по всей духовной стороне военного управления. Это я видел в Харбине, Владивостоке и вижу теперь и в Омске; сейчас у каждого большого, политиканствующего начальника имеется отдел (неофициальный, конечно) контр-разведки, занятый исключительно шпионством и наблюдением за другими, больше всего, конечно, инакомыслящими и противными их господину лицами.

При дальнейшем разговоре адмирал, на заносчивое заявление Гайды о том, что в случае его ухода с поста командующего армией войска сейчас же побегут, ответил, что за последствия отвечает он сам, как верховный главнокомандующий.

После довольно длительных пререканий и обмена колкостями, адмирал поставил Гайде ультиматум выехать из Перми в течение двух часов, при чем, в случае согласия, ему будет разрешено уехать самому и еще в звании командующего армией; в противном же случае будут приняты иные меры. Гайда молчал, но затем с усилием проговорил, что он солдат и полученное приказание исполнит.

Через два часа Гайда экстренным поездом выехал в Омск, сдав командование армией генералу Богословскому; перед отъездом он был у адмирала, который успел за это время совсем отойти и даже беспокоился, не был ли он «слишком жесток к Гайде». Тут же появился всюду сующий свой нос атаман Дутов, стал просить за Гайду, и адмирал совсем смягчился. Вот сущность того, что рассказал мне Акинтьевский.

Гайда явился в Омск с отборным конвоем в 356 человек и сейчас он—самая реальная сила во всем Омске.

Сегодня стало известно, что адмирал получил из Парижа запросы пяти держав с просьбой сообщить политическую

программу омского правительства—при удачном разрешении ожидается признание правительства и власти адмирала.

Адмирал дал ответ, который считается вполне удовлетворяющим союзников, но отказался дать согласие на привлечение к власти членов Комитета учредительного собрания, так как главари их перекинулись на сторону большевиков, и с ними невозможно никакое соглашение.

Странно, однако, что такие серьезные вопросы решаются помимо совета министров каким-то келейным способом; по конституции совету министров принадлежит огромная власть, но все это сведено на-нет созданием совета верховного правителя, где все вершится так, как того хотят Михайлов и его подголосок, дипломатический вундеркинд Сукин, выскочивший неизвестно в силу каких достоинств на пост управляющего министерством иностранных дел и пытающийся разыгрывать из себя великого дипломата. Какой-то злой рок преследует адмирала в составе его главнейших помощников.

5 июня. Лебедев дипломатически болен и будет считаться таковым до окончания работ комиссии генерала Дитерихса; если последний действительно то, как о нем говорят, то он должен сказать адмиралу правду и настоять на немедленном удалении Лебедева и на коренной реорганизации ставки. Пока же—все стоит; вместо работы идет шушукание, создание и распространение всевозможных сплетен. Вся местная грязь заколыхалась и издает сильное зловоние. Дутов, Иванов-Ринов и иже с ними носятся по городу и навевают самые грустные мысли; как я ни погружен в свою работу, но не могу совершенно отгородиться от шумов и запахов окружающей сутолоки и от миазмов омского болота.

Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие.

6 июня. Просил министров земледелия и торговли оказать самую широкую поддержку развитию в Сибири льноводства, овцеводства и кустарных промыслов (особенно по сукну, холсту и мелким металлическим изделиям), дабы поскорей освободиться от рабской зависимости перед заграничными снабжениями и стать на свои собственные сибирские ножки; зачатки всего этого в Сибири есть, и для их развития нужен только кредит, обеспечение от реквизиций и уверенность в хорошем сбыте. Жаль, что для этого потерял весь 1919 год; ведь наши холсты и наша деревенская армячина вне всякого сравнения с той дрянью и гнилью,

которые под видом сукна, дрели и разных поделок самого отвратительного качества валят к нам за границу и которые оплачиваются золотым рублем; сейчас, вместо сукна, мы получаем отвратительный японский суррогат, состоящий из разных отбросов, накатанных на бумажную основу, и расплзающийся через три недели носки; наши же шинели, отбившие всю германскую войну, держатся до сих пор.

Гайда уехал на фронт, как говорят, помирившись с адмиралом; еще одно печальное проявление нашей дряблости, ибо все происшедшее не было личным делом Гайды или Лебедева: это было серьезное, русское, кровью брызжащее государственное дело, требовавшее железного и оглушительного решения, вне личной слабости или твердости, вне личных симпатий и антипатий. Лебедев продолжает болеть.

7 и ю н я. Адмирал повидимому очень далек от жизни и— как типичный моряк— мало знает наше военно-сухопутное дело; даже хуже того— он напичкан и, как добросовестный человек, очень усердно напичкался тем материалом, который ему всучили Лебедев и К⁰; сразу видно, что многое напето ему с чужого голоса.

Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не дает ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала повидимому ничего нет— это ярко сквозит во всем его разговоре, в его мыслях и решениях. По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодливость, те же весталолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка. Скверно то, что этот ребенок уже избалован и несомненно уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставляемого нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение.

Все, что тревожило меня в Харбине, получило здесь полное подтверждение: с ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и деловитости, фронт трещит, армии разваливаются, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманщина. Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной, а поэтому нет ничего мудреного в том, что ее авторитет неудержимо, почти что кувырком летит

вниз. Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плетда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелебнистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций; вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами. Среди этого смрада, как редкие зубры, мочалются малочисленные могиране старой, честной добросовестной России, рыцари долга, подвига и самопожертвования.

9 июня. Лебедев успешно вылез из поднятой Гайдой истории и опять прочно укрепился; комиссия Дитерихса не нашла оснований к подтверждению предъявленных к наштаверху и ставке упреков и обвинений; трудно было и ожидать иного решения от этой специфически омской комиссии, посмотревшей на все это с внешней точки зрения и неспособной возвыситься до глубокого анализа всего, эту историю создавшего.

Глубоко тревожно и печально, что во главе военного и оперативного управления остался никчемушний случайный выкидыш ноябрьского переворота, абсолютно неграмотный в том великом деле, за которое самоуверенно взялся, и остро ненавидимый старшими войсковыми штабами, а за ними и всем фронтом; еще хуже, что это еще более усугубляет разрыв между фронтом и тылом, между армией и адмиралом.

11 июня. Федотов принес мне для прочтения доклад профессора Лебедева, председателя комиссии по делу омского военно-промышленного комитета, обвиняемого в целом ряде разных преступных деяний; в докладе приведены факты, достойные немедленного предания военно-полевому суду, но у комитета масса влиятельных друзей, до самого наштаверха включительно, и все дело застопорено под предлогом того, что комитет привлек комиссию Лебедева к суду по обвинению в клевете.

Обвинений в докладе масса, и разобраться в них без подробного ознакомления, конечно, очень трудно, но такой факт, как раздача членам комитета реквизированного для нужд обороны железа и продажа ими этого железа на сторону по четверной цене, достаточно ярко показывает, какие гуси сидели в этом комитете. Указывают и на то, что некоторые члены комитета успели сделаться в очень короткое время весьма состоятельными людьми.

Вообще же считают, что высокие связи комитета вполне гарантируют его от каких-либо посягательств судебной власти.

14 июня. Получено известие, что в Иркутске чехословаки арестовали часть своих офицеров и образовали комитеты. Опять нам придется расхлебывать всю эту ерунду, созданную союзниками, посадившими нам в тыл эту разжиревшую и обленившуюся шкурятину, занятую торговлей и скапливанием денег и имущества и совершенно не желающую рисковать не только что жизнью, а даже спокойствием и удобствами своей жизни.

Чехи считают Омск реакционерами, относятся к наличной власти снисходительно вежливо, они отлично учитывают свою силу и нашу слабость и всячески этим пользуются, конечно, под соусом видимой помощи. На Урале и в Сибири они набрали огромнейшие запасы всякого добра и более всего озабочены его сохранением и вывозом; ведь требовали они с нас три миллиона рублей за переданную нам императорскую гранильную фабрику под предлогом, что они развили ее новыми станками и машинами; когда же начальник инженеров Тюменского округа полковник Греков стал принимать эти «новые» машины, то среди них оказались снятые с фортов Владивостока, и в том числе дизель-моторы с форта № 6, строителем которого был когда-то этот самый Греков; очевидно, что и остальные машины были приобретены в том же магазине без хозяина, который именуется Россией.

Сейчас чехи таскают за собой около 600 груженных вагонов, очень тщательно охраняемых; они заявляют, что это их продовольственные запасы, но когда при их движении на восток мы, во избежание пробега вагонов, предложили им сдать это продовольствие и получить эквивалент в Иркутске и Красноярске, то они категорически отказались; по данным контр-разведки, эти вагоны наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири.

15 июня. Беспорядки в тылу подбираются ближе к Омску; вчера под Петропавловском спустили под откос пассажирский поезд.

Невеселое впечатление производят омские улицы, кишущие праздной, веселящейся толпой; бродит масса офицеров, масса здоровеннейшей молодежи, укрывающейся от фронта по разным министерствам, управлениям и учреждениям, работающим якобы на оборону; целые толпы таких жеребцов примазались к разным разведкам и осведомлениям. С этим гнусным явлением надо бороться совершенно

исключительными мерами, но на это мы, к сожалению, неспособны.

17 июня. После обеда имел длинный разговор с Лебедевым; высказал ему свои взгляды на положение и свои опасения за будущее; нарисовал ему грозность слагающейся обстановки и надвигающуюся со всех сторон катастрофу; указал на тот общий развал, который на моих уже глазах прогрессирует с ужасающей быстротой и грозит погубить все наше дело. Высказал, что для авторитета власти нужно, чтобы она была кристально чиста и честна; в наличной обстановке легкомыслия, нерадивости и падения нравственного уровня, в вакханалии паживы и эгоизма естественно рождение и процветание всяких гадов и пресмыкающихся, которые облепили органы власти и своей грязью грязнят и порочат эту самую власть.

Указал на прогрессирующий развал фронта, на распухшие штабы, рассказал, что, по сведениям приезжающих с фронта строевых офицеров, высшие и низшие штабы переполнены законными и незаконными женами, племянницами и детьми, о которых начальники заботятся больше, чем о подведомственных им частях; что солдат брошен; что штабы доносят заведомую неправду; что при эвакуации Уфы раненых бросили на красные муки, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры, при чем некоторые лица торговали вагонами и продавали их за большие деньги богатым уфимским купцам; что за последнее время грабеж населения вошел в обычай и вызывает глухую ненависть самых спокойных кругов населения; что общая апатия и чувство безнаказанности родили и развили чисто формальное исполнение своих обязанностей, лишь бы не попасть под ответ; что постепенно гибнут последние остатки того самопожертвования и великого подвижнического служения идее, с коими было начато сибирское белое движение и без которых невозможно торжество того, за что мы боремся.

Указал на дряблость и бессилие власти, признаваемой фиктивно «постолюк-поскольку», но реально беспомощной и убиваемой атаманиной; указал на разброд, вялость, бесцветность, бессистемность и никчемность правительственной программы, на отсутствие каких-либо основных и твердых идей в строительной и созидательной работе правительства, пытающегося взгромоздиться на всероссийские ходули и неспособного удовлетворить примитивные нужды населения; высказал, что в такой обстановке я не в состоянии нести обязанности его помощника, ибо я привык работать, а не кипятиться в соусе подозрительной по качеству омской политики, совещаний, комиссий и быть рабом

каких-то голосований, компромиссов и таинственных комбинаций глубоко противных мне, по их внутреннему содержанию, лиц.

Видимо разговор произвел на Лебедева большое впечатление; он как-то осунулся и потерял свой лоск и самоуверенность, обещал разобраться в сообщенном мной материале и принять нужные меры.

20 июня. Под влиянием омских кругов, настроенных в последние дни очень решительно, адмирал решил покончить с Гайдой и уволил его от командования, разрешив отправиться в заграничный отпуск.

21 июня. Труднее всего с подвозом, так как восстания в красноярско-тайшетском районе остановили почти на 2 месяца ночное движение поездов, и восточнее Красноярска скопилось около 140 груженных товарных составов с интендантским и артиллерийским снабжением; большие станции забиты чешскими эшелонами, что еще более затрудняет транспорт и не позволяет рассортировать задержанные составы и пропустить вперед наиболее для нас нужные; наш пищенский график сильно страдает еще и от того, что хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны, и в первую голову идут поезда чешские, польские, междусоюзные, а восточнее Байкала—японские и семеновские; нам же достаются одни только объедки.

Написал министру финансов письмо, в коем ориентирую его в настроениях фронта, крайне враждебных всему, что делается в тылу, и особенно острых к состоятельной буржуазии и спекулятивным кругам, жиреющим от доходов и барышей, но не желающим ничем жертвовать и реально помочь армии; указал, что в теперешнее большое время такое настроение может привести к очень печальным результатам, и что необходимы какие-нибудь особые меры, чтобы заставить состоятельные классы понять, что фронт спасает их жизнь, достоиние и привилегии и имеет право рассчитывать, чтобы подумали об его нуждах и ему помогли.

Но так как горький опыт показывает, что нет никакой надежды на то, что богатые буржуи раскочаются и откроют свои туго затянутые жадностью и узкомыслием кошельки, то я очень прошу обсудить мое предложение о принудительном обложении богатых классов и крупных доходов большим прогрессивным налогом в пользу инвалидов и семей убитых и умерших на службе государству и на устройство инвалидных домов, ферм, учебных заведений для сирот и пр. и пр. Я полагаю, что в распоряжении министра финансов имеются данные для определения суммы, которую можно будет назначить; эту сумму надо разло-

жить затем между биржевыми комитетами всей Сибири и Дальнего Востока, а те пускай уже разбираются, сколько с кого взять. Печально идти по этой части по стопам комиссаров, но нет иных способов расшевелить нашу богатую буржуазию, не испытавшую еще, как следует, всех прелестей большевистской выездки.

Я помню так называемые «дни армии» в Харбине, когда путем благотворительного выжимания собрали около полтора-два тысяч рублей, а между тем в Харбине имелись сотни обывателей, сделавшихся во время войны миллионерами, и многие сотни богачей, наживших за это время десятки миллионов; люди, близкие торговле, говорили мне, что прибыль Владивостока и Харбина за время войны и смуты можно подвести к миллиарду рублей.

Такой же жалкий сбор был произведен и во Владивостоке; когда же полтора года тому назад там установилась большевистская власть и ей понадобились деньги, то она их получила немедленно и в количестве нескольких миллионов, при чем давшие эти деньги сейчас же об этом забыли и никогда более не вспоминали.

23 июня. Изъятие из моего ведения всех перевозок, перешедших в одно общее для фронта и тыла управление военных сообщений ставки, сказалось сразу очень печальным образом. Просматривая ведомости о движении грузовых эшелонов, обратил внимание на резкое падение числа прибывающих на станции Иркутск и Омск. Несомненно, что отчасти тут сказывается влияние Тайшетской пробки, но была, очевидно, и другая причина. Произведенное по телеграфу расследование причин этого явления выяснило, что Китайская дорога перестала подавать порожняк к Владивостоку, и это остановило погрузку владивостокских срочных нарядов.

Оказывается, что все это подстроено дальневосточными спекулянтами для того; чтобы получить побольше вагонов для местных перевозок и спасти рыбные грузы харбинских и благовещенских купцов продвижением их за Байкал ценой сокращения воинских перевозок. Дело было обляпано мастерски; заявили междусоюзному комитету, что Забайкалье умирает без рыбы, но зато ее много в Харбине, почему для спасения Забайкалья надо разрешить подвинуть ее на запад в местном сообщении, где в графике есть свободный запас. Разрешение было дано, и спекулятивная рыбешка поползла на ст. Манчжурия, где таинственно переползла границу и попала на Забайкальскую дорогу; там тоже воспользовалась преимуществами местного сообщения и добралась до Иркутска и т. д. Вагоны для этого брались из того порожняка, который мы усиленно гнали с за-

пада и который фатально заболел в пределах Китайской дороги.

Лица, обязанные блюсти интересы боевого транзита, оглохли и ослепли; всего у нас слизнули свыше 400 вагонов, которые пошли под рыбу и другие спекулятивные грузы, подсосавшие наше сквозное движение. Наши вагоны идут без «подмазки», побочных доходов с них никому не очищается, а потому они и подвержены постоянным «заболеваниям»; семеновские же и спекулянтские вагоны болеют очень редко, ибо с ними едут «доктора», обращающиеся своевременно за помощью к сценщикам, составителям и иным сведущим по вагонным болезням лицам. Обходится это лечение недешево: один харбинский коммерсант истратил на лечение двух вагонов в пути от Харбина до Омска около ста тысяч рублей и на последней остановке отдал за пропуск их дальше последнее, что у него осталось,—золотые часы.

Сообщил это ставке, но та ограничилась приказанием выбросить бочонки с рыбой из вагонов и отправить вагоны во Владивосток; в просьбе же разгромить всех виновных лиц мне отказали, потому что при этом придется затронуть междусоюзный контроль и его служащих, а это очень некстати, ввиду происходящих теперь серьезных переговоров по поводу признания и материальной помощи.

Взамен я уведомил довольствующие министерства, что я готов предоставить в распоряжение крупных биржевых комитетов некоторое количество наших вагонов, в которых по нарядам этих комитетов могли провозиться неспекулятивные грузы, необходимые для населения и здоровой торговли.

Во время доклада адмирал сообщил мне, что ночью арестованы шесть военных летчиков и начальник воздушного флота за провоз частных грузов под видом военного снабжения и что он хочет, чтобы над ними разразилась вся строгость правосудия, но не уверен в осуществлении своего желания и боится вмешательства юристов и адвокатов.

24 июня. Вечером в совете министров—большие и горячие дебаты по поводу законопроекта о легализации союза городов и земств; спорили в температуре самого острого напряжения, при чем для меня выяснилась полная разногласия мнений и основных политических взглядов, как-то не вяжущаяся с солидарностью совета министров.

Мне, новому и случайному человеку, было чрезвычайно неприятно убедиться, до чего резко расходятся во взглядах на внутреннюю политику члены кабинета, именуемого объединенным правительством. Вина в этом лежит несомненно

на самом председателе совета министров, которого держат на столь ответственном посту, как какую-то драгоценную реликвию (неизвестно только, какой секты и толка), уверяя, что в его имени и личности кроется прочный залог демократического правительства и уверенности союзников и общественного мнения всего Запада в демократичности омской власти.

Очевидно, что весь этот миф создается теми, кому выгодно возглавление правительства этой сношенной и безвольной тряпкой, совершенно потухшим человеком, негодным и неспособным уже на руководство делом самого мелкого масштаба; очевидно, что и тут главную роль играет боязнь наиболее честолюбивых членов настоящего кабинета потерять власть и уйти в политическое небытие, раз только будет сменен этот дряблый панаша времен ноябрьского переворота и новый председатель станет подбирать себе сотрудников по своему вкусу.

Горько то, что несчастная судьба России подсунула совершенно неподготовленному к возглавлению верховной власти адмиралу какой-то обмылок, повидимому, даже мало интересующийся и часто не знающий, что делают подчиненные ему правительственные министерства и возглавляющие их министры.

В сегодняшнем заседании министрам пришлось высказать свои политические взгляды, и меня поразила реакционность, неискренность и умышленная недоговоренность некоторых речей; общее заключение из того, что я сегодня услышал, сводится к выводу, что большинство совета настроено враждебно против всяких общественных организаций и боится их критики, контроля и агитации, но в то же время боится поставить точки над *i* и получить упреки в недемократичности. Видно было, что противники легализации союзов боятся создать в их лице опасного для власти крокодила и были бы рады, если бы сей крокодил благополучно подох, но только так, чтобы их участия в его удачной смерти не было.

Искреннее и прямее других был демократичный по внешности и по репутации министр земледелия Петров, который очень резко высказался против легализации союзов, как учреждений опасных для государственного строя и органических созданных для того, чтобы его подрывать.

Определенен, точен и искренен был министр вн. дел Пепеляев, высказавшийся самым резким образом против союзов, как фиктивной по названию, но антиправительственной по сущности организации. Остальные вяляли, старались и демократическую невинность соблюсти, и упрека в реакционности избежать.

Вернулся раздраженным и настроенным, так сказать, «антиправительственно», ибо убедился, что с данным составом министерских упряжек нам не выехать на хорошую дорогу; слишком уже мелки, эгоистичны и неспособны на творчество и подвиг все эти персонажи, случайные выкидыши омского переворота.

В ставке уверяют, что контр-разведка раскрыла огромный заговор и имеет определенные указания на то, что в самом Омске должно произойти на-днях вооруженное восстание; главные деятели контр-разведки приняли вдохновенный и озабоченный вид и на все расспросы таинственно помахивают своими провокаторскими глазами.

Глубоко убежден, что это очередная фабрикация этих потомственных и почетных провокаторов, которым надо усугубить важность своего охранительного значения и получить еще несколько миллионов на темные расходы.

Полупотенное всегда учреждение контр-разведки, впитавшей в себя функции охранного отделения, распухло теперь до чрезвычайности и создало себе прочное и жирное положение, искусно использовав для сего атмосферу гражданской войны, политических заговоров и переворотов и боязни многих представителей предержавной власти за свою драгоценную жизнь и за удержание власти.

Все это сделало главарей контр-разведки большими и нужными людьми, телохранителями многих сильных мира сего и открыло самые широкие и бесконтрольные горизонты для их темной, грязной и глубоко вредной деятельности.

Здесь мне нет времени углубляться в деятельность этих господ, но в Харбине я видел достаточно, как распухло это гнусное учреждение и как крепко оно опутало верхи власти, грязня их своей грязью. Здесь контр-разведка—это крупнейшее учреждение, пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охранки, ничтожное по производительной работе, но насквозь пропитанное худшими традициями прежних охранников, сыщиков и жандармов.

Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение родины, и под этим покровом царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол. И во всем этом нет ничего удивительного, ибо довлеет дневи злоба его; контр-разведка и охранка всегда требовали особого контроля и умелого наблюдения, ибо при малейшем ослаблении надзора они делались скопищем всякой грязи и преступлений. Кто-то сказал, что во всей охранной деятельности нужно, чтобы чистые головы руководили грязными руками и сдерживали преступные похоти

этих грязных рук. Теперь чистых голов уже не осталось, и на верхи контр-разведки залезли выскочки или разные авантюристы, развращенные теми возможностями, которые им дает современная неурядица.

Если мое краткое соприкосновение с чинами прежней охраны дало мне такие случаи, как подполковник Заварицкий и ротмистр Фиотин, посылавшие людей на виселицу и на каторгу ради отличия и получения внеочередной награды, то что же должно быть теперь, когда ослаб до нельзя контроль и наблюдение?

28 и июня. Видел прибывшего с фронта командующего Западной армией генерала Ханжина, заменяемого генералом Сахаровым; говорят, что это назначение проводит Лебедев и поддерживается генералом Ноксом, которые в решительности Сахарова видят исход из того положения, в котором находится сейчас Западная армия. По тому, что я слышал о Сахарове, он подходит больше всего к начальнику карательной экспедиции или командиру дисциплинарного батальона.

Ханжин подтвердил мне, что число ртов, показываемое в войсковой отчетности, превосходит приблизительно вдвое действительное их наличие; подтвердил также и отсутствие разумного эшелонирования запасов и накапливание огромных складов при частях войск; как пример, он указал, что в одном полку, выдвинувшемся при наступлении далеко вперед, было разных запасов свыше 150 груженых вагонов.

По полученным мной от контроля сведениям, в Сибирской армии были части, имевшие всегда при себе не менее 2½-месячного запаса продовольствия всех видов. Пепеляев слал с фронта угрожающие телеграммы о недостатке довольствия, а при проверке на его базе оказалось свыше 300 вагонов, груженых всеми видами довольствия.

Та же Сибирская армия вопила о недостатке медикаментов и перевязки и обвиняла тыл в гибели раненых, а при проверке оказалось, что рядом с полевой аптекой армии стояло шестнадцать вагонов с нужными медикаментами и перевязочными материалами и что штаб армии был своевременно об этом извещен.

Все, посылаемое на фронт в скромных, но все же достаточных при разумном использовании количествах, тонет в море хаоса, своеволия и безудержной атаманщины. Вот уже два месяца я заваливаю штабы армий телеграммами, прося установить порядок в эшелонировании и расходе снабжения, но все это—глас вопиющего в пустыне.

При таких условиях расходования и при наших нищенских средствах заготовки и подвоза регулярное снабжение

распухших численно армий становится невероятно трудным делом.

Все попытки внести в это дело систему, порядок и контроль вызывают и глухое, и открытое сопротивление, при чем двигающие этим эгоизм и распущенность прикрываются интересами дела. Государственный контролер показал мне донесение контролера при речной флотилии о том, что когда он опротестовал какой-то шальный расход на постановку особых вентиляторов в каюте начальника флотилии контр-адмирала Смирнова (он же опереточный морской министр), то ему пригрозили поркой.

29 июня. Не проходит и нескольких дней, чтобы не было каких-нибудь донесений с востока о безобразиях и насилиях семеновской опричнины; мне, как представителю военного ведомства, приходится хлопать глазами, когда другие министры обращаются ко мне с требованием прекратить эти безобразия; каждый раз заявляю, что военное ведомство бессильно справиться с читинской вольницей, умышленно укрываемой японцами, и что я могу только просить председателя совета и министра иностранных дел устранить это покровительство дипломатическим путем.

30 июня. Скверные известия с фронта, достоверные, но неофициальные, ибо штабы армий не любят доносить о скверных вещах. Несомненно только, что по моей снабжательской части при стремительном отходе потеряны огромные запасы продовольствия и снабжения, нерасчетливо и безумно выброшенные вперед, несмотря на грозную неустойчивость положения фронта. В одном уфимском районе мы потеряли до 2 миллионов пудов зерна и до 200 тысяч пудов крайне необходимой нам гречневой крупы. Эвакуация фронта производилась возмутительно преступно; было время многое спасти, но сначала шли многочисленные штабные хозяйственные шелоны с бабами, няньками, детьми и прочими бебехами; затем уезжали в купленных вагонах богатые обыватели. Прибывшие с фронта офицеры трясутся от негодования, рассказывая, как производилась эта эвакуация. Надо еще удивляться прочности нашей дисциплины, которая позволила офицерам и солдатам спокойно смотреть на эти мерзости и не разорвать в клочья тех, кто это делал или допускал делать.

2 июля. Главнокомандующим фронта назначен генерал Дитерихс.

Наши порядки вообще так неудовлетворительны, что переходящие к нам с красного фронта офицеры говорят, что у красных больше порядка и офицерам легче служить.

Инспектор ремонтов показал мне свидетельство на освобождение от конской повинности, на правах кровного и

незаменимого производителя, лошади одного омского богача; при поверке лошадь оказалась меринком. Посоветовал убедить ставку доложить этот случай адмиралу для применения моего проекта высылки в красную Россию всех причастных к этой мелкой, но характерной гадости лиц.

4 июля. Для меня ясно, что в неуспехе фронта виноваты те, которые позволили армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70—80 тысячах штыков; те, которые допустили хищническое расходование наших бедных средств снабжения; те, которые по безграмотности и по честолюбию гнали армии от Урала к Волге, забыв о возможности красного контр-наступления и не учитывая усталости, раздетости, растрепанности армий; те, которые по честолюбию не сумели во-время оценить обстановку, созданную переходом красных в наступление, и продолжали цепляться за авоську, пожертвовав ради этого последними и неготовыми для боя резервами.

Как бы уверенно мы могли смотреть сейчас на будущее, если бы в тылу расстроенных и катящихся на восток армий стояли достаточно подготовленные к бою и маневру резервы Каппеля и Екатеринбургской группы, погубленные нашими поре-стратегами в судорожных потугах спасти заведомо безнадежное положение.

7 июля. На всех больших станциях стоят и благоденствуют чешские эшелоны; устроились они отлично, поставив свои вагоны в лесах и рощах на особо проложенных тупиках; все красиво убрано и разукрашено; кругом идеальная чистота; временами видно, как немецкие пленные в чистых передниках и колпаках готовят для своих бывших вассалов пищу в ослепительно опрятных и блистающих полированной медью кухнях.

Щеголевато одетые чехи, жирные и гладкие, важно гуляют по платформам. Обидно смотреть на наши новенькие вагоны в 3.000 пудов грузоподъемности, захваченные чехами под жилье; в вагонах выломаны стенки, сделаны окна и двери; временные хозяева с русским добром не церемонятся.

8 июля. Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева, который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала.

9 июля. Получил полные перечневые ведомости армейских магазинов; понадобилось пять недель напряженной переписки, чтобы вытащить от армий эти сведения. Данные ведомостей показали, что в этих магазинах разбросано столь-

ко обмундирования и снаряжения, что им можно одеть все боевые части; по имеющимся же у меня негласным сведениям в вагонных эшелонах некоторых начхозов кроются еще более крупные склады разного снабжения; повторяется то, что угнетало нашу армию в 90-х годах и против чего начал борьбу Драгомиров, т.-е. безумное накопление имущества в складах при раздетых и оборванных солдатах.

10 июля. По ставке бродит прибывший от Деникина генерал Карцев, для которого выдумали какую-то экзотическую командировку с грамотой к Таранчам и в Кульджу; непонятны эти гастрольные поездки повидимому нигде не нужных персонажей.

Лебедев опять собрался на фронт; ему нет дела, что дорога перегружена эвакуацией и что, идя навстречу эвакуационному потоку на одноколейном участке, он приносит существенный вред ее успеху; для него составляли поезд, и его прислуге понравился вагон, занятый офицерами управления дежурного генерала ставки; немедленно комендант ставки приказал офицерам очистить вагон и искать себе помещения; в результате начальнические холуи сели в классный вагон, а ответственные работники ставки отправились искать себе приюта. Ругают старые порядки, а ведь при них такие мерзости были даже немислимы.

Адмирал так и не может понять нелепости постоянных поездок своего наштаверха на фронт, где он никому и ни для чего не нужен и где, кроме путаницы в распоряжениях и задержки в движении поездов, он ничего не делает.

Сейчас, например, прямо преступно лезть со своим поездом на фронт, когда от Екатеринбурга и Челябинска тянутся к Омску сплошные лейты эвакуируемых составов и эшелонов, и движение навстречу им экстренного поезда остановит все движение. Но очевидно наш вундернаштаверх считает, что какая-то эвакуация—это пара пустяков сравнительно с чудодейственным влиянием его появления в штабе какой-нибудь армии.

13 июля. Идет стремительная эвакуация Урала. Омск, несмотря на самые грозные воспрещения, переполнен уральскими беженцами, которые своими паническими рассказами значительно ухудшают и без того скверное настроение перепуганного населения; особенно панические сплетни распространяются из союзных миссий (французской *par excellence*) и из канцелярии совета министров, при которой болтается порядочная стайка разных балбесов.

14 июля. Гайда с особым поездом отбыл в заграничный отпуск, получив от адмирала 70.000 франков золотом. Его хотели отправить обычным пассажиром экспресса, но он заартачился; создался целый конфликт, в который вмешался

Дутов, и, в конце концов, Омск сник и разрешил Гаиде ехать своим поездом и со своим конвоем. Злые языки говорят, что вся собака зарыта в том, что вагоны Гаиды нафаршированы золотом, платиной и уральско-сибирскими сувенирами, которые невозможно и небезопасно везти прямо в экспрессе, да еще и с проездом мимо Семенова, у которого на счет мимоходящих ценностей особый нюх для учуяния и станция Даурия для освобождения владельцев от этих ценностей.

Знающие Гаиду говорят, что он не простит адмиралу своей отставки, и что адмирал делает большую ошибку, разрешив ему ехать через всю Сибирь вольным человеком.

16 июля. Разговаривал с полковником Зубковским, только что прибывшим с фронта; по его мнению, положение совсем скверное; огромная часть личного состава прямо не хочет воевать, не хочет рисковать жизнью и терпеть разные невзгоды и лишения; набранные наспех уральские пополнения во время отхода армий разошлись по домам, унося с собой все снабжение, частью и винтовки. В частях остались штабы, офицера и очень немного солдат, преимущественно из стариков и из тех, кому некуда уйти. Вся эта редкая паутина ползет на восток, не оказывая уже никакого сопротивления; отходят на забираемых у населения подводами, что и объясняет быстроту отката. Красные ведут преследование тоже на подводах.

Происшедшее с нашими дутыми армиями характеризуется тем, что в Сибирской осталось около 6 тысяч штыков, а еще в июне эта армия требовала денег и снабжения на триста пятьдесят тысяч человек.

Все отправленное за последние 2 месяца на фронт снаряжение, снабжение и вооружение погибло и перешло в руки красных.

Какой великий грех лежит на нашем наштаверхе и его помощниках, которые истерически-шало, ради честолюбия и шумихи, вышвырнули на разлагающийся и уже безнадежный фронт наши последние резервы.

Особенно тяжела потеря с великим трудом добытых и доставленных на фронт винтовок; штабы армий слали нам ультиматумы, требуя винтовок для десятков тысяч «готовых и рвущихся в бой пополнений»,—и все это погибло.

Честолюбивые мальчишки, облеченные в генеральскую форму и ведавшие подготовкой резервов, бессовестно лгали, когда доносили об их готовности, и обманывали ничего не понимающего в этом деле адмирала.

То заключение, которое я вынес на екатеринбургском смотру ударных частей Сибирской армии, оказалось вполне верным; эти отлично парадировавшие части разбежались

при первом же столкновении с красными и почти сразу же прекратили свое существование.

17 июля. В соборе состоялась панихида по царской семье; демократический хор отказался петь, и пригласили монахинь соседнего монастыря, что только способствовало благолепию служения. Из старших чинов на панихиде были я, Розанов, Хрещатицкий и уралец—генерал Хорошкин; остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности.

После панихиды какой-то пожилой человек, оглядев собравшихся в соборе (несколько десятков, преимущественно старых офицеров), громко произнес: «ну и немного же порядочных людей в Омске».

19 июля. Голова идет кругом от работы; эвакуация перемешала все тылы; все многочисленные штабы и управления утекают на восток, потеряв связь со своими частями, и последние, особенно по части довольствия, брошены на произвол судьбы. Бывшая система снабжений (если только ее можно назвать этим именем) рухнула, всякий оборот запасов прекратился, и войска перешли на существование за счет местных средств, при чем во многих случаях происходит самый бесцеремонный грабеж.

По словам одного раненого офицера, крестьяне говорят: «что красные, что свои—одинаковая сволочь». Теперь же, на нашу невыгоду, красноармейцам на фронте отдан строжайший приказ не трогать население и за все взятое платить по установленной таксе. Адмирал несколько раз отдавал такие же приказы и распоряжения, но у нас все это остается писаной бумагой и кимвалом бряцающим, а у красных подкрепляется немедленным расстрелом виновных.

23 июля. В тылу разрастаются восстания; так как их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь. Какой толк нам в стоянии вдоль линии разных союзников, когда весь организм охватывается постепенно этой красной сыпью!

25 июля. Только сегодня узнал в ставке, что Лебедев при сотрудничестве Сахарова вырвал у адмирала согласие на какую-то сложную наступательную операцию в районе Челябинска, обещая совершенно ликвидировать красных; в эту операцию вовлечены все три дивизии, вытщенные в последнее время из Омского округа, т.е. последние наши резервы, и притом для боя совершенно неготовые.

Очевидно, что вся эта операция задумана уже давно, и все полеты наштаверха на фронт были с нею связаны.

Уверяют, что красные совершенно выдохлись, но то, что я слышу от прибывающих с фронта, совершенно против-

речит оптимизму нашей разведки; зато несомненно, что наши выдохлись окончательно и к боевым действиям временно неспособны.

При таком положении всякая наступательная авантюра сможет привести к полной катастрофе.

Из краткого доклада, прочитанного в оперативном отделении, узнал, что задумана чрезвычайно сложная операция окружения Челябинской группы красных, требующая испытанных и надежных войск лучшего старого кадрового типа; операция сложна и искусственна даже для старых войск, так как требует идеального исполнения, и малейшая где-нибудь неустойка все рвет и может привести к полному краху. Такие операции можно производить только на карте или на больших показных маневрах.

Состояние войск, их неспособность к маневру, их неспособность выдерживать прорывы и обходы заставляют считать, что для этой операции 95% за то, что она кончится полной катастрофой. По грубой схеме, показанной мне в ставке, некоторым дивизиям придется вести бой на два и на три фронта, т.-е. дана такая задача, которой современные наши войска выполнить не в состоянии, ибо не выдерживают флангового огня и даже признаков нахождения неприятеля в тылу и на флангах.

Несомненно, это безумная ставка Лебедева для спасения своей пошатнувшейся карьеры и для доказательства своей военной гениальности; очевидно, что все обдумано и построено совместно с другим стратегическим младенцем, Сахаровым, жаждущим тоже славы великого полководца.

26 июля. За день три комиссии, отнявшие вместе пять с половиной часов рабочего времени. Узнал в ставке кое-какие подробности сумбурной операции, рожденной мудрыми главами Лебедева и Сахарова; оказалось, что они задумали повторить Мамаево побоище, с заманиванием красных в ловушку при помощи добровольного очищения Челябинского узла; считают, что красные бросятся на эту приманку, после чего их там захлопнут при помощи очень сложного маневра, в котором главная роль захлопывающих крыльев отведена совершенно сырым в боевом отношении дивизиям Омского округа и конным частям.

С бумажной, теоретической точки зрения все это очень красиво и заманчиво, так что немудрено, что ничего непонимающий в сухопутном деле адмирал согласился на эту операцию; но с точки зрения реального выполнения и оценки средств выполнения операция совершенно безумная и возможная только при условии, что красные представляют стадо баранов и скиксут при первом же обнаружении нашего гениального плана; а так как на сие нет никаких

надежд и так как мы замахиваемся совершенно негодными для исполнения средствами, то у меня—по крайней мере—весь шайс на успех заключается в авоське и заступничестве Николая Чудотворца.

Уходя с оперативного доклада в ставку, я сказал: «Господа, помните, что у вас идет не Челябинское наступление, а Челябинское преступление».

28 и юля. По приходе в министерство был долго мучим Ивановым-Риновым; он объехал часть станиц своего войска, развез и роздал привезенные с Дальнего Востока товары и теперь вернулся триумфатором, любимцем населения и внеконкурсным кандидатом на переизбрание в войсковые атаманы; он привез с собой навинченные болтовней, водкой и подарочным настроением приговоры станичных сходов о поголовном выходе на службу всех сибирских казаков и сейчас горд и важен, изображая из себя единственного спасителя во всем создавшемся здесь положении. Его носят на руках, ему остается только приказывать.

Все это—очередной казачий бум; ни на минуту не верю всем этим приговорам; не таковы сибирские казаки, чтобы поголовно встать на борьбу с большевиками; тот, кто хотел бороться, сам пошел в ряды армии. Свидетели такого же поголовного выхода оренбургских казаков рассказывают, что все кончилось получением пособия и расходом по станицам, как только тем стала угрожать опасность. Полицейской душе Иванова-Ринова хочется блестящей рекламы, великой шумихи и удовлетворения своему обиженному честолюбию.

Сейчас Иванов-Ринов сделался первым лицом в Омске; ему предоставлено право непосредственного доклада адмиралу, которому он приносит уже готовые к подписи проекты указов и распоряжений; он все ведет к тому, чтобы сформировать отдельный казачий корпус, сделатья его командиром и заработать с ним победные лавры.

Адмирал забыл все старое, обворожен рисуемыми ему блестящими перспективами, когда геройские казачьи полки погонят красных за Урал, все поправится, и вновь расцветут все надежды, связанные с военными успехами.

Желания Ринова теперь—закон; приказано, чтобы его заявления и требования удовлетворялись вне очереди; обнаглевший от неожиданного успеха казак требует деньги, обмундирование и все виды снабжений в самых гомерических размерах, в двойной и тройной запас.

Армия, потерявшая все свои запасы, этим обездоливается, но на это не хотят обращать внимания.

29 и юля. Состоялось совместное заседание министров правительства и высоких союзных комиссаров по вопросу

разверстки между союзниками оказываемой нам материальной помощи. Со стороны союзников прибыли Эллиот, Моррис, граф Мартель и Мацусима, генералы Нокс, Гревс, Жаэн и Такаянаги; мы сидели в очень жалком положении бедных родственников персидской категории, ожидающих решения своей участи.

Нокс высказался очень резко, что, собственно говоря, нам не стоит помогать, так как у нас нет никакой организации и большая часть оказываемой нам материальной помощи делается в конце концов достоянием красных. Нокс очень обижен, что после разгрома Каппелевского корпуса, одетого в новое, с иголки, английское обмундирование и снаряжение, перешедшее к красным, тулоупные омские зубоскалы стали называть его интендантом Красной армии и сочинили пасквильную грамоту на его имя от Троцкого с благодарностью за хорошее снабжение.

Сукин очень сдержанно, но с достоинством ответил Ноксу, что, конечно, это дело союзников решать, стоит ли нам помогать, но данное совещание собрано не для этого, а с определенной целью получить от нас определенные сведения, что нам нужно для продолжения борьбы по восстановлению русской государственности, и мы готовы дать эти сведения.

По очереди все министры доложили нужды своего министерства, при чем я уменьшил требования ставки вдвое, ибо нелепо, смешно и даже вредно заявлять потребность снабжения на армию в один миллион человек.

Нас выслушали и заявили, что высокие комиссары рассмотрят наши заявления. Вернулся домой взбешенным; все более и более начинаю верить, что нас нарочно водят за нос и кормят завтраками.

С нами все беседуют и нас щупают, а через 1½ месяца зима, и у нас нет ничего суконого; мы все надеялись на заморских дядюшек, заливавших нас обещаниями, и теперь близко к тому, чтобы очутиться в самом скверном положении.

Вечером в совете министров у нас совершенно даром отняли несколько часов времени и кормили протухлым екатеринодарским рагу в виде сообщений приехавших оттуда гастролеров, на сей раз гражданского происхождения, Волкова и Червен-Водала.

30 июля. Челябинская операция проиграна; Лебедев пытается в своих донесениях замаскировать неприятную правду, но она ясна. Начались уже розыски виновных в неуспехе стрелочников, подлейшее занятие наших верхов.

Итак, великое преступление совершилось, последние резервы погублены ради самолюбия двух безграмотных вы-

скочек, и задержать откат обрывков армий на восток уже нечем. Одновременно поставлена в исключительно тяжкое положение и южная армия, которую упорно держали на уступе вперед ради участия ее в челябинской авантюре, а теперь бросают на произвол судьбы.

31 июля. Тяжкая обстановка грозит разрушить последние остатки нормальной системы государственного управления; появились разные кандидаты в спасители отечества, лезущие к адмиралу с готовыми указами.

Я сторонник единовластия, единоличного управления в такое исключительное время, но надо чтобы единовластие находилось в талантливых руках и осуществлялось планомерно; то же, что сейчас у нас творится, хуже всяких софедов и комиссарщины; адмиралу преподносится и им одобряется и утверждается всевозможная разнокалиберщина, несогласованная, непродуманная; в результате получается невероятная неразбериха. Отзывчивость адмирала и судорожное искание им лучших и действительных средств, при его непрактичности и неподготовленности по большинству вопросов государственного и военного управления, только ухудшают положение.

Иванов-Ринов добился экстренного ассигнования сибирским казакам ста миллионов рублей. Ожил, рыщет, нюхает и пробирается в дамки дальневосточный спиртовоз Хрещатицкий; казачья конференция в полной силе.

2 августа. Сведения от привезенных с фронта раненых офицеров, даже с поправкой на неизбежное обострение пессимизма, самые тревожные: пока был успех, солдаты шли вперед довольно охотно, но после первых недель поворота военного счастья в пользу красных настроение резко переменялось и началось массовое дезертирство набранных приволжских и уральских мобилизованных; сейчас большинство не желает воевать, не желает обороняться и пассивно уходит на восток, думая только о том, чтобы не нагнали красные; этот отступательный поток увлекает с собой многие, сохранившие порядок и боеспособность части и отдельных с непоколебленным духом солдат и офицеров.

Наполнение рядов негодным мобилизационным элементом оказалось роковым; в потоке шкурятины растворились геройские остатки истинных борцов за идею и за спасение родины.

Офицеры не скрывают, что многие части по неделям не видят красных, которые идут за ними в нескольких днях расстояния; у тех тоже мало охотников воевать, но там это нежелание парализуется расстрелами и применением сзади коммунистических револьверов и пулеметов.

Много пареканий на офицерские укомплектования, со-

стоящие по преимуществу из насильно набранных и укрывавшихся от призыва офицеров и из вновь выпущенных юнкеров краткосрочных школ очень неудовлетворительного качества.

Жалуются, что при малейшей неустойке первыми сдают офицеры; объясняют это боязнью красного плена и недоверием к своим солдатам, обостряющимся всегда, когда часть попадает в опасное положение и надвигается вероятность ее плена или перехода на красную сторону.

3 августа. Смотрю на карту и наизлющим образом злюсь; если бы, вместо преступной авантюры Лебедева, мы стояли бы теперь за укрепленной линией Тобола, сохранив все резервы, подняв материальное и моральное состояние отдохнувших войск и предоставив красным нападать,—как бы выгодно было наше положение. А сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас, вместо прошлогодних совдепов и винегрета из красноармейской рвани, наступает регулярная Красная армия, не желающая—вопреки всем донесениям нашей разведки—разваливаться; напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способность сопротивляться и почти без боя катимся и катимся.

Год тому назад население видело в нас избавителей от тяжкого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше; и что еще хуже ненависти, оно нам уже не верит, от нас не ждет ничего доброго.

Весь тыл—в пожаре мелких и крупных восстаний и большевистских, и чисто анархистских (против всякой власти), и чисто разбойничьих, остановить которые силой мы уже очевидно не в состоянии. Вот годовичные результаты работы ставки на фронте и правительства в стране; от таких итогов можно не то что пессимистом сделаться, а выть от отчаяния. Стоим опять перед разбитым корытом, с задачей начинать все снова, в самых тяжелых условиях.

7 августа. Лебедев пытается проявлять кипучую деятельность; собрал, как военный заместитель адмирала, продолжение последнего совещания. Просидели мы около шести часов, занимаясь невероятными пустяками. Началось с создания белой гвардии, и первым оратором выступил сам наштаверх, понесший какую-то детскую околесицу. На этот раз не выдержал, перебил его доклад и коротко выявил всю его несостоятельность.

Важный наштаверх натопорчился и попробовал стать в положение поведывающего, но я закусил удила; единодушная поддержка большинства участников заседания, мне выявленная, сбила Лебедева с гордой позиции.

Вглядываясь все чаще во внутреннее содержание этой большой по наружности, но ничтожной по содержанию фигуры, завидуешь удаче большевиков и неблагосклонности к нам фортуны, выбросившей во главу распоряжения сибирскими войсками такую безнадежную ограниченность.

Бетонноголовой, но очень решительный Сахаров пытается опять наступать, при чем окончательно расквасил последние сохранившиеся остатки своей армии. При этом произошла какая-то частичная катастрофа, которую усердно скрывают.

В Барнаульском районе начались крупные восстания—результат хозяйничанья разных карательных экспедиций и отрядов особого назначения; к Вологодскому приезжал из Славгорода какой-то крестьянин, из бывшего членов Государственной Думы, и жаловался, что в их округе нет деревни, в которой по крайней мере половина населения не была бы перепорота этими тыловыми хунхузами (очень жидкими по части открытой борьбы с восстаниями, но очень храбрыми по части изымательства над мирным населением).

9 августа. Вчера состоялась публичная лекция полковника Котомина, бежавшего из Красной армии; присутствующие не поняли горечи лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал, с попыткой избить лектора, одного из идейнейших работников нашего национального центра; особенно обиделись, когда К. отметил, что в Красной армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар или коммунист; у нас же в Петропавловске идет такое пьянство, что совестно за русскую армию.

10 августа. Новая серия картин омского кинематографа. Лебедева решили убрать, а на его место по должности наштаверха и военного министра назначается Дитерихс, остающийся вместе с тем и главнокомандующим восточным фронтом; сначала вздвигали должности, а теперь начинают их встраивать; неужели же думают, что единство и стройность управления достигаются сваливанием в одну кучу трех совершенно несовместимых должностей—командной, штабной-оперативной и административной-тыловой. Нет людей, чтобы хорошо справиться с каждой из этих трех должностей в отдельности, и в то же время валят на одного человека все их три вместе.

Лебедева назначили командующим южной степной группой, выдумав это абсолютно ненужное новое соединение только для того, чтобы спустить куда-нибудь ставшего уже невтерпех всем наштаверха. Нам надо уничтожить десятки ненужных штабов и управлений; мы комичны с нашими

бесчисленными штабами и, несмотря на это, создаем новый штаб армии, т. е. целое грандиозное по личному составу учреждение только ради того, чтобы устроить золотой мост выгоняемому по негодности и принесшему столько вреда ничтожеству.

Иванов-Рипов разворачивается все шире и шире, гребет деньги и материалы обеими лапами, грозно машет руками и сулит не только все выручить, но и неукоснительно покорить под ножи всех противящихся.

Исследование удравших в район Новониколаевска и даже Красноярска армейских и войсковых тыловых учреждений дало ничуть меня не удивившие открытия в виде 30 тысяч пар сапог в одном эшелоне, 20 тысяч пар суконных шаровар в другом, 29 тысяч пар белья в третьем и пр. и пр.; нашли вагоны с револьверами, биноклями и разным снаряжением, над которым мы распластывались, стараясь возможно скорее подать его войскам; все это попадало в руки разных начхозов, не в меру заботливых о будущих нуждах своих частей, и складывалось ими про запас на будущее время. А фронт и армии воили, что у них ничего нет, не пытались даже заглянуть в хранилища своих же частей и учреждений.

Случай на почте дал мне возможность познакомиться с какой-то таинственной бухгалтерией между чехами и Жанэном; ко мне попал конверт, шедший от какой-то чешской комиссии к Жанэну с требовательной ведомостью текущих ассигнований. Дежурный офицер вскрыл конверт и положил мне в очередную почту. Я наткнулся на эту бумагу, удивился, почему она ко мне попала, но, пробегая ради любопытства ведомость, узрел что, вслед за разными рубриками на разные виды довольствия, указывается к зачету круглая сумма в девять миллионов франков «за спасение для русского народа Каслинского завода».

Выходит, что чехи не только нагребли у нас сотни вагонов нашего имущества и разбогатели на нашем несчастье, но и ставят на какой-то таинственный счет разные «спасения», связанные с их вооруженным выступлением против большевиков.

11 августа. Родилась новая организация ставки: Дитерихс в тройной короне своих должностей с тремя помощниками: Андогским, Бурлиным и мною, при чем опять заявлено, что это только на несколько недель, до начала наступления, которое назначено в начале сентября.

Затем все будет так, как решит едущий сюда генерал Головин, назначаемый начальником штаба верховного главнокомандующего. Наступление будут вести Сахаров и Лебедев, при чем последнему дадут всех казаков. Совершенно

не понимаю, какое наступление возможно с остатками наших развалившихся армий и при полном отсутствии каких-либо резервов.

Имел двухчасовой разговор с Дитерихсом; он понимает недостатки существующей организации фронта, но недостаточно решителен в вопросе сокращения старших штабов; к сожалению, он усвоил себе сибирскую точку зрения на то, что гражданская война требует старших начальников, ходящих в атаку с винтовкой в руке. Положение армий он учитывает неправильно, но считает себя непогрешимым авторитетом, подчеркивая, что все последнее время он провел в самой гуще войск и отлично знает их состояние и настроения.

Приходил ко мне порядочно выпивший Иванов-Ринов и в пьяной болтливости высказал несколько весьма характерных мыслей из своей системы управления:

1. Предать суду и публично расстрелять некоторое количество спекулянтов (конечно, жена его казачьего превосходительства, привозившая с Дальнего Востока товары вагонами, шичего не платя за провоз, а потом публично продававшая их в Омске по кубическим ценам, к числу спекулянтов не относится).

2. Устранять постоянные облавы на офицеров и чиновников, при чем известный процент захваченных тут же расстреливать.

3. Объявить поголовную мобилизацию, ловить уклоняющихся и тоже расстреливать.

Симпатичная идеология, непредвиденная даже Щедриным, изобразившим в «Истории одного города» самые разнообразные типы российских помпадуров; несомненно, что в лице этого отставного Держиморды совнарком потерял замечательного председателя чрезвычайной комиссии который затмил бы славу Дзержинского и К^о.

И однако этот городской вылез на ампулу общего спасителя, и на него с надеждой и упованием взирает вся посеревшая от страха буржуазная слякоть и ждет, что сей рыкающий лев наверняка избавит ее от красного кулака.

12 августа. Аппетит Иванова-Ринова по части денег и материалов не знает предела; он чувствует себя полноправным хозяином положения и не стесняется; хватка у него по этой части настоящая казачья. Сначала говорилось, что казакам нужны только одни винтовки, но это было повторением рассказа о приготовлении щей из топора; за винтовками посыпались требования, подкрепляемые весьма недвусмысленными угрозами на случай неисполнения, и ко вчерашнему дню сибирскому войску выдано: 102 миллиона рублей, все снабжение летнее и зимнее на 20 тысяч человек,

седла, упряжь, значительная часть обоза и обозных лошадей.

Все наличие идет казакам; снабжение полураздетой и потерявшей свои запасы армии фактически приостановлено; на мои заявления получаю приказания прежде всего удовлетворить казаков.

Исполняя приказы и вспоминая рассказы свидетелей такого же поголовного выхода оренбургских казаков, получивших всякое пособие и снабжение, а потом расплывшихся по своим станицам.

Кроме казны, Иванов-Ринов не забыл и буржуев; биржевым комитетам Сибири почти приказано дать деньги для вспомоществования казакам.

13 августа. Вернулся домой в 4 ч. утра; в 11 часов ночи началось знаменательное закрытое заседание совета министров; грозность положения смыла сразу весь глянец искусственно дружеских отношений и началась грызня, обвинения и уязвления.

Гинс обрушился на заместителя председателя совета министров Тельберга и на совет верховного правителя с яркими обвинениями в олигархии, в проведении указов задним числом и т. п. Это развязало языки. 10 месяцев совет министров был только фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и Ко., все насущные вопросы государственной жизни решались в секретных заседаниях пятерки министров-переворотчиков, членов совета верховного правителя, при чем остальные члены совета министров совершенно не знали, что делается в этом тайном совете и какие решения там принимаются; это была настоящая дворцовая камарилья, пленившая представителя верховной власти, помыкавшая им по своему желанию и управлявшая его именем.

В своем нападении Гинс воспользовался тем, что Тельберг, недовольный, что совет министров не принял его редакции проекта совета обороны, а утвердил его в иной, негодной Тельбергу, редакции, добился подписания адмиралом указа, утверждающего совет в тельберговской редакции, при чем для получения права первенства и преимущества над оставшейся, таким образом, за флагом редакцией совета министров, указ верховного правителя был помечен задним числом (7 августа) по сравнению с днем соответственного заседания совета министров.

Трудно найти название этому поступку, совершенному заместителем председателя совета министров, министром юстиции и генерал-прокурором ради удовлетворения своего самолюбия и ради того, чтобы настоять на своем (при этом очень характерно, что по тельберговской редакции права со-

вета обороны передавались совету верховного правителя, т.-е. той же олигархической пятерке).

Я вполне разделял мнение Преображенского и других уважающих себя министров о необходимости всему составу совета министров немедленно же подать в отставку, ибо происшедшим совет министров доведен до последней степени унижения, и дальше идти некуда.

Тельберг всячески вывертывался, но факт настолько ясен, что было неловко слушать эти жадкие оправдания.

Гинс поставил на голосование, доверяет ли совет министров совету верховного правителя, который ведет свою собственную политику, не считаясь совершенно со всем правительством; это предложение, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловым всегда стоит квалифицированное большинство в нашем Совете.

Предложение Преображенского о выходе правительства в отставку было также смазано под предлогом, что это отразится на настроении страны и флота; думаю, что и та и другой встретили бы наш уход с ликованием, хотя бы потому, что в этом крылась бы надежда на перемену неудачного курса и на улучшения.

Государственный контролер внес предложение обратиться непосредственно к верховному правителю с запросом по поводу участвовавших за последнее время единоличных указов, выпускаемых по таким случаям, в которых нет ничего спешного, чрезвычайного и что может быть проведено нормальным порядком через совет министров; предложение это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорелись, свалились все фиговые листы; во всей безнадежности представилась разрозненность, хилость и дряблость правительства, пестрота его членов, искусственность состава, ничтожество председателя...

Вообще заседание было на редкость колючее: в начале его Устругов заявил, предъявив документальные доказательства, что Сукин передал союзным комиссарам, как уже подписанные всеми русскими представителями, официальные копии им самим, Сукиным, составленного протокола совещания по железнодорожным делам, в котором—вопреки нашим интересам и вопреки известного ему несогласия тех лиц, подписи которых он поместил, союзному комитету представлялось полное право распоряжения всеми нашими железными дорогами.

Сукин нагло вывертывался, но видя, что против очевидности идти дальше нельзя, и даже не покраснев, самым нахальным образом заявил, что протокол уже в руках союзников, изменить его нельзя и поэтому надо искать какой-нибудь компромиссный выход.

Заявление Устругова замяли, молча выслушали нагое заявление Сукина и ничем дальше на него не реагировали.

Сегодняшнее заседание—это апофеоз всей деятельности нашего совета,—упали все ризы и стали видны все кости, все изъяны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь тряся от негодования, а мой спутник Преображенский меня успокаивал и повествовал о том, что все у нас управлялось организованной компанией из восьми министров, возглавляемых Михайловым, делавших все, что нужно было им самим, их честолюбию и поддерживавшим их кругам, кружкам, союзам и организациям. Дикими в совете, оказывается, считались я, Устругов, Шумиловский и Преображенский.

Пошел в министерство, не ложась даже спать; после такого заседания не до сна; меня как с головой окунули в помойную яму. Несчастный, слепой, безвольный адмирал, жаждущий добра и подвига и изображающий куклу власти, которой распоряжается вся та компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

В армии развал; в ставке безграмотность и безделье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилие честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажем!

14 августа. Был в ставке; видел много офицеров, прибывших с фронта с разными поручениями, преимущественно по части снабжений; встретил нескольких старых знакомых по немецкому фронту и послушал их рассказы о состоянии армий; общее заключение, что присылаемые укомплектования могут при умелом обращении дать весьма сносных солдат, но зато большинство присылаемых офицеров ниже всякой критики; наряду с небольшим числом настоящих дельных офицеров прибывают целые толпы наружно дисциплинированной, но внутренне распушенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не приученной к труду и к повиновению долгу; умеющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводом и ротой в бою, на походе и в обычном обиходе. Очень много уже приучившихся к алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствие душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться панике и унынию; свидетельствуют—что мне говорили и раньше и что отмечено в донесениях посылаемых мной на фронт офицеров,—что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеров являются причинами ухода частей с их боевых участков и панического бегства. Мне показывали донесе-

ние начальника ижевского гарнизона, в коем отмечалось, что задолго до прихода на Ижевский завод отходивших через него войск, он наполнился десятками бросивших свои части офицеров, которые верхом и на повозках удирали в тыл.

Дитерихс добился, наконец, что армии доставили сведения о действительной их численности; оказывается, что у нас около пятидесяти тысяч строевых чинов, при трехстах тысячах ртов; в армиях боевого элемента не больше 12—15 тысяч человек в каждой, т.-е. примерно около дивизии хорошего состава.

Я очень удивлен малой решительности Дитерихса по части уничтожения ненужных высших войсковых соединений; нелепо иметь на 50 тысяч бойцов несколько десятков штабов армий, групп, дивизий, бригад; реорганизацию армий надо было начать с беспорядного уничтожения излишних штабов. Говорят, что это, однако, невозможно, ибо подлежащее упразднению начальство этого не хочет и не допустит.

16 августа. Иванов-Ринов обобрал все наши склады, и я бессилен помочь фронту; я делаю наряды для отправки на фронт, но о них узнает этот пронырливый казак, и все попадает в его обширные лапы; малейшая задержка вызывает жалобы адмиралу с угрозой, что это отражается на выходе сибирских казаков на испепеление красных; в результате на каждого выходящего казака взято по пять и по шесть комплектов и летнего и зимнего обмундирования, а на фронте войска голы и босы.

В организацию снабжения казаков пущена полная автономия с демократическим соусом в виде дружбы и совместной работы с общественными организациями; в известные времена наши полицейские администраторы всегда любили такие демократические соусы, как средство сдобрить непрезентабельный вкус их привычных, основных блюд.

17 августа. В совете министров Сукин сделал первый доклад о деятельности своего министерства. Между прочим, доклад подтвердил то, о чем я мельком слышал раньше от Преображенского и что оказалось ужасным по своим последствиям; это было самодовольное, с подчеркиванием его величия и значения, заявление нашего дипломатического руководителя о том, что два месяца тому назад генерал Маннергейм предлагал верховному правителю двинуть на Петроград стотысячную финскую армию и просил за это заявить об официальном признании нами независимости Финляндии.

С сияющим и гордым видом Сукин заявил, что Маннергейму был послан такой ответ, который отучил его впредь

обращаться к нам с такими дерзкими и неприемлемыми для великодержавной России предложениями; по сияющей физиономии и по всему тону сообщения было видно, что главную роль в этом смертельно-гибельном для нас ответе сыграл наш дипломатический вундеркинд. Я не выдержал и громко сказал: «какой ужас и какой идиотизм», чем вызвал изумленные взгляды своих соседей.

Теперь для меня стала ясна та неразбериха, которая была в начале лета с вмешательством Финляндии и с занятием Петрограда, и о которой я смутно слышал в оперативном отделе ставки. Ведь если бы не кучка безграмотных советников, вырвавших у адмирала то решение, коим гордо хвастался сегодня Сукин, то теперь Россия была бы свободна от большевиков, не было бы уральского погрома и над нами не висели те грозные тучи, которые временами застилают последнюю надежду на благоприятный исход.

Ярко характерно то, что такое решение принято даже без осведомления о нем совета министров, то-есть того, что по букве закона считается правительством и несет на себе всю ответственность; видно, до чего доходила наглость этой пятерки, захватившей власть и не считавшей даже необходимым соблюдать хотя бы внешнее приличие по отношению ко всему совету министров.

Ужас, злоба и негодование охватывают по мере того, как раскрываются внутренние язвы того, что является нашим правительством, и что позволяет себе брать в свои руки управление страной в такие тяжкие времена.

Смешно говорить о каких-то законах истории, когда всю эту историю может свернуть такое жалкое ничтожество, как какой-то очень юркий и краснобайный секретарь вашигтонского посольства, как на зло швырнутый судьбой в Омск, быстро пришедшийся ко двору при омском градоначальстве и феерично выбравшийся в руководители всей нашей иностранной политики.

20 августа. Адмирал за последнее время несколько раз был в третьей армии, и это очень усилило положение Сахарова, который очень импонирует адмиралу своей решительностью, категоричностью, наступательными тенденциями и оптимизмом; это обстоятельство мешает работе Дитерихса, который довольно решительно реорганизует остальные армии, но как-то избегает касаться третьей армии, продолжающей до сих пор состоять из десяти дивизий; часть этих дивизий не насчитывает и 500 штыков, но при всех неукоснительно состоят обозы по 4 и 4½ тысячи повозок и при 6—8 тысячах нестроевых.

Подъезжая к Лебежеей, видели вереницы этих обозов.

отходивших на восток; на повозках бабы, дети, масса домашнего скарба; масса тарантасов с дамами и детьми. Все это тщательно вывезено, а артиллерия, пулеметы и средства связи потеряны; по данным начальника инженеров при отступлении брошены десятки тысяч верст телеграфного и телефонного кабеля; обычная картина безудержного отступления, когда бросается все, предназначенное для боя, и сохраняется все ценное для брюха и для кармана; ведь и на большой войне мы видели, как сначала бросалась лопата, потом патроны и винтовки, но бережно сохранялся вещевой мешок.

Недалеко от штаба армии расположен полевой госпиталь, находящийся в самом ужасном состоянии; больные и раненые валяются в пакгаузах, стоящих среди луж зеленой жижи, которая все время пополняется производимыми тут же естественными надобностями больных, половина которых тифозны.

Раненые валяются на грязных и колючих досках без всякой подстилки; единственный на весь госпиталь доктор и две сестры сбились с ног от непосильной работы; вместо чая дают какую-то жидкую грязь, хлеб черствый.

Зато рядом в штабе помещается санитарный инспектор армии с порядочным штатом докторов и фельдшеров, пишущих на машинках.

21 августа. За завтраком у адмирала видел весьма юного генерала Косьмина, из недавних поручиков, убежденного сторонника того, чтобы все старшие начальники сами ходили с винтовками в штыковые атаки или прикрывали отступление.

Этот абсурд самым прочным образом укрепился на фронте и им так нафаршировали адмирала, что он сам готов взять винтовку и драться наравне с солдатами; я уверен, что он проклинает омерзительную работу, которая мешает ему устремиться на фронт и показать тот идеал начальника, который ему рисовали и рисуют; это объясняет его частые поездки на фронт, ибо он боится, чтобы его не упрекнули в отсиживании в тылу.

Вечером адмирал разговорился на политические темы и выказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение, как на посланный небом подвиг, и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возвратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

22 августа. [20 августа автор вместе с Колчаком выехал на фронт.] По дороге встретили массы отходивших

обозов, шедших в большом внешнем порядке; на каждой повозке по 1—2 здоровенных солдата с винтовками—это многочисленные обозные и нестроевые; физиономии у всех весьма пухлые, и никаких военных тягот и лишений на них не видно, в этом резкая разница с подтянутыми, сухими и обожженными лицами ижевских стрелков и офицеров; точно также большинство обозных одето щеголями сравнительно с ижевцами.

Войсковые части тоже злоупотребляют подводами, требуя их от населения; это очень раздражает местных жителей, так как их отрывают от полевых работ по уборке сена и хлебов, уродившихся в этом году так, как не бывало уже много лет; лошади и повозки остро нужны самим крестьянам, так как обычная здесь уборка машинами сейчас невозможна вследствие неполучения запасных частей, шпата и машинного масла.

Убедился, что сведения о гомерических размерах войсковых обозов не преувеличены; есть полки с обозом свыше тысячи повозок, и армейское начальство бессильно бороться с этим злом; можно по этой части отдавать любые распоряжения о сокращении, но никто их не исполнит.

Все обозные и тыловые должности переполнены сверх штата, что самым тяжким образом отражается на довольствии и снабжении строевого состава.

Все это результат деятельности 25- и 28-летних генералов, умеющих ходить в атаку с винтовкой в руке, но совершенно не умеющих управлять своими войсками, придавать им правильную организацию и не позволять им обрабатываться в сплошные обозы.

То, что увидел и узнал за эти три дня, вполне подтвердило те выводы, к которым пришел еще в Омске по отношению к невозможности для нас наступления. Нельзя наступать, не имея пехоты, ибо в так называемых дивизиях—по 400—700—900 штыков, а в полках—по 100—200 штыков; нельзя забывать, что надо занимать широкие фронты, а наши дивизии равны по численности батальонам. Нельзя наступать с растерянной артиллерией, почти без пулеметов и с остатками технических средств связи.

Сюда надо добавить совершенно расстроенный армейский тыл, неспособный правильно довольствовать войска, даже при отходе их, на свои запасы; как же мы будем довольствовать при наступлении, когда вступим в район разрушенных железных дорог и истощенных и нами, и красными местными средствами, т.-е. попадем в такую обстановку, в которой правильная и налаженная работа тыла приобретает исключительно важное значение. Те обозы, которые я видел в эти дни, не могут работать правильно по кругу-

обороту правильного подвоза, ибо это не военные обозы, а кочующие таборы; они нагружены разным добром, продовольственного груза принять не могут и, кроме того, так непомерно велики по сравнению с боевыми частями, что сами слопают все подвозимое.

Для Валяй-Сахаровых и им подобных полководцев все это пустяки; у них горизонты и масштабы не выше ротного командира и им все это кажется так просто. Такие типы не новость для нашей армии; сколько мы видели их и в японскую, и в немецкую войну; для них тыл, снабжение и зависимость военных операций массовых армий от вопросов подвоза и снабжения не существуют; они считают, что их дело приказывать и командовать, а об остальном обязаны заботиться интенданты и всякая тыловая шушера.

При посещении ижевцев впервые видел адмирала перед войсками; впечатления большого начальника он произвести не может; говорить с солдатами он не умеет, стесняется, голос глухой, не отчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные, и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он роздал много наград, произвел десятки офицеров и солдат в следующие и офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел.

Он не создан для таких парадных встреч; вместе с тем я уверен, что если бы он объехал стоянки частей, посидел с солдатами, запросто пообедал, удовлетворил бы несложные запросы и просьбы, то впечатление осталось бы глубокое и полезное.

25 августа. Свита адмирала позволяет себе делать очень печальные для авторитета власти распоряжения; сегодня утром остановили оба эшелона адмиральского поезда на забитом разъезде только потому, что иначе адмирал не успеет побриться до прихода поезда на станцию Петропавловск.

Адмирал этого и не подозревал, а между тем это на 1½ часа задержало всю эвакуацию заваленного эшелонами и грузами Макутинского узла.

26 августа. Неприятно смотреть на висящую в моем кабинете огромную карту, на которой заведывающий сводками офицер наносит красными точками пункты и районы восстаний в нашем тылу; эта сыпь делается все гуще и гуще, а вместе с тем все слабее становится надежда справиться с этой болезнью.

Говорил на эту тему с Пепеляевым; он очень озабочен

затруднениями по части организации отрядов особого назначения и не скрывает, что нравственный уровень их личного состава очень невысокий; все лучшее забрано фронтом и центральными управлениями.

Пепеляев составил себе очень хороший, но очень запоздалый план объезда наиболее важных областей Сибири для того, чтобы на месте, путем непосредственного общения с населением, выяснить причины недовольства и восстаний и меры, необходимые для успокоения края; по его сведениям, главными заправками всех восстаний являются новоселы, преимущественно столыпинские аграрники, плохо устроившиеся в Сибири и мечтающие о том, как бы пограбить богатое старожильческое население Сибири, достаток которого разжигает их большевистские аппетиты.

Вкладывать персты в раны дело хорошее, но надо было заняться этим еще зимой. Теперь заниматься диагнозом столь очевидной болезни уже поздно.

27 августа. Состоялось мое назначение на должность военного министра с подчинением прямо верховному правителю; просил адмирала смотреть на меня, как на временного заместителя, так как здоровье мое совсем плохо, и я могу скоро совсем свалиться.

Фронт продолжает ползти назад; настроение в Омске, несмотря на все казачьи завывания, за последние дни сильно сдало; дутый подъем начала августа начинает падать и сменяться растерянностью и пессимизмом; тяга на восток делается все сильнее, так как «служебные и коммерческие дела» того требуют; много охотников получать разные командировки в восточном направлении для разрешения накопившихся там вопросов.

Отбыли на Дальний Восток и далее к Деникину недавно приехавшие оттуда генералы Лебедев 2-й и Нагаев; первый—набирать служащих, а второй—для еще более анекдотического поручения—провести сюда через Закаспий и Туркестан дивизию из уроженцев Сибири, которую он собирается сформировать у Деникина.

Для последней цели экстренно ассигновано около 80 миллионов рублей романовскими и керенками.

Кредит этот проведен через совет министров уже постфактум; впервые я не выдержал и, отбросив все приличия, высказал совету свой взгляд на такие командировки; высказал свое негодование по адресу ставки и авторов этого нелепого и невыполнимого проекта, ибо они, как офицеры генерального штаба, не могут не знать истории наших Туркестанских походов и всех исключительных условий движения и военных действий в тех краях; сказал, что только

высокое место, в коем я присутствую, удерживает меня от того, чтобы назвать все это дело и его авторов тем названием, которого они заслуживают.

Тем не менее ассигнование было утверждено, и два превосходительных гастролера, отряся омский прах от своих ног и получив 2.000 фунтов стерлингов на расходы, плюс обобранные из всех казначейств десятки миллионов романовских, изволили отбыть обратно на юг.

30 августа. Имел длинную беседу с Головиным; доказывал ему необходимость принять исключительные меры по реорганизации фронта и по сокращению штабов и тылов. Мы представляем колоссальное туловище, пухлое и бессильное, с маленькими руками. Достаточно указать, что на красной стороне против нас работает один штаб армии, состоящей из 3—4 дивизий и 2—3 конных бригад; на нашей стороне штаб главнокомандующего, пять армейских штабов, одиннадцать штабов корпусных групп и, кажется, тридцать пять штабов дивизий и отдельных бригад.

Думается, что комментарии к этим цифрам излишни; думается также, что, не справившись с этим штабным злом, мы будем бессильны сделать вообще что-либо путное.

31 августа. Вечером состоялось заседание совета министров с участием адмирала; выяснилось, что казачья конференция, делавшаяся в последнее время все наглее и наглее, явилась к адмиралу и предложила ему принять на себя полную диктаторскую власть, подкрепив себя чисто казачьим правительством и оперевшись преимущественно на казаков. Сначала создалось очень острое положение, смягченное затем вмешательством соединенных общественных организаций; в результате все требования свелись к необходимости сокращения министерств, упрощения и ускорения правительственной работы и созыва совещательного собрания. Требования эти заявлены казачьей конференцией и всеми группами госуд. экон. совещания, т.-е. представителями внушительной и наиболее государственной части населения.

Я лично согласен со всеми этими заявлениями, но боюсь, что положение фронта и восстания в тылу делают их очень запоздалыми.

Обращаясь к совету министров, верховный правитель высказал свое неудовольствие по поводу разногласия в мнениях членов совета по многим важнейшим государственным вопросам; он подчеркнул, что недопустимо, чтобы решение принималось большинством одного голоса и перевесом голоса председателя.

Сказал он очень резко, затем сообщил о неудовлетворительном настроении и состоянии армии, объяснив это,

довольно для меня неожиданно, тем, что армия пропитана большевизмом.

Государственный контролер просил адмирала передать совету министров, какие именно требования были заявлены ему казачьей конференцией, так как об этом ходят по городу разные слухи и версии.

Адмирал, не давая ответа по существу, указал только, что он ответил казакам, что сейчас уже не время производить какие-нибудь реформы и перемены в составе совета министров, так как это может отразиться на «настроении армии».

1 сентября. Несмотря ни на что, на фронте началось наступление. Дитерихс взял на себя великую ответственность и поставил на карту последние сибирские ресурсы белой идеи.

Я видел его у Головина перед самым его отъездом на фронт и повторил ему тот же вопрос, который задал при первом с ним разговоре по поводу наступления: «А что же будет, если наступление не удастся?»

И он опять повторил, что тогда «придется разделить на партизанские отряды и вновь начать то же, что было в 1918 году».

Я с удивлением посмотрел на этого главнокомандующего, так легко и просто решавшего судьбу России и армии и решавшего ее легкомысленно и ложно; ибо теперь уже не 1918, а осень 1919 года, и вся обстановка резко изменилась не в нашу пользу; теперь для нас, белых, уже немыслима партизанская война, ибо население не за нас, а против нас; немыслима она и потому, что на Сибирь движется регулярная красная сила и идут красные комиссары, уже специализировавшиеся на подавлении наших белых восстаний. Где же мы найдем оружие, патроны и пр. и пр.?

3 сентября. В ставке уверяют, что Дитерихс, Хрещатицкий и К^о задумали под видом стратегического резерва восстановить гвардейский корпус, как основание будущего монархического переворота; поэтому-то все назначения в этот резерв делаются из бывших гвардейских офицеров.

При желании сварить жирные щи из старого топора в выдумках не стесняются.

Для чешско-русского хамелеона новый монархический вольт не представляет ничего особенного; в Киеве он именновал себя республиканцем, а в Сибири стал монархистом.

Тяжелое положение Омска делает семеновщину все более и более наглой; мой судный отдел и канцелярия комитета по охране законности (председатель—министр юстиции) наполнены жалобами на грабежи и насилия, чи-

нимые семеновскими агентами; китайский консул жалуется на постоянные случаи ограбления китайских купцов при осмотре их чинами контр-разведки на станции Даурия; американский консул заявил многомиллионный иск от фирмы Вульфсон за захваченные Семеновым два вагона ценной пушнины. Телеграфирую, прошу Сыроболярского повлиять на Читу, но все бесполезно; такие язвы выжигаются только каленым железом.

Из Владивостока прислана краткая сводка деятельности Хорвата; очень характерно, как сам верховный уполномоченный и его ближайший антураж разобрали себе свободные земли Посъетского района; самому Хорвату отведен кус в восемнадцать тысяч десятин земли, одному из деятелей дальневосточного комитета, Тетюкову,—в двенадцать тысяч десятин, остальному антуражу—по важности и по способности.

К сожалению, это не выдумки контр-разведки нового состава, опорочивающей старых владык, ибо подтверждено документами и официальными справками.

4 сентября. Подняли большую шумиху с поголовной мобилизацией бывших пленных из Карпаторуссии; к этому делу примазался Иванов-Ринов, заявивший, что этим путем он получит пехоту вдобавок к своему конному корпусу.

Бедных карпаторуссов стали хватать с помощью облав (Иванов-Ринов по этой части дока); благодаря этому Омск остался без хлебопеков и ассенизаторов, так как миролюбивые и неприхотливые карпаторуссы специализировались по черному труду; узнав о принудительной мобилизации, они разбежались из Омска, и в риновские сети попала только часть.

Озлобление среди них страшное; их собрали на станции Куломзино, рядом с бараками, в которых помещаются семьи ижевских рабочих; на-днях у меня были старики-ижевцы и сообщили, что озлобленные карпаторуссы ругают их за верную службу своей родине и, не стесняясь, говорят, что им только бы попасть на фронт, а там они расправятся с теми, кто их туда погнал, а сами уйдут к красным; те же отправят их домой.

Сообщил это 3-му ген.-квартиру, прося обратить внимание, что это идет не из контр-разведческих сфер, а общается стариками-рабочими, неспособными на выдумку.

В результате новая глупость и новый вред: до сих пор у нас был добровольческий карпаторусский батальон очень хорошего состава, очень добросовестно несший на себе тяжелые наряды и караулы. Теперь эта надежная и прочная горсточка растворена в массе насильно согнанных и не желающих воевать людей.

В газетах моря платных восторгов по поводу «изумительного по своему единодушию поголовного подъема героев подъяремной Карпатской Руси на спасение родного русского народа». Платные перья всегда были особо подлы, а в теперешней гнилой атмосфере они побили все старые рекорды.

5 сентября. Вечером в совете министров узнал от Сукина, что он, по поручению адмирала, был у генерала Такаянаги, чтобы узнать, правда ли, что японское правительство требует обязательного назначения инспектором формирований Дальнего Востока ген. Хрещатицкого, связывая с этим назначением вопрос об оказании нам дальнейшей помощи.

По словам Сукина, Такаянаги был до-нельзя удивлен этими вопросами и ответил, что ни о чем подобном они никогда и не думали и что они не считают себя вправе вмешиваться в такие дела.

Таким образом открылась вся провокаторская махинация превосходительного спиртовоза.

Но тем не менее Хрещатицкий остается в распоряжении Дитерихса и предназначается на должность инспектора формирования в Омском округе.

Спрашивается, сколько же мерзостей надо сделать, чтобы над вами поставили, наконец, крест!

6 сентября. Капризное настроение Омска опять потемнело; присяжные оптимисты продолжают еще находиться под угаром «фронтовых побед», но тревожные нотки начинают проскальзывать уже даже у заправил ставки; мелкие успехи есть, но разгрома красных не только нет, но они сами начали нас кое-где теснить; лучшие наши части уже израсходованы, резервы подходят к концу, а красные не желают даже начать отступление.

Спрашивал ставку о причинах бездеятельности до сих пор конного корпуса; по секрету сообщили, что наступление начато, не дожидаясь не то что развертывания, а даже сбора частей конного корпуса; это так ужасно, что не хочется даже верить возможности столь чудовищной оплошности; ведь ничто не требовало начать наступление в столько-то часов такого-то дня.

Отказываюсь понимать поведение Дитерихса; сам адмирал, конечно, тут не при чем. Как мог допустить это Андогский, который, по званию профессора военной академии, обязан понимать, что значит подготовка операции и удачное для нее развертывание?

В ставке сознаются, что сбор казаков шел очень медленно; угар станичных постановлений, навеянных риновскими ситцами, подарками и пособиями, рассеялся, как толь-

ко пришлось выходить на службу; но зато вылезли во всей будничной остроте жалость потерять хороший урожай, боязнь за семьи, страх за жизнь и пр. и пр.

Некоторые казачьи части сели в вагоны, забрав с собой жен и обильные запасы водки; по пути казачьего движения идет разгром наших продовольственных магазинов. Иванов-Ринов очень много шумел о том, что у него будет автономное и демократическое снабжение, но когда дело дошло до реального снабжения продовольствием и фуражом, то оказалось, что, кроме пустопорожнего названия, у нашего наполеонистого Держиморды ничего не имеется. Скверно то, что все это свалилось на нас неожиданно; все берется по казачьей ухватке в двойной и тройной запас; забираются склады и вагоны, приготовленные для армии и для пополнения магазинов; интендант ходит, как очумелый, но я приказал все давать и все разрешать, дабы хоть чем-нибудь не помешать быстрейшему сбору казаков.

Немало затруднений в деле заготовки снабжений чинят нам милые наши интервенты, любящие плотно и хорошо покушать; сейчас они навалились на ограниченные запасы средней Сибири и изрядно их подсасывают; конкурировать с ними мы не можем, ибо они выменивают необходимое им довольствие у населения на разные товары и этим привлекают к себе весь сбыт. Очень много жалоб на безобразия и насилия, чинимые польскими войсками в районе Ново-николаевска; эти не стесняются грабить, производить насильственные фуражировки, расплачиваться по ничтожным ценам и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи с грузами.

На наши жалобы, обращенные к Жанэну, не получаем даже ответа; польское хозяйничанье особенно для нас обидно; чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска создались у нас за спиной из бывших пленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими подданными и укрывшихся от всяких мобилизаций и всенных неприятностей в рядах польских частей.

Очень много нареканий на безобразия, учиняемые весьма экзотическими морскими командами речной флотилии; они разрушили нам весь план Тюменской эвакуации, забрав приготовленные для нее пароходы; теперь они плывут по Оби, возмущая своими безобразиями местное население и забирая разные запасы.

11 сентября. Штаб Приамурского военного округа прислал заключение военного прокурора о деяниях хабаровского разбойника-атамана или, как он назван в прокурор-

ском заключении, мещанина Ивана Калмыкова. Заключение составлено на основании документов и свидетельских показаний; написано оно обычным для таких заключений кратким языком, при чем одно изложение учиненных Калмыковым преступлений занимает около 20 страниц.

Я давно добивался этого документа, чтобы дать адмиралу оружие для начала борьбы с атаманами; сейчас все это запоздало, ибо хозяевами положения являются казаки и их конференция, определенно поддерживающая дальневосточных атаманов.

Доложил заключение адмиралу, дал прочесть Головину и послал помощнику военного министра по казачьей части для сообщения казачьей конференции; вечером мне сообщили частным образом, что, по мнению казачьих лидеров, делу надлежит не давать никакого хода, так как нельзя дискредитировать Калмыкова ввиду его «государственных заслуг». При этом сказано, что такое решение будет поддержано конференцией и будет окончательным, так как, ввиду автономий казаков и выборного звания атамана, никто не может привлечь Калмыкова к ответственности.

Десятки страниц этого заключения дают яркую картину преступного разгула наших белых большевиков, — сухое, но наполненное ужасом и кровью перечисление злодеяний и гнусностей, совершенных хабаровским исчадием, «младшим братом» (он себя так всегда именовал) читинского атамана.

Было бы очень хорошо послать этот документ в Японию для непосредственного доклада императору; думаю, что тогда не поздоровилось бы тем японским генералам, которые добивались посылки хабаровскому убийце и разбойнику ответственной телеграммы от имени наследника японского престола.

16 сентября. Наступление выдохлось и замерло; кое-где продолжают небольшие стычки, и мы еще сохраняем свое положение; боюсь, что это продолжится недолго, а тогда вымотанные вконец части покатыются вновь назад. Остановить их и поддержать будет уже нечем; честолюбивые игроки израсходовали все ресурсы, уложили все резервы; то, что начали Лебедев и Сахаров, докончили Дитерихс и Андогский. И если грядущая катастрофа разразится и белое движение, начатое в Сибири полтора года тому назад, окончится полным крахом, то красные окажутся очень неблагодарными, если не поставят благодарственного памятника этим белым генералам и не наградят их заочно всеми красными наградами за деятельную помощь по сокрушению сибирских армий.

Иванов-Ринов получил от адмирала георгиевский крест за первый успех своего корпуса, а затем почил на лаврах;

по сведениям ставки, он не исполнил шести повторных приказов Дитерихса и адмирала двинуться на Курган в тыл красных.

17 сентября. На фронте мы выдохлись окончательно и не без труда отбиваем переход красных к активным действиям; сводка отмечает усиление красных частей; больно и противно читать в ведомостях сводки про такие красные части, которые во фронтовых реляциях показаны совершенно уничтоженными.

Иванов-Ринов отказался окончательно исполнить приказ главнокомандующего о движении в тыл красных; здесь считают ошибкой, что Дитерихс не вызвал его к себе, как бы для получения инструкций, и не отдал приказа его заместителю; говорят, что дивизиями конного корпуса командуют молодцы, которые повели бы за собой свои части.

Иванов-Ринов крепко базируется на свое звание выборного атамана. В этом много скверного для настоящего и еще более опасного для будущего.

То положение, которое занял сейчас И. Р. в Омске, заставляет особенно желать, чтобы правительство уехало в какое-либо более безопасное от таких влияний место. Правительству надо быть подалеже от разных честолюбий, особенно же военных и казачьих; омские перевороты достаточно это доказали.

18 сентября. Под чьим-то влиянием и ничего мне не говоря, адмирал не сдержал данных мне обещаний по моему докладу о невозможности ломать управление округами и дал согласие на проект Дитерихса и на назначение Хрещатицкого инспектором формирований на Дальний Восток.

Выяснено, что между дальневосточными атаманами идут оживленные сношения в связи с тяжелым положением Омска и правительства; атаманы считают, что наша песня спета (в Чите уже несколько раз праздновали взятие красными Омска и бегство правительства; то же было и в красных кругах Харбина и Владивостока), и приготовляются делить остающиеся бесхозяйными ризы. Пока намечена полная автономия всего Дальнего Востока под главенством Семенова и под негласным протекторатом Японии; сейчас идет захват всех идущих с востока грузов; захват Семеновым первого эшелона золотого запаса, отправленного на Владивосток, обильно снабдил Читу золотой валютой и поднял атаманское настроение.

20 сентября. Ставка совершенно ошалела и проводит разные командировки, при чем трудно даже сказать, какая из них наиболее нелепая. На днях ко мне явился присланный ставкой очень бравый полковник, измысливший для себя командировку в Хиву и Бухару для руководства свер-

жением большевиков и совместных затем действий против их тыла. Приказано ассигновать ему несколько десятков пудов серебряной монеты и выдать разное снабжение. В связи с этой командировкой в совет министров внесен проект правительственных грамот на имя эмира бухарского и хана хивинского, с тем, чтобы эти грамоты были вручены сему bravому полковнику для передачи по назначению.

Вместо упрощения организации у нас идут все новые формирования; за последнее только время родились штабы южной группы (создана для устройства Лебедева), отдельного конного корпуса (создан ради честолюбия Иванова-Ринова), инспектора добровольческих формирований (для пропитания Голицына), инспектора стратегического резерва (для пропитания Хрещатицкого), но ничего не слышно по части сокращений.

При каждом штабе пышно расцветает контр-разведка и осведомление, последнее почти обязательно с собственной газетой.

23 с е н т я б р я. Получены сведения, что в ночь на 19-е во Владивостоке была произведена первая попытка устроить переворот, но неудачно. Розанов, несмотря на протест союзников, ввел в город надежные русские войска, и заговорщики сниксовали.

Ведь если подсчитать наш актив и пассив, то получается самый мрачный вывод «every item dead against you»; за нас офицеры, да и то не все, ибо среди молодежи много неуравновешенных, колеблющихся и честолюбивых, готовых поискать счастья в любом перевороте и выскочить наверх, на манер многих это уже проделавших; за нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищаем их материальные блага; но от их сочувствия мало реальной пользы, ибо никакой материальной и физической помощи от него нет. Все остальное против нас, частью по настроению, частью активно.

Даже сюзники—кроме японцев—от нас как-то отошли; чехи же определенно настроены против нас настолько, что ничто не гарантирует возможности их активной помощи эсеровскому перевороту, вопреки всяким гарантиям Жанэна и приказам Массарика.

24 с е н т я б р я. Я имел случай беседовать с несколькими старшими священниками фронта, и они в один голос жалуются на пошатнувшиеся нравственные основы офицерства, преимущественно молодого, сильно тронутого переживаниями войны и революции; по мнению главного священника Западной армии, из восьми случаев насилия над населением семь приходится на долю офицеров (за исключением казачьих частей, где «пользование местными сред-

ствами» составляет общий и непреложный закон). Особенно возмущает население отбор офицерами лучших крестьянских лошадей и притом не для войск, а для торговли.

25 сентября. В ставке узнал подробности о причинах бездействия конного корпуса; Иванов-Ринов, после первого удачного дела, на Курган не пошел и посланных ему шести директив и телеграмм — из них две за подписью адмирала — не исполнил.

Дитерихс отрешил Иванова-Ринова от командования, но тогда, когда уже было поздно и когда общее положение на фронте исключило возможность успешного набега на тыл красных.

Иванов-Ринов прибыл немедленно в Омск, поднял всех своих сторонников, и по ультимативному требованию казачьей конференции его отрешение было отменено, и он с апломбом вернулся на фронт к своему корпусу. Яркое проявление импотентности и дряблости власти, засосанной омским болотом и находящейся в пленении у разных безответственных, всесильных организаций, во все мешающихся, но ни за что не отвечающих.

Такая власть не может существовать, ибо *sine qua non* [необходимое условие] всякой власти это — ее сила.

Удивляюсь, как Дитерихс на это согласился; он ведь тоже реальная сила и имел право и возможность принять такой тон, с которым должны были бы считаться омские лягушки.

26 сентября. После обеда Сукин передал мне полуженное им из английской миссии известие, что агенты Калмыкова убили во Владивостоке полковника Февралева; его схватили на улице среди белого дня, увезли за город и там застрелили. Таким образом исполнилась угроза, которая висела над несчастным Февралевым больше полугода, и отвратительный хабаровский разбойник «вывел в расход» (специальное выражение Читы и Хабаровска) опасного кандидата на звание атамана.

Нокс возмущен до глубины души и заявил, что он готов открыто отказаться от поддержки такой власти, которая не в состоянии предупредить такие гнусные убийства. Всецело разделяю его негодование.

Сообщил об этом убийстве казачьей конференции; телеграфировал Розанову о розыске и предании виновных военно-полевому суду; телеграфировал Семенову, выразив надежду, что он, по званию походного атамана дальневосточных казаков, примет все меры, чтобы не осталось без примерного наказания убийство одного из старших и лучших уссурийских казаков, кем бы оно ни было совершено.

Печально положение той власти, которая не может рас-

правиться с такой гнусностью, а именуется Всероссийской и заботится о великодержавии России.

[29 сентября автор дневника серьезно заболел и, пролежав 2 недели в бессознательном состоянии, уехал в Томск, а затем в Харбин для лечения. Возвратиться к своему посту ему не было суждено, так как уже 15 ноября Омск был занят Красной армией, а в декабре колчаковская армия подверглась окончательному разгрому. Конец дневника представляет собой написанную в пути характеристику омской власти. Характеристика эта написана остро и талантливо, но не заключает в себе нового фактического материала, а потому, за недостатком места, мы вынуждены ее опустить.]

Крушение колчаковщины ¹⁾.

1. Агония власти.

Если осуществление новой политической программы началось отставкой утомившегося Вологодского и заменой его молодым, неутомимым и решительным Пенелеевым, то это начало осуществления программы было и концом его. Дальше ничего не вышло.

Прежде всего, не удалось обновление кабинета.

На старом сюртуке наложены были две-три латки, да и то из материала не первой свежести. Тем не менее, правительство приступило к энергичной работе.

Совет министров, под председательством Третьякова ²⁾, принял постановление об изменении состава государственного земского совещания. Затем принято было постановление об изменении порядка осуществления исключительных положений. Далее заслушан был законопроект управления делами относительно прав и организации совета министров. Наконец, принят был законопроект о расширении власти управляющих губерниями. Все это были акты хорошо разработанные, мудрые политически, целесообразные и осуществимые.

¹⁾ Из книги Г. К. Гинса „Сибирь, союзники и Колчак“. Т. II. Изд. „Общества возрождения России“. Пекин 1921.

Омск был сдан Красной армии 15 ноября 1919 г. Омское правительство переехало в Иркутск. Колчак, держа при себе вывезенный из Казани золотой запас, остался при армии. Эти события надо считать началом агонии колчаковщины. Начались судорожные попытки спасения власти посредством законодательных реформ, теперь уже никому ненужных, посредством замены одних министров другими, столь же ненавистными для одной части населения и столь же различными для другой, как и первые. Мы заимствуем у Гинса картину агонии колчаковщины, некоторыми своими чертами чрезвычайно напоминающей агонию царского самодержавия в февральские дни 1917 г. *Сост.*

²⁾ Назначенный, взамен Вологодского, председателем колчаковского правительства В. Пенелеев находился при Колчаке в авангарде отступающих войск. Поэтому в совете министров, находившемся в Иркутске, председательствовал заместитель председателя Третьяков, бывший министр кабинета Керенского. *Сост.*

Какая же судьба постигла их?

Они остались в портфеле главноуправляющего делами неутвержденными, неосуществленными и даже никому неизвестными.

Что же привело к такому плачевному результату деятельности правительства, деятельность искреннюю и на этот раз смелую и решительную? Исключительно внешние события.

Катастрофа фронта оказалась более грандиозной, чем можно было ожидать. Отступление превратилось в бегство, фронт таял не по дням, а по минутам, и удержать его не было возможности. Уехавший на несколько дней Пепеляев застрелял на Западе. Связь с верховным правителем прерывалась. Чехи, спасая себя, захватывали подвижные составы, расстраивая окончательно коммуникацию и препятствуя движению верховного правителя. Адмирал, забыв о совете министров, действовал самостоятельно, рассылал ноты, обострял отношения с чехами, подрывая престиж и свой и совета министров резкими и неконституционными, обходившими министра иностранных дел, заявлениями.

С своей стороны, чехи совершенно вышли из роли иностранных войск, охраняющих дорогу, и перешли на роль хозяев транспорта, располагающих средствами передвижения прежде всего для своих целей.

Генерал Сыровой оправдывал это тем, что он выполнял приказ из Праги: «уходить, избегая соприкосновения с большевиками». Что делал в это время главнокомандующий чехословацкими силами генерал Жанэн,—неизвестно. Он проявил себя активной силой в деле разрушения российского правительства уже позднее.

Таким образом правительство работало не для жизни, а только для самоутешения, лстя себя надеждой на то, что еще не все потеряно.

Правда о фронте совету министров не сообщалась. Казалось, и сам верховный главнокомандующий не отдавал себе отчета в неизмеримой тяжести положения. А в это время революционные силы подняли голову. Все войска тыла жадно воспринимали лозунг: «мир с большевиками». Многие эсеры не скрывали своего истинного намерения: передать власть большевикам и спасти себя путем свержения «колчаковцев», и лишь из лицемерия, а некоторыми по наивности и самоуверенности, заявлялось о возможности создать прочную «демократическую» власть. Выступления должны были произойти по возможности одновременно по всей Сибири, примерно в двадцатых числах декабря.

Правительство волею судеб не только не укрепило своих позиций, но юлитической бездеятельностью, проистекавшей

главным образом из-за невозможности сноситься с верховным правителем и доложить ему принятые постановления, усилило общее разочарование. Впрочем; при том положении дел на фронте, которое создалось к началу декабря, политическими реформами можно было только отсрочить, но не устранить крушение власти.

Однако, подобно военной катастрофе, политическая агония власти оказалась также значительно более трагичной, чем это могло быть. История будет судить, кто наиболее виновен в этом; наше дело только восстановить факты.

2. Начало восстания.

Начало было положено в Черемхове. Первые пробы революции производились в глубокой провинции Иркутской губернии. Власть захватывало земство, и сейчас же она переходила к большевикам. Кольцо вокруг Иркутска сгибалось. Дробить силы гарнизона не представлялось возможным. Перевероты происходили успешно.

Руководство движением принял Политический центр, объединивший центральный комитет с.-р., комитет бюро земств, профессиональные союзы и с.-д.-меньшевиков.

Политический центр решил начать серьезное выступление не в Иркутске, а на одном из важных пунктов магистрали, чтобы изолировать правительство. Избрано было Черемхово, где угольные копи давали подходящий человеческий материал для выступления и где успех выступления лишал бы крупные городские центры и дорогу угля, парализовав их работу.

Переверот в Черемхове произошел 21 [декабря 1919 г.]. В тот же день ледоход, очевидно по молитве заговорщиков, сорвал мост через Ангару в Иркутске, затруднив переход из города на станцию и лишив власть возможности перебрасывать силы на другой берег.

И на этот раз военное командование решило не выводить никаких частей из Иркутска. Черемхово праздновало победу, а Иркутск выжидал. Положение власти становилось невозможным. Она была парализована. Ясно было, что дело проиграно вплоть до Байкала, и что остается только одна — спасти остатки государственности на Дальнем Востоке.

Но... и в этом деле роковая судьба разбила все благие намерения. Чтобы спасти остатки государственности, надо было эвакуировать на Дальний Восток наиболее видных работников, экспедицию заготовления государственных бумаг и золото.

Исполнить это оказалось невозможным.

В воскресенье 21 декабря ледоход сорвал мост через Ангару.

Обстоятельства, при которых это произошло, не могли не вызвать предположения о злом умысле. Совет министров, учитывая сложившуюся обстановку, принял решение начать негласную эвакуацию путем командирования части чиновников с архивами за Байкал. Заместитель председателя совета министров Третьяков находился в Чите. Председательствовал управляющий министерством внутренних дел Червен-Водали.

3. Совещание земцев.

В это время в Иркутске происходили совещания всех земских деятелей, случайно там находившихся. Земцы эти как будто хотели обособиться от сторонников соглашения с большевиками, но мотивы гражданского мира звучали ясно и громко. Сознание невозможности дальнейшей борьбы с большевизмом руководило большинством, и желание спасти себя подсказывало тактику удара в спину власти для обеспечения награды со стороны большевиков за содействие.

На совещании земцев был поставлен вопрос о приглашении или неприглашении к участию в нем представителей профессиональных союзов. По этому поводу в органе «социалистической» мысли «Наше Дело», в передовой статье, написанной вызывающим тоном, был задан вопрос: «Не поздно ли?»

Земцы испросили у Червен-Водали разрешение на устройство 23 декабря публичного собрания. Сначала оно предполагалось в думе, затем в театре. На собрание явилось около 150 земцев и 900 приглашенных. Собрание могло превратиться в митинг. Командующий войсками генерал Артемьев, ссылаясь на то, что у него не было испрошено разрешения, которое, при существовании военного положения, зависело от него, объявил, уже в то время как театр был полон, что он не допустит собрания. Формально он был прав, но для Червен-Водали, который уведомил управляющего губерний, что не имеет возражений против собрания, создалось невозможное положение. Тем не менее, не без основания чувствуя опасность собрания, при громадном преобладании числа приглашенных над числом полноправных членов его, он не нашел возможным брать на себя ответственность и не настаивал перед генералом Артемьевым на допущении собрания.

Оно не состоялось. Собравшиеся мирно разошлись. Некоторые земцы (Ходукин, Пашков) в беседе со мной утверждали, что разгон собрания земцев окончательно лишил их возможности отмежеваться от крайних течений. Но вернее,

пожалуй, что этим был отдален момент выступления, сигнал и лозунги которого должно было подать собрание. Основанием для этого предположения может служить то, что главные воротилы и инициаторы этого чрезвычайного и сколопалительного земского собрания, Ходукин, Алексеевский и др., входили в так называемый Политический центр, организовавший все движение.

4. Совет трех (тресектория).

К 23 декабря положение в Иркутске стало чрезвычайно напряженным. Совет министров, предвидя неизбежную необходимость решений быстрых и секретных и считаясь с тем, что предварительное обсуждение всех действий в полном составе совета и замедлит решения и затруднит сохранение тайны, постановил предоставить Червен-Водали, как временному председателю совета, генералу Ханжину, как военному министру, и инженеру Ларионову, как управляющему министерством путей сообщения, принимать все неотложные меры по совместном их обсуждении и присвоить решениям этих трех министров силу решений совета министров. Тем самым прочим министрам открывалась возможность постепенного выезда. Новая организация власти получила прозвище «троектории».

Между тем как совет министров обсуждал все эти меры и готовился к отступлению и обороне, верховный правитель в это время, аккуратно получая из Иркутска информацию, составлял свой план действий.

5. Назначение Семенова главнокомандующим.

Верховный правитель принял решение, которого не сообщил [совету министров], а именно: назначить атамана Семенова главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока.

По существу едва ли верховный правитель мог прийти иное решение. Положиться на военные силы генерала Артемьева не представлялось возможным, подавление мятежа в Иркутске могло быть произведено только при содействии войск Забайкалья; отсюда логически вытекало назначение атамана Семенова командующим всеми войсками. Нельзя, с другой стороны, упрекать несчастного адмирала, человека глубоко патриотичного, честного и чуткого, но исключительно военного по психологии, не привыкшего и не умевшего усвоить приемов управления через министров, в том, что он в такой тревожный момент не запросил предварительно мнения совета министров. Но предупредить последний о пред-

стоящем назначении, посоветоваться о формах указа, об объеме полномочий, конечно, представлялось возможным и было бы политически осторожнее и тактичнее. Назначение атамана Семенова главнокомандующим, без ведома совета министров и без точного определения прав главнокомандующего, поставило правительство в чрезвычайно неловкое и затруднительное положение.

С другой стороны, престиж правительства окончательно был подорван.»

Совет министров сохранил за собою, в лучшем случае, представительство для внешних сношений.

Каковы же были результаты назначения атамана Семенова главнокомандующим?

На этом надо остановиться несколько подробнее.

У Забайкалья ¹⁾ в глазах сторонников демократического строя была всегда особая слава. Явления, которые совершались там, не были чужды и другим районам Сибири, но там они как бы растворялись в массе других явлений, а в Забайкалье сгущались, что придавало всему строю жизни этой области особый характер. Атаман Семенов, которого Политический центр объявил «врагом народа», был всегда грозюю левых в Иркутске. Они боялись и ненавидели его. Силы атамана считались значительными, а твердость власти и несклонность к компромиссам заставляли думать, что Забайкалье окажется наиболее устойчивою цитаделью реакции. Таково было отношение к атаману Семенову всех левых кругов, а не только организаторов восстания.

Во всей истории переворота играл весьма важную роль чешский вопрос. Поэтому при учете последствий назначения генерала Семенова надо подойти к нему и с чешской точки зрения.

Надо отметить, что к этому времени генерал Каппель послал генералу Сыровому вызов на дуэль, мотивируя его возмущением, которое вызвало в армии неслыханно-оскорбительное отношение чешских войск к верховной государственной власти России. Атаман Семенов, в свою очередь, поддержал генерала Каппеля, выразил готовность заменить последнего у барьера и предъявил ультиматум чехам, грозя обрушиться на них всеми силами, которыми атаман располагал. Эта угроза была особенно серьезна, так как тоннели Кругобайкальской дороги находились тогда в руках Семенова.

Таким образом, назначение атамана Семенова главнокомандующим должно было вызвать резкую реакцию, жесто-

¹⁾ Забайкалье после свержения Советской власти летом 1918 г. находилось под властью Семенова. *Сост.*

ченность и озлобленность со стороны всех заговорщиков и со стороны чехо-войск.

Но, с другой стороны, настроение иркутского гарнизона, несомненно, поднялось, офицерство ободрилось. Военный мир обладает своею психологиею и мировоззрением, и приказ нового главнокомандующего, объявившего, что он скоро придет расправиться с «мерзавцами», пришелся по вкусу.

Надо считать, что назначение Семенова устраивало возможность соглашения, обострило борьбу и хотя отдалило момент ликвидации, но зато, ввиду неудачи исхода, ухудшило положение побежденных.

Назначение Семенова имело, может быть, еще и то последствие, что оно ускорило самое выступление и обеспечило повстанцам благожелательный нейтралитет чехо-войск, без которого восстание в Иркутске было бы несомненно подавлено, и правительство получило бы возможность свободного выезда и эвакуации имущества. Трудно утверждать только, что сочувствия и, следовательно, поддержки со стороны союзных войск народно-революционная армия не встретила бы и в том случае, если бы назначения Семенова не последовало. Эсеры всегда говорили: «чехи на нашей стороне». Манифесту Политического центра предшествовал известный антиправительственный меморандум чешских дипломатических представителей; близкие отношения эсеров с чехами еще со времени Сибирской областной думы также не составляли тайны, как и близкие отношения атамана Семенова и японцев. Поэтому утверждать, что назначение атамана Семенова главнокомандующим, в связи с особенно недружелюбными в то время отношениями последнего и чехов, вызвало особое сочувствие чехо-войск к повстанцам, нельзя. Но предположение такое считалось в совете министров не лишенным основания.

6. Министры-зрители.

Итак, члены совета министров во второй половине декабря из руководителей политической жизни окончательно превратились в зрителей. Игра политических сил происходила без их участия. Совет министров, руководствуясь не только интересами момента, но и задачами славянской политики, искал искреннего сближения с чехо-словаками, стараясь сгладить временные шероховатости отношений, найти примирение взаимных интересов. Совет министров и понимал и сочувствовал желанию чехов эвакуироваться, но он, конечно, не мог помириться с нераздельным хозяйничаньем последних на железной дороге.

Однако, помимо совета министров, в адрес чехов направились стрелы, которые отравили здоровые и дружеские отношения. И оставалось только не одобрять, протестовать...

Совет министров хотел расколоть лагерь оппозиции, привлечь на свою сторону тех, кто действительно готов был искренне отстаивать Сибирь от большевизма, но помимо совета министров делалось то, что объединяло и сплачивало силы недоброжелательства и возмущения против власти. Уйти было невозможно, протестовать бесполезно, надо было ждать, подчиняться, но события разыгрывались...

7. Восстание в Иркутске.

Восстание началось вечером 24 декабря на левом берегу Ангары, где находится вокзал и предместье Глазково.

Выступление было задумано очень удачно. Так как мост через Ангару был сорван, а самая река не замерзла, то город, окруженный мощной и неприступной рекой, оказался отрезанным от внешнего мира. Путь отступления был один — в направлении на Байкал, по правому берегу Ангары. Но отступление без ценностей, архивов, экспедиции заготовления государственных бумаг, служащих было бы более похоже на бегство. Стало быть, надо было бороться.

О ненадежности частей, находившихся на левом берегу Ангары, было давно известно. Почему не было принято мер для замены их более надежными, и можно ли было произвести эту замену, я никогда выяснить не мог и так и унес с собой впечатление халатности и бездеятельности местной военной власти, не обнаружившей никакого плана противодействия восставшим и как будто покорно ждавшей решения судьбы.

Встали на левом берегу все части: два батальона 53-го полка и гарнизон соседней станции Батарейной, где находились богатые склады снарядов, авиационный парк и другое ценное военное имущество.

Как только получены были сведения о выступлении в Глазкове, контр-разведка в городе произвела обыски и арестовала районный штаб повстанцев в составе 17 человек.

В свою очередь, повстанцы произвели аресты на левом берегу Ангары. Там жил министр земледелия Н. И. Петров, начальник переселенческого управления Федосеев и некоторые чины военно-железнодорожной администрации. Все они были отведены в казармы, при чем, как выяснилось впоследствии, встретили внимательное, корректное к себе отношение.

Настроение в «Модерне», гостинице, в которой жили

почти все члены правительства и высшие чины министерств, в ночь с 24 на 25 декабря было мучительно тревожное. Полная неизвестность обстановки, неуверенность в гарнизоне, сознание бессилия и бесплодности работы,—все это порождало величайшее смятение. Кто мог ручаться, что не подготовлено восстание и в самом городе, и что правительство не проводит последние часы своего существования?

Червен-Водали, Ханжин и Ларионов всю ночь не спали, выслушивали доклады, составляли воззвания и отдавали распоряжения. Меня поднимали несколько раз. Ночью я ездил на телеграф говорить по прямому проводу, помогал «троектору». Везде в городе было совершенно спокойно. Ни одного выстрела. Город еще ничего не знал. Начальник гарнизона генерал Сычев объезжал казармы и ободрял офицеров и солдат.

К утру в маленькой комнате гостиницы «Модерн», где заседали три министра, воцарились бодрость и спокойствие. Генерал Сычев засвидетельствовал, что гарнизон держится твердо. Решено было действовать.

Четверг 25 декабря не ознаменовался никакими происшествиями. Иностранцы справляли рождество; им было не до печальных обстоятельств российского правительства, а в Глазкове было так же мало решительности и уверенности, как и в городе.

8. Засилие иностранцев.

Генерал Сычев послал союзникам уведомление, что утром 26-го он начнет артиллерийский обстрел казарм 53-го полка. В ответ на это генерал Жанэн сообщил, что он не допустит обстрел и, в свою очередь, откроет огонь по городу.

Гром среди ясного дня не поразил бы так членов правительства, как это заявление представителя дружественной страны, все время обещавшей поддержку правительству адмирала Колчака.

Только энергичные и неотложные меры могли спасти положение. Каждый день промедления укрепляли силы восставших, так как к ним стали сейчас же присоединяться большевистские элементы рабочего населения. Поэтому заявление генерала Жанэна было оценено как решение ликвидировать власть адмирала Колчака.

Правительство ни минуты не думало о том, чтобы защитить себя, как таковое. Но целью было удержать тот порядок и такую власть, которые обеспечили бы отступление войск, находившихся на фронте, и не дали бы большевизму

восторжествовать на всей территории Сибири, сделав дальнейшую борьбу безнадежной. Руководители восстания не могли внушать правительству надежды на подобный исход; это были люди настолько близкие к большевизму или настолько неустойчивые в намерениях, что передача им власти не могла означать ничего иного, как капитуляцию перед большевизмом.

Между тем действия правительства были связаны еще и тем, что переправу через Ангару захватили в свои руки иностранцы. Все пароходы перешли в ведение чехов, которые заявили, что не дадут их ни той ни другой стороне. Железнодорожная полоса, на которой сосредоточились все восставшие, объявлена была нейтральной, следовательно, повстанцы оказались гарантированными от военной силы правительственных частей, и гарнизону Иркутска оставалось только пребывать в осаде и разлагаться или отступать.

Подобное положение вынудило правительство начать переговоры о возможных условиях эвакуации за Байкал.

Инициативу переговоров взяли на себя земцы.

Совет министров 26 декабря уполномочил Червен-Водали побеседовать с земцами, при чем было определено подчеркнуть, что действия генерала Жанаэна вынуждают правительство предпринимать шаги, которые в момент борьбы и неопределенного соотношения сил ухудшают положение власти и способствуют разложению войск.

Совет министров указал также, что непременным условием с его стороны должно быть предоставление повстанцами гарантий, что не произойдет капитуляции перед большевиками, что будут ограждены интересы отступающих частей войск, что будет предоставлен свободный проезд на Восток верховному правителю, членам правительства и тем гражданским и военным чинам с их семьями, которые не пожелают оставаться на территории к западу от Байкала, и, наконец, что общегосударственные ценности будут вывезены.

В случае принятия этих условий совет министров считал возможным согласиться на отречение верховного правителя и передачу власти иркутской земской управе на территории Иркутской губернии, предоставив определить дальнейшие формы организации власти народному собранию или земскому собору, созыв которого был провозглашен в прокламациях Политического центра.

Предоставив Червен-Водали начать предварительные беседы с земцами на указанной платформе, совет министров постановил также командировать уполномоченных лиц для переговоров с высокими комиссарами.

9. Переговоры с союзниками. Нейтралитет.

Переговоры были начаты. В поезде генерала Жанэна чиновник особых поручений Язвицкий и начальник штаба Иркутского военного округа генерал Вагин—с высокими комиссарами, а в городе Червен-Водали—с земцами искали мирного исхода.

Переговоры с союзниками шли как будто бы успешно. Язвицкому и Вагину поручено было объяснить, что, прелятствуя правительственным войскам активно действовать в районе вокзала, они ставят повстанцев в более благоприятное положение, что в таких условиях подавление мятежа становится заведомо невозможным и что нейтралитет союзных войск должен принять иные, более благоприятные для российского правительства формы.

Наивно было думать, что генералы Жанэн и Сыровой не понимали того, что они способствуют ликвидации власти, и будь на месте совета министров большевистские комиссары, они давно уже поведали бы всему миру, что камень к шее утопающей власти привязывают ее друзья и что ответственность за последствия ложится на них—союзников и друзей. Но совет министров действовал всегда корректно, по всем правилам европейского этикета. В такой европейской форме заявил он свой протест и на этот раз, и на свое вежливое и скромное ходатайство он получил джентльменский ответ.

Документ, в который облечено решение высоких комиссаров, заслуживает внимания, и я позволю себе на нем остановиться. Вот текст сообщенной председателю совета министров ноты:

„Совещание высоких комиссаров союзных держав постановило:

1) Контроль и управление сибирской железнодорожной магистралью, от Красноярска до Мысовой включительно, равно как и телеграфными линиями, передаются в руки командования чехо-словацких войск и других союзников, которые их будут замещать, под наблюдением высшего международного командования.

2) Ему будет передана полная охрана порядка обоих путей железной дороги в пределах железнодорожной полосы, пределы которой оно установит для охранения своей безопасности и для осуществления права поддержания нейтралитета.

3) В городах Красноярске и Иркутске эта зона ограничена окрестностями вокзалов.

4) Союзное командование будет иметь самостоятельное право устанавливать порядок следования их собственных эшелонов; им будут предоставлены всевозможные облегчения для их временного размещения на пути следования на восток. Подписали: Като, Гаррис, Могрз, Лампсон и Глосс“.

Этим решением обеспечивались интересы чехо-словацких эшелонов и гарантировалось беспрепятственное их продвижение, так как вся Кругобайкальская дорога и, следовательно, все тоннели переходили под охрану чехов, а для правительства представилось выгодным то, что вся железнодорожная полоса нейтрализовалась и, следовательно,—так, по крайней мере, подсказывала логика,—железная дорога и вокзалы переставали быть благом, доступным исключительно для исповедующих революцию.

Поэтому на имя посла Като Червен-Водали дал следующий ответ:

„Честь имею довести до сведения представителей союзных держав, что их предложение относительно железных дорог получено и что правительство согласно с этим предложением и с своей стороны считает нужным в интересах дружного сотрудничества детализировать некоторые вопросы таким образом:

1) Вся полоса отчуждения и соответственная полоса по обе стороны от нее должны быть немедленно очищены от повстанцев.

2) Все удаленные повстанцами должностные лица железнодорожной, гражданской и военной администрации должны быть немедленно возвращены на свои места и восстановлены в своих служебных правах.

3) Находящиеся в указанной в пункте первом зоне телеграф и телефоны должны быть восстановлены, и должно быть обеспечено свободное пользование ими железнодорожной администрации и правительству.

4) Контроль и управление железной дорогой на участке Красноярск—Мысовая и охрана указанной полосы вверяются чехо-словацкому командованию в формах, которые должны быть выработаны по соглашению этого командования с министерством путей сообщения и междусоюзной инспекцией железных дорог, при чем русскому правительству и его войскам должно быть обеспечено свободное пользование нужной ему частью провозоспособности железной дороги, а распределение провозоспособности между надобностями иностранных и русских войск и правительства должно производиться по соглашению министра путей сообщения с междусоюзной железнодорожной инспекцией“.

Этот ответ был сообщен союзникам 27 декабря, и в тот же день к вечеру член японской военной миссии майор Мике устно сообщил, что оговорки правительства принимаются с резервированием некоторых поправок, на случай сомнений в понимании текста ответной ноты.

Как будто блестящий успех. Но за полтора года мы видели много бесплодных дипломатических успехов и ничего не жалевших, но и ничего не дававших нот и посланий, а потому и не удивились, когда и на этот раз все успехи свелись, в конце концов, к потере времени.

Менее удачно шли переговоры с земцами.

10. Выяснение позиции земцев.

Червен-Водали заявил им, что он не уполномочен на какие-либо соглашения, но что ему предоставлено выяснить стремления и расчеты земской группы для определения возможности найти с ней общий язык.

Ему предложен был следующий план.

Совет министров или добывается отречения верховного правителя, или, за отсутствием связи с ним, принимает на себя всю полноту власти и затем передает ее одному лицу, а именно, Червен-Водали, который и заключает соглашение с земцами. При этом выяснилось, что земцы намерены распространить свою власть и за Байкал.

Что касается тех условий, о которых говорилось в совете министров, то они как будто не отвергались, но никаких гарантий их выполнения, особенно главного из этих условий—поддержания большевистского фронта, не указывалось. Даже наиболее склонный к соглашению с земцами Червен-Водали после этого разговора усомнился в способности земцев создать сколько-нибудь прочную власть, и когда на другой день пришли известия, что в Черемхове выпущены все красноармейцы и восстанавливается вся картина советских порядков, а в Глазкове, под Иркутском, уже не революционные войска, а революционные рабочие задают тон, и что все митинги проходят под большевистскими лозунгами,—стремление к соглашению сразу пало.

В заседании совета министров 27 декабря по поводу переговоров с земцами было высказано много кислых слов; была признана, между прочим, тактическая ошибка: переговоры, хотя бы предварительные, раз они начаты были председательствующим в совете министров, связывали последний и воспринимались в городе, как предрешение советом передать власть. Тем не менее, совет министров высказался в пользу продолжения переговоров, считая, что, как бы ни была сомнительна возможность соглашения, попытки добиться его, раз они уже имели место, не должны быть отброшены.

Между тем Третьяков из Читы сообщил о своем отрицательном отношении к попытке найти компромиссы и осведомил, что определенный взгляд на такого рода соглашения существует и у атамана Семенова.

Ожидание войск последнего и в то же время переговоры с земцами, существование главнокомандующего, не связанного решениями совета министров, и попытки последнего определить ход событий,—это были противоречия, порожденные хаосом безвременья.

Червен-Водали, не привыкший к политическим уверткам, человек искренний и честный, не считал возможным при таких условиях вести дальнейшие переговоры и, несмотря на положительные результаты голосования, отказался вести дальнейшую беседу.

В зале здания Русско-азиатского банка, где помещался в Иркутске совет министров, ожидали Алексеевский, Ходукин и др. В это время в кабинете главноуправляющего майор Мике сообщал о согласии союзников с условиями нейтрализации железнодорожной полосы.

Первым сказано было: «нет», вторые прислали: «да». Но это «да» звучало фальшиво и глухо: судьба уже решила участь омского правительства, она принесла ему свое «нет» в потоках крови и ропоте обид, отчаяния и злобы.

Не успели земцы выйти из здания совета министров, как в окружающих его кварталах раздались звуки револьверных выстрелов. Это был ответ революции на отказ от переговоров.

11. Первое выступление в городе.

Револьверные выстрелы были условным сигналом к выступлению. Первыми восстали части отряда особого назначения, состоявшего при управляющем губернией Яковлеве, о роли которого в описываемом движении я скажу особо.

Без большого труда восставшие захватили телеграфную и телефонную станции и, сосредоточившись на площади Сперанского, у собора, намеревались двинуться в центр города. Яковлев помог в эту ночь избежать общего выступления. Он поддержал пушенный слух о приближении войск Семенова и задержал таким образом на стороне правительства часть войск, уже готовых было присоединиться к восставшим.

Весь вечер и всю ночь раздавалась ружейная пальба. К утру она затихла. Восставшие ушли в Знаменское предместье, и на другой день, 28 декабря, снова восстановилось спокойствие. Как оказалось, в этот день силы восставших были настолько слабы, что энергичное выступление могло бы рассеять отошедшие из города части и освободить предместье, где находилась экспедиция заготовления государственных бумаг и около двух миллиардов денег (четвертый и пятый выпуски американского займа и запас сибирских). Но наступление предпринято не было, на этот раз не по вине союзного командования, а, повидимому, вследствие недостаточной решительности действий и отсутствия активного плана.

12. Правительство в осаде.

Итак, воскресенье 28 декабря проходило в настроении, окрашенном бодростью и надеждой. А между тем до момента полного крушения власти оставалась только неделя.

В Знаменском предместьи подымался воодушевленный рабочий люд. На вокзале, несмотря на все ноты, ничего не изменилось: железною дорогою, железнодорожным телеграфом, углем из Черемхова пользовались все, кроме правительства.

Иркутск оставался совершенно отрезанным. Были сведения только о том, что вся территория от Красноярска до Иркутска охвачена восстаниями и что с востока идет помощь.

Но когда она придет? Надежна ли она?

Вечером город погружался во тьму. Электричества не давали, за прекращением подвоза угля. «Модерн» превратился в негостеприимный каземат. Невыносимый холод, освещение свечами, повсюду в коридорах солдаты, пулеметы, ресторан—убежище офицерской организации, скатерти со столов сняты, все пропитано запахом табака и кожи и окутано клубами дыма. Два самых больших номера—раньше приемная министра финансов Гойера—превратились в арестантскую; число арестантов дошло уже до шестидесяти.

Здание совета министров тоже теряло приличный вид. В верхнем и нижнем этажах были устроены казармы. Совету министров нечего было собираться.

Текущие дела момента разрешались тройкой, о законодательстве, конечно, не приходилось уже думать, а заниматься другими делами не только никто не хотел, но, повидимому, и прямо отучились.

Эвакуация из Омска не удалась. В полном составе были только немногие учреждения: управление делами и некоторые части министерств, большинство же застряло в бесконечной ленте на железной дороге или досталось в добычу большевикам. В то время, как управление делами интенсивно работало в области законодательной и по части секретарской, другие министерства чахли от тоски и безделья. В дни мятежа, особенно после потери связи, уже все одинаково перестали существовать как учреждения, и служащие слонялись без дела и без цели.

Последняя неделя была сплошным нравственным мучением. В понедельник из Знаменского предместья началось наступление на город. Положение спасли случайно подо-

спевшие егеря, прибывшие в Иркутск после усмирения в Александровской тюрьме.

Во вторник поднялась неожиданная тревога, и значительная часть членов правительства, не предупредив других, переехала из «Модерна» на окраину, в оренбургское военное училище, откуда предполагено было отступать. Ночью не раз вся гостиница поднималась на ноги.

13. Семеновцы пришли.

Но вот пришло известие, что семеновцы приближаются. Сначала они остановились у Михалева, и генерал Скипетров известил, что дальше не пропускают союзники. Но затем пришло известие, что японцы вступят в иркутский военный округ, а вслед за тем пушечные выстрелы известили о прибытии войск из Забайкалья к станции Иркутск.

Был прекрасный солнечный день, и жадная до зрелищ публика, не слыша стонов раненых и не осязая веяния смерти, следила издали за тем, как на левом берегу Ангары передвигались цепи и разворачивалось сначала наступление, а затем отступление семеновцев.

С 29 декабря военные действия происходили почти непрерывно и нередко с большим ожесточением. Знаменское предместье отделено от города речкой Ушаковкой. На ее холодном саване найдено было немало трупов. Среди них были и ожесточенные фанатики революции, и юноши, безотчетно верившие, что революция несет гибель, и люди, ничего не понимавшие, не видевшие никакого смысла в происходившем. Отчаянная ненависть к обороне и беспощадная злоба в наступлении оставили следы на поле битвы: многие трупы были изуродованы.

Бок о бок с солдатами и офицерами выходили на фронт сестры милосердия. Самоотверженность последних бросалась в глаза. Они понесли в эти печальные дни немало тяжелых утрат.

Солдаты принадлежали к числу тех участников трагедии, которые меньше всего понимали ее значение.

Егеря, которые 28 декабря спасли положение, отбив наступавших, на следующий день перебили офицеров и ушли к повстанцам. Их убедили в казармах, что переворот даст мир. Но когда революционный штаб предложил им занять передовую линию, они опять перебежали. Вернулись, однако, немногие. Часть пала под пулеметным обстрелом, часть вовсе разбежалась, и еще недавно отличные солдаты превратились в банду мародеров.

Ушаковка не представляла собою зрелища. Там трудно было наблюдать без риска попасть под шальную пулю.

Даже в городе несколько человек стали жертвами случайных выстрелов.

На Ангаре же, при наступлении семеновских частей, толпа могла следить за действиями обеих сторон, не чувствуя опасности и забывая о кровавых ужасах красивой издала картины.

Происходившее на левом берегу Ангары было мало благоприятно для осажденных. Виден был сбитый с рельсов, очевидно, предупредительно выпущенный из сферы «благожелательного» нейтралитета паровоз. Стоял чешский броневик «Орлик». Железнодорожная полоса отнюдь не имела вида нейтральной, как, казалось, должно было быть, согласно условиям. Стало известно, что семеновские части не будут допущены на вокзал, тогда как народно-революционная армия продолжала там хозяйничать. Нейтралитет проявил полную благожелательность только к одной стороне. Но, помимо этого, и самый ход военных действий, видимо, оказался более благоприятным для противной стороны. После ряда атак семеновские части стали отступать.

На другой день забайкальские эшелоны отошли опять к Михалеву, за восемнадцать верст. Стало известно, что семеновцы понесли тяжелые потери, а «Чехо-словацкий Дневник» изобразил происшедшее как полное поражение семеновских войск и дал заведомо преувеличенные сведения о числе перебежавших к повстанцам солдат.

Как бы там ни было, но первый шаг отряда, пришедшего выручать Иркутск, оказался неудачным. Второго уже не последовало. Произошел резкий перелом в сторону ухудшения, и развязка приблизилась.

Между тем гарнизон окончательно терял веру в успех и доверие к начальству. Его все время ободряли обещаниями помощи. Но семеновцы ничего не сделали и куда-то скрылись. В город переведен был батальон, не внушавший никому впечатления грозной силы. Один из семеновских офицеров на обеде, устроенном в честь прибывших, поднял тост за гражданский мир. «Довольно уж воевали»,—просто-душно заявил он, едва ли сознавая, что тем самым повторяет самый популярный лозунг восставших.

Обещано было прибытие японцев. Они действительно пришли. Началась сумятица. Революционеры переполошились. Но японцы не подавали признаков жизни. С вокзала пришло известие, что чехи успокаивают: «Японцы не двинутся, они привезли пустые вагоны». И действительно не выступили.

Тогда атаман иркутского казачества генерал Оглоблин написал председателю совета министров резкое письмо. Он требовал, чтобы ему сказали, наконец, правду, кто придет

на помощь и какова будет эта помощь. Если правительство будет попрежнему уклоняться от прямого ответа, то казачество поступит так, как подсказывает ему совесть и как диктуют интересы.

Началось разложение гарнизона. Стали говорить, что генерал Сычев распродает вещи, стали интересоваться, существует ли правительство и кто куда бежал.

Тогда Червен-Водали, Ханжин и Ларионов отправились на вокзал, к союзникам.

14. Переговоры о сдаче власти.

Червен-Водали уехал на вокзал без каких-либо определенных планов и без инструкций совета министров. Мы, оставшиеся, ничего не знали.

Но вот приходит известие, что Червен-Водали и Ханжин потребовали автомобиль...

Приехали. Мы ждем приглашения.

Проходит полчаса, час. Никого не зовут. Иду к Червен-Водали. Он занят, совещается с общественными деятелями: Волковым, Коробовым. Они уже все знают, а мы томимся неизвестностью. Ханжин отмалчивается.

Проходит еще час.

Тогда Смирнов и я теряем терпение. Министры мы или нет? Мы не можем уйти в отставку, потому что, при отсутствии верховного правителя, некому ее принять, но мы еще можем заявить, что слагаем с себя звание членов правительства, а вместе с тем ответственность за принимаемые без нас шаги. Мы пишем заявление и ставим условие—созвать совет министров не позже, чем к двум часам.

Я предлагаю Бурышкину подписать наше заявление, но он уже повидался с Червен-Водали и берет на себя сношения с ним.

Заседание совета министров состоялось. В холодном номере «Модерна», за отсутствием других помещений, после недельного перерыва деятельности совета, собрались опять члены правительства без территории, без власти, без свободы действий.

Вот что доложил нам председатель.

Весь вечер 2 января высокие комиссары вели беседу с представителями правительства о необходимости сдачи власти повстанцам. Генерал Жанэн, на основании чешских донесений, указал на неизбежность победы последних. Союзники заявили, что эсеры—деятели государственного управления, ничего общего с большевиками не имеют, и что поэтому противодействовать им союзники не намерены.

Условия передачи власти, те самые, которые выставля-

лись как база для переговоров с земцами, казались союзникам приемлемыми, но они не обнаруживали желания их поддерживать. Однако, по впечатлению Червен-Водали, он убедил комиссаров быть посредниками. При детальном рассмотрении условий правительства они, между прочим, указали, что адмирал Колчак должен отречься, так как иначе невозможно будет гарантировать его выезд, равно как и выезд министров Пепеляева и Устругова возможен будет только в качестве частных лиц.

Было уже за полночь, когда генерал Жанэн послал разыскать представителей Политического центра, чтобы поскорее выяснить возможность перемирия. Его подталкивала, несомненно, рука чехов, торопившихся все время на восток и томившихся создавшейся у Иркутска пробкой.

Повстанцы пришли. О чем они говорили с Жанэном, осталось неизвестным, но только разговор их был, как засвидетельствовал Червен-Водали, очень непродолжителен.

Согласие на перемирие последовало. Генерал Ханжин сейчас же позвонил Сычеву, и в результате этого звонка явился злосчастный приказ [о перемирии на 24 часа].

Совету министров не оставалось ничего иного, как составить телеграмму верховному правителю с предложением отречься, а ответственную тройку уполномочить продолжать начатые переговоры.

В то время как заседал совет министров, на вокзале шли переговоры.

Предварительно обсуждались одиннадцать пунктов, выдвинутых Политическим центром в качестве основы для переговоров. Эти пункты следующие:

- 1) Гарантия, что 24-часовое перемирие не будет использовано противником в военных целях.
- 2) Возвращение имущества и ценностей, которыми полноправно распоряжалось правительство адмирала Колчака, для передачи Политическому центру.
- 3) Немедленное возвращение пароходов, имущества и ценностей, вывезенных правительством Колчака за пределы Иркутской губернии.
- 4) Немедленный отзыв войск атамана Семенова из пределов Иркутской губернии.
- 5) Немедленная передача охраны тоннелей войскам народной армии.
- 6) Разоружение юнкерских училищ и офицерских организаций, принимавших участие в вооруженной борьбе с народной армией.
- 7) Недопущение вывоза с Иркутского участка (первый участок Забайкальской жел. дор.) паровозов и вагонов, необходимых для обеспечения нормального транспорта.
- 8) Акт о немедленном отречении адмирала Колчака от верховной власти и передаче всей полноты ее Политическому центру.

9) Акт о сложении советом министров своих полномочий и передаче их Политическому центру.

10) Отрешение атамана Семенова от всех должностей, полученных им от правительства адмирала Колчака.

11) Гарантия в том, что ответственные руководители политики правительства адмирала Колчака, находящиеся в Иркутске и западнее его, не уклонятся от следствия и суда с участием присяжных заседателей, которые должны установить степень виновности каждого из них в настоящей гражданской войне.

По желанию, заявленному представителями правительства и поддержанному представителями союзных миссий, Политический центр и главный штаб армии согласились на продолжение срока перемирия до 24 часов 4 января, отклонив предложение о продолжении перемирия до окончания переговоров. Роли переменялись. Правительство оказалось стороной слабейшей.

На требования, предъявленные Политическим центром, представители правительства Колчака дали следующие ответы по каждому пункту:

По п. 1. Соответственные заявления уже даны правительством, и необходимые по сему распоряжения военным командованием сделаны.

По п. 2. Насколько известно, массового вывоза ценностей из Иркутска не производится. Оставшиеся ценности будут справедливо распределены.

По п. 3. Вопрос требует пояснений, ибо местные ценности из Иркутска не вывозились. Распределение же общегосударственных ценностей должно быть произведено так, чтобы справедливо удовлетворены были потребности общегосударственные и местные.

По п. 4. Войска атамана Семенова будут удалены по достижении действительных гарантий эвакуации на восток из района от линии фронта до Иркутска включительно желающих эвакуироваться лиц командного состава, офицеров, солдат и правительственных служащих. Необходимо, чтобы такие гарантии были даны договаривающейся стороной.

По п. 5. Охрана тоннелей, как это предусмотрено решением высших комиссаров, вверена, с согласия русского правительства, международному командованию.

По п. 6. Разоружены могут быть желающие остаться в Иркутске по окончании эвакуации его. Не желающим же остаться в Иркутске предоставляется право следовать с оружием на восток. Будут даны гарантии, что при производстве эвакуации по договору это оружие не будет употреблено против договаривающейся стороны.

По п. 7. Парк подвижного состава 1-го отделения сохраняется в размерах, потребных для движения, бывшего в момент начала борьбы.

По п. 8. Уже удовлетворено посылкою правительством соответственного обращения по телеграфу к адмиралу Колчаку.

По п. 9. Предусматривается по эвакуации совета министров из Иркутска, выяснении форм, в которых будет образовано местное или краевое правительство, и распределении между ними обязательств, лежащих на центральном правительстве. В Иркутске власть может быть передана на время эвакуации высшим союзным комиссарам и союз-

ному командованию. Для обеспечения безопасности населения, охрана Иркутска и его пригородов (включая и станцию) должна быть вверена союзным войскам.

По п. 10. Требуется выяснение оснований, которые доказывали бы полезность для края и в частности для района Иркутска этой меры. С своей стороны, в целесообразности ее сомневаемся.

По п. 11. Все деятели правительства посылно содействовали мирному разрешению конфликта, в котором оружие было поднято первым не со стороны правительства, почему ответственность за возникновение вооруженной борьбы лежит не на нем.

В дополнение к указанному, представители правительства повторили свои основные пожелания:

1) Перемирие продолжается на срок до достижения окончательного соглашения.

2) С достижением соглашения, военные действия в районе Иркутска и по всей линии железной дороги окончательно прекращаются, при чем должны быть обеспечены:

3) Свободный проезд на восток и неприкосновенность адмирала Колчака, министра путей сообщения Устругова, министра-председателя Пепеляева и прочих лиц военной и гражданской администрации, а также военных частей, желающих быть эвакуированными за Байкал.

В частности в указанном порядке обеспечивается возможно срочная эвакуация Иркутска, т.-е. правительственных, военных и гражданских должностных лиц с их семьями и гарнизона.

4) До завершения указанной эвакуации должна быть обеспечена связь с отступающей армией и снабжение ее всем необходимым.

Позиции правительства и Политического центра были, конечно, совершенно различны. Первое говорило об отступлении, второй—о капитуляции.

На пожелания представителей правительства Колчака Политический центр, естественно, ответил отказом, признав ответ правительства Колчака исключаящим всякую возможность соглашения и невыгодность его.

По удостоверению осведомленной газеты «Дело», вышедшей после переворота, союзные представители в ходе переговоров стояли на стороне Политического центра. Не составляли исключения и представители Японии, которые сенаратно не отстаивали те или иные пожелания представителей Колчака.

По заявлению со стороны представителей Политического центра о неприемлемости ответа противной стороны, представители правительства Колчака заявили о готовности доложить совету министров и просили продлить перемирие до окончания переговоров. Союзники поддержали это предложение. Политический центр, как уже указано, согласился продлить переговоры, но ограничил их 12 часами.

Возобновление переговоров произошло 4 января, но не в два, а в шесть часов вечера.

4 января в заседании совета министров были сделаны доклады генерала Вагина и товарища министра путей сообщения Ларионова относительно одиннадцати пунктов предложения Политического центра и ответа наших представителей.

Тон доклада Ларионова был таков: «надо согласиться на все». Предсказание, что перемирие без предварительных условий равносильно предательству, оправдалось вполне.

Кто поддержал условия совета министров? Что общего между одиннадцатью пунктами Политического центра и предположениями об эвакуации за Байкал? Откуда взялась смелость требований и вызывающий тон Политического центра, как не из сознания, что перемирие разложит правительственные войска?

Совет министров остановился, прежде всего, на вопросе о верховной власти. Было решено, что если верховный правитель не ответит на сделанное накануне предложение отречься, то совет министров объявит себя верховною властью, в силу п. 6 постановления 18 ноября 1918 года, основываясь на длительной невозможности сношений.

По вопросу об объеме уступок совет министров, не вынося никакого постановления, высказался, однако, большинством против трех, в смысле предоставления полномоченным на переговоры лицам полной свободы действий, не исключая и согласия на полную передачу власти.

В то время как совет обсуждал этот вопрос, в «Модерн» прибыл генерал Сычев и вызвал председателя. Как я узнал потом, последний, утомленный переговорами и заседанием, повидимому, не подумав о политических последствиях своего шага, заявил Сычеву, что правительство решило сдать власть.

«Ну, что ж, мы ничего против этого не имеем»,—ответил Сычев и сейчас же отбыл с распоряжениями, о которых стало известно только вечером, и которые поставили правительство в самое трагическое и двусмысленное положение.

Голосование произошло очень быстро, и в историю его результат должен быть записан так: «Сначала правительство решило бороться с мятежом, потом остановилось на отступлении и, наконец, перешло на сторону повстанцев».

На совет министров в его последних решениях оказала, повидимому, сильное влияние вокзальная информация.

Прежде всего, все приезжавшие с вокзала единодушно указывали, что к адмиралу отношение не только отрица-

тельное, но и прямо злобное. Язвический передавал фразу генерала Жанэна:

«Мы психологически не можем принять на себя ответственность за безопасность следования адмирала. После того, как я предлагал ему передать золото на мою личную ответственность, и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу сделать».

Протесты адмирала Колчака против действий чехов сделали последних его заклятыми врагами.

Что касается перспектив революции, то дружеское тяготение некоторых союзников к Политическому центру заставляло их представлять в розовом цвете все, что казалось благоприятным для восстания и слишком сгущало краски в отношении правительства.

Все это заставило совет министров поддаться настроению в пользу капитуляции.

К счастью, формального решения вынесено не было, голосование имело целью лишь выяснение настроения совета для руководства делегатам. Последние приняли голосование к сведению, но, судя по духу дальнейших переговоров, держались твердо и согласие на капитуляцию имели лишь на запас.

К трем делегатам присоединен был Палечек, отстаивавший одобренную советом идею, что Политический центр должен обязаться созвать земский собор. Была предложена также кандидатура Бурышкина, но ее отклонили. Тем не менее Бурышкин поехал на вокзал, по приглашению Червен-Водали.

15. Жуткие часы.

В «Модерне» должны были остаться из полномочных членов совета только Смирнов и я.

Около половины шестого все делегаты отбыли. В шесть «Модерн» уже был охвачен большим волнением. Комендантская часть совета министров первая узнала, что Сычев приказал войскам очистить фронт. Я потребовал доказательств, а меня просили отдать приказ о расформировании части. Взять на себя такое распоряжение до выяснения результатов переговоров я не решился.

Еще утром ряд обывателей «Модерна» покинул его холодные и неприветливые в эти дни стены. Выехали некоторые из товарищей министров. Вынесены были вещи Смирнова. Обо всем этом мне докладывали из команды, которая ревниво следила за тем, остается ли правительство в гостинице или бежит.

В семь часов я зашел к адмиралу Смирнову. Его но-

мер был закрыт. Ушел и он. Остались товарищи министров и я.

Положение не из приятных. Солдаты оставили посты и сбились в кучки. Офицеры образовали что-то вроде митинга. Раздавались явно враждебные по адресу правительства возгласы:

— Бежали, предатели... Где они, кто остался? Разделаться с ними!

— Господа, бросайте ружья, идем по домам!

— Что вы лжете, никого здесь нет. Конечно, бежали! Где Червен-Водали, Бурышкин, Ханжин, Смирнов, Волков?

— Почему Волков, он не член правительства?

— Все равно, кто здесь есть? А, вот главноуправляющий!

— А где генерал Сычев?

— Уже бежал?

Через некоторое время мне принесли собственноручный приказ Сычева: «уходить с фронта и стягиваться к оренбургскому училищу для отступления».

Что это—провокация или мне неизвестный план, согласованный с решением Червен-Водали?

Только благодушие большинства русских солдат спасло в этот момент последних обитателей «Модерна» от жестокой расправы возмущенных защитников правительства.

Я решил выбраться из «Модерна» и навести справки в английской и японской миссиях о положении дел. В коридоре удалось пробраться, воспользовавшись моментом, когда офицеры объявили, что Сычев бежал, а обязанности коменданта принял на себя генерал Потапов. Внимание всех было поглощено этим сообщением.

На улице меня задержали пьяные офицеры народно-революционной армии, но от них удалось ускользнуть.

Я вернулся еще в «Модерн» к 10 часам утра, уже зная от союзников, что переговоры на вокзале продолжаются, но идут нервно и без надежды на благоприятный исход, что фронт уже снят, отдельные части сдаются, и неприятель вступает в город.

Было опасно возвращаться в «Модерн», но я знал преданность и дисциплинированность своей команды, знал, что без моих приказаний она останется на своих местах, и я считал своим долгом решить с нею вместе, что делать.

Решили не отступать—слишком поздно; кроме того, офицеры не хотели идти за генералами, которые лишились их доверия.

Я ушел из «Модерна» незадолго до того, как к нему подошли части революционных войск.

Переговоры в одиннадцать с половиною часов были прерваны, не дав положительных результатов.

Власть российского правительства к Политическому центру не перешла, так как передачи не произошло, и согласия на такую передачу нигде официально заявлено не было.

Политическая смерть лучше измены убеждениям. Российское правительство было убеждено в бессилии Политического центра, и оно не могло сдать последнему власти. Случайное настроение совета министров, сказавшееся в заседании 4 января, политически выявлено не было.

Утром 5 января на улицах Иркутска были расклеены объявления о падении «ненавистой» власти Колчака и о принятии власти Политическим центром.

16. Предательство.

Едва только закончилась катастрофа, как загудели гудки, ожила станция, зашевелились эшелоны.

Спешно, один за другим, мчались на восток поезда иностранных представителей, грузились миссии, эвакуировались иностранные подданные, как будто бы новая власть, народившаяся при благожелательной поддержке иностранцев, была им врагом, а не другом.

А между тем фронт еще не был ликвидирован, еще существовали остатки армии, еще большевизм не победил.

Но никто из иностранцев не заботился больше об армии. Некоторые иностранные эшелоны оказывали гостеприимство отдельным политическим деятелям. Вывезли многих американцы, кое-кого из офицеров—французы, но больше всего, целыми поездами, вывозили русских японцы.

17. Торжество в Иркутске.

В то время как в центре Сибири происходила тяжелая драма войск, брошенных на произвол судьбы, окруженных со всех сторон врагами и не желавших все-таки сдаваться, в Иркутске происходило торжество.

Революция победила.

Целую неделю я скрывался у добрых людей, и в окно, выходящее на улицу, мне видны были манифестации с красными флагами и ликующая толпа, проходившая по главной улице.

Без обозначения числа, распространялся манифест Политического центра. Название «манифест», термин царских времен, свидетельствовал о безмерной притязательности новой власти.

„Волею восставшего народа и армии,—говорилось в манифесте,—власть диктатора Колчака и его правительства, ведших войну с народом, низвергнута.

„Узники, томящиеся в местах заключения за борьбу с реакцией, освобождаются. Ответственные руководители реакционной политики предаются гласному суду с участием присяжных заседателей.

„Атаманы Семенов и Калмыков, генерал Розанов и адмирал Колчак объявляются врагами народа.

„Все гражданские свободы (слова, печати, собраний, союзов и союзов), упраздненные правительством Колчака, восстанавливаются.

„Политический центр, ставший во главе восстания народа и армии, ставит своими ближайшими задачами:

„1. Созыв на 12 января 1920 г. Временного сибирского совета народного управления на основании особого положения, опубликованного Политическим центром, и передачу ему всей полноты временной власти вплоть до созыва Сибирского Народного Собрания, составленного из представителей губернских и уездных земских собраний, съездов крестьян, казачьих кругов, городских самоуправлений и профессиональных рабочих объединений.

„2. Вся полнота местной власти в отдельных губерниях передается губернским земским собраниям и их органам—губернским земским управам.

„В городах полнота местной власти осуществляется городскими думами.

„3. Во всех областях, очищенных от реакции, немедленно начинается подготовка к выборам городских и земских самоуправлений на основе избирательных законов 1917 г.

„4. Власть Политического центра, власть гражданского мира, предпринимает немедленные шаги к установлению перемирия на советском фронте и начинает переговоры с советской властью на основе гарантирования самоуправления областей, освобожденных от реакции, не занятых армией Совета народных комиссаров.

„5. Политический центр приступает к немедленному осуществлению договорных взаимоотношений с демократическими государственными образованиями, возникшими на Российской территории.

„6. В отношении Чехо-Словацкой и Польской республик его задача сводится к установлению дружественных взаимоотношений, обеспечению свободного пропуска их войск с сибирской территории, при условии невмешательства их во внутреннюю жизнь Сибири.

„7. В отношении держав Согласия и других иностранных держав Политический центр будет вести политику мирного разрешения претензий этих стран к России, при условии невмешательства их во внутреннюю жизнь страны.

„8. Стоя лицом к лицу с развалом всего народного хозяйства, подготовленным диктатурой монархической буржуазии и реакционных военных клик, Политический центр полагает неотложно необходимым:

а) передать все дело продовольствия населения и армии в руки кооперативных организаций под контролем центральной государственной власти;

б) обеспечить покровительственную политику по отношению к кооперативному хозяйству вообще, в особенности к кооперативной промышленности;

в) передать в распоряжение государства всю каменно-угольную промышленность и средства транспорта;

г) установить государственный контроль над внешним товарообменом при обеспечении соответствующего представительства кооперативных организаций;

д) установить государственный контроль над всеми областями торговли и промышленности с обеспечением представительства органов местного самоуправления и профессионально организованного труда;

е) гарантировать безусловное осуществление восьмичасового рабочего дня и оплаты труда на основании прожиточного минимума;

ж) временно регулировать земельные отношения на основе положений, принятых Всероссийским Учредительным Собранием

„Намечая в самых общих чертах платформу своей деятельности, Политический центр глубоко уверен, что его последовательно-демократическая политика будет обеспечена солидарной поддержкой трудовых слоев деревни и города.

„В планомерной политике организации труда и восстановления гражданского мира, гарантированных демократическими свободами, Политический центр видит единственное спасение народного хозяйства страны, доведенной до банкротства преступной политикой правительства Колчака, правительства изменников родине и народу.

„К труду и свободному самоуправлению зовет вас, граждане Сибири, Политический центр.

Председатель Политического центра, член Учредительного Собрания Флор Федорович, товарищ председателя Политического центра И. Ахматов, товарищ председателя Политического центра, тов. предс. Приморской Обл. Земск. Управы Б. Косьминский. Члены Политического центра: М. Фельдман, Б. Коногов, член Учр. Собр. А. Иваницкий-Василенко, чл. Учр. Собр. Я. Ходукин, предс. Иркутской Губ. Зем. Управы Л. Гольдман“.

Тяжело было читать, как имя Колчака обливалось грязью наряду с именами Семенова, Розанова и Калмыкова, и все мы, члены правительства адмирала, мы, стремившиеся спасти родину, объявлялись изменниками.

Народ праздновал завоевание свободы и мира.

18. Как предан был адмирал Колчак.

Где же был в это время «враг народа», адмирал Колчак?

Так же, как и правительство, он попал в ловушку. Его задержали в Нижнеудинске, лишили связи с внешним миром, не позволяли тронуться с места.

Очевидец, один из офицеров конвоя, верховного правителя, бежавший уже в Иркутске, рассказывал мне обстоятельства выдачи адмирала Политическому центру.

Во время стоянки поезда адмирала в Нижнеудинске ему не давали связи с Востоком совершенно, а с Западом, со штабом фронта, оказалось возможным снести лишь раза два-три. Силы народно-революционной армии в Нижнеудинске были настолько слабы, что конвой адмирала и председателя совета министров, без всякого сомнения, легко справился бы с ними, но доступ в город был закрыт чехами.

Между тем в поезд приносились прокламации, с солдатами вели беседы подосланные агитаторы, и не столько их

убеждение, сколько одностороннее освещение событий, уверенность, что власть Колчака пала повсюду, вносили в среду конвоя разлагающие сомнения.

Когда адмирал, получив от совета министров предложение отречься в пользу Деникина, а от союзников—принять охрану чехов, изъявил на это согласие, он и председатель совета министров предоставили солдатам свободу действий. Многие ушли.

К моменту принятия охраны чехов в поезде верховного правителя было достаточное количество вооружения, и адмирал, если бы ему предоставлено было продвигаться вперед, мог бы вполне положиться на свои силы. Но, согласившись на чешскую охрану, привыкший к благородству и верности данным обещаниям, адмирал отклонил предложение преданных офицеров припрятать пулеметы и согласился на полное разоружение.

Из своего поезда адмирал перешел в вагон второго класса под флагами: английским, американским, японским, французским и чешским.

Адмирал взял с собою из поезда всего восемьдесят человек. В коридорах его вагона часто грелись солдаты его конвоя. Всегда простой и доступный, адмирал любил их и был близок со своими конвойцами.

Поезд, в составе которого находился вагон верховного правителя, благополучно прибыл на ст. Иннокентьевскую, находящуюся у самого Иркутска.

В Черемхове поезд встретила толпа человек в двести-триста, при чем большинство было не вооружено, но настроение толпы было явно враждебным.

Никому из вагона не разрешено было выходить. О чем говорили чехи с толпой, неизвестно, но только поезд благополучно двинулся дальше.

По прибытии на Иннокентьевскую чехи не скрывали, что поезд дальше не пойдет.

Когда помощник чешского коменданта вошел в вагон и заявил, что адмирал выдается иркутским властям, верховный правитель схватился руками за голову, и у него вырвался вопрос: «Значит, союзники меня предают?» Но сейчас же овладел собою.

Адмирала и Пепеляева повезли в тюрьму в первую очередь. Через Ангару их вели пешком. На городской стороне ожидали автомобили. Остальных отправили в тюрьму на следующий день. Отправили всех, даже женщин.

На вокзале не было ни толпы, ни войск.

Решение выдать не было вынуждено неожиданно создавшейся обстановкою; оно было, очевидно, принято заранее.

Японцы, находившиеся на вокзале, проявили большое любопытство к происшедшему, но не принимали в нем никакого участия.

Насколько слабы были силы народно-революционной армии на вокзале, показывает, между прочим, и то, что несколькими офицерам удалось выбежать из вагона, пробраться в соседние поезда и скрыться.

19. Бессилие социалистического блока.

5 января Политический центр объявил, что власть принадлежит ему, 21-го он сдал ее Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Всего семнадцать дней существования, и из них ни одного самостоятельного.

Уже в период вооруженной борьбы с правительством народно-революционная армия достаточно ясно преобразовалась в Красную армию: начиналось с разложения регулярных войск путем заманчивого обещания мира; затем происходило выступление, во время и после которого к солдатам присоединялись рабочие, военнопленные, красноармейцы, и к ним переходила руководящая роль.

Если командующий народно-революционной армией капитан Калашников в первые три дня был свободен в своих действиях, то на четвертый рядом с ним уже сидел комиссар-солдат, без которого никто не мог быть принят командующим и не могло состояться ни одно решение.

Если в первые дни солдаты по привычке козыряли и становились в строй, то в последующие дни они растворились в массе вооруженных рабочих, которые быстро отучали их от этих внешних проявлений военной дисциплины.

Офицеры, вошедшие в состав народно-революционной армии, по большей части были втянуты в нее массовым движением, перед которым они чувствовали свое бессилие. Эти офицеры чистосердечно сознавались, что они не смогут противостоять большевизации.

Переворот в Красноярске произошел под лозунгом поддержки фронта впредь до заключения мира с большевиками. Во главе гарнизона стал генерал Зиневич. А кончилось тем, что большевики высмеяли Колосова, предлагавшего им переговоры о мире, а генерал Зиневич бежал, признав занятую им позицию ненадежной, не заслужив признания большевиков и создав себе смертельных врагов среди бывших соратников.

В то время как 5 января Политический центр рассылал своих комиссаров по правительственным учреждениям, рабочие-коммунисты прислали свои телеги к зданию гости-

ницы «Модерн» и увезли оружие, разбросанное уходившими с фронта солдатами. Это было практичнее. Они организовали силу, в то время как эсеры ее теряли: призывные солдаты после переворота считали свою службу оконченной и устремлялись домой. Оставались, следовательно, во-первых, солдаты по призванию, жаждавшие стать господами положения, а во-вторых, вооруженные коммунисты. Нетрудно было догадаться, к кому перейдет власть.

В официальных своих выступлениях Политический центр пыжился, как лягушка, захотевшая стать волком. Так, например, в «Манифесте Политического центра» выражалась глубокая уверенность, что последовательная демократическая политика центра будет обеспечена солидарною поддержкою трудовых слоев деревни и города.

Насколько сильна и длительна должна была оказаться эта поддержка в мечтах авторов манифеста, видно из того, что Политический центр не только обещал гарантировать самоуправление областей, освобожденных от реакции и занятых армией Совета народных комиссаров, но и «приступить к немедленному осуществлению договорных взаимоотношений с демократическими государственными образованиями, возникшими на Российской территории» (п. 5 манифеста).

Таким образом Политический центр мечтал о государственном суверенитете, о независимости от Советской России, о договорных отношениях с Эстонией, Латвией, Польшей и т. д.

Но это было только в официальных заявлениях, приготовленных заранее и проникнутых дерзостью замысла. Более откровенные эсеры еще до завершения переворота сознавались, что они ставят себе целью способствовать безболезненному переходу власти к большевизму, чтобы, как прибавляли комментаторы, спасти себя, свалив власть «колчаковцев».

Поэтому в первый же день воцарения Политического центра в чрезвычайном заседании иркутской городской думы командующий армией капитан Калашников, учитывая очевидные задачи момента, на первое место поставил «окончание гражданской войны, разбивающей демократию на два лагеря». Здесь уже незаметно было идеи раздельного существования от Советской России. Еще яснее сказалась готовность недавних победителей покориться Советской России в их инструкции лицам, командированным для мирных переговоров с большевиками. Делегатам предписано было заключить шире во что бы то ни стало, т. е. дано в скрытом виде разрешение идти на полную капитуляцию.

Дело, впрочем, значительно упростилось, так как на

фронте с посланцами мертворожденной власти разговаривать никто не стал, а в Иркутске Совдеп водворился раньше, чем могла бы произойти капитуляция на фронте.

Подготовка этого естественного переворота происходила быстро. Во вторник 6 января вышел в Иркутске № 1 газеты «Рабочий и Крестьянин», орган штаба рабочей дружины. Со следующего дня уже стала выходить «Сибирская Правда».

В передовой статье, подписанной Шнейдером, характерным языком большевиков, языком уличной митинговой демагогии, поется отходная побежденным реакционерам и возвещается близость мировой пролетарской борьбы:

«... Под ураганным огнем красных зашаталась, затрещала, смялась и рухнули фронты насильников, кольцом опоясывавшие Россию бедняков и пролетариев. Под напором идущей с Запада лавины советских войск распался наскоро сшитый из спекулянтов, мародеров и разбойников фронт верховного авантюриста Колчака. На три тысячи верст Сибирь очищена от кровавого разгула черных адмиральских полчищ»...

«... В кровавой схватке труда и капитала, пролетариата и буржуазии куется новый мир—мир социализма.

«... В Германии, Австрии, Англии, Франции и Америке встают, поднимаются, строятся мощные ряды бойцов за пролетарскую революцию».

«... В сплошной гул переходят отзвуки русской революции, выше и выше вздымаются знамена мировой пролетарской борьбы».

В конце газеты помещено воззвание коммунистов: «прокладывать дорогу к заветной цели—всемирному солнцу, коммунизму», и приглашение записываться в партию. Там же был помещен адрес клуба коммунистической партии—здание бывшего губернского управления государственной охраны. Но, может быть, это только случайное совпадение. Начиная с 6 января, в Иркутске стали устраиваться митинги. Наибольшим успехом повсюду пользовались ораторы-большевики.

Это было печальное предзнаменование для новой власти. Они высмеивали притязательность эсеров, которые осмеливались выступить против Колчака только после того, как фронт пал. Резолюции требовали скорейшего перехода власти в руки советов. Характерно, что на митинге в театре «Глобус» 10 января вынесено требование не только о скорейшей передаче власти советам, но еще и требование от Политического центра более полной и правдивой информации (газета «Сибирская Правда» № 3, 14 января). Новую власть уже обвиняли в стремлении скрывать от народа истину и даже извращать ее. Бедный Политический центр! Его обвиняют в том, в чем он сам обвинял только что свергнутое правительство.

Согласно манифесту, вся полнота власти после переворота должна была быть передана «совету народного управления» более широкого состава. В совет народного управления вошли все 8 членов Политического центра, кроме того, 6 представителей земских самоуправлений, 3 представителя кооперации, 3—профессиональных рабочих союзов и 3—союза трудового крестьянства; всего двадцать три человека. Этот совет народного управления, полнота власти которого выражалась в праве законодательства и праве организации исполнительной власти и контроля над ее действиями, впервые должен был собраться 12 января.

По удостоверению иркутских газет, члены совета, в состав которого вошли, между прочим, Головков, Патушинский, Алексеевский, Быховский, Сидоров, собирались очень вяло. Уже двенадцатого, в первом заседании совета, так же ясно, как при возобновлении работ государственного экономического совещания в Иркутске, чувствовалось, что ораторов встретил холод равнодушия и убеждение в их бессилии.

Политический центр и совет народного управления искали тона, который сделал бы их «не хуже» большевиков. Первый, подражая народным комиссарам, объявил в своем манифесте «врагами народа» атаманов Семенова и Калмыкова, генерала Розанова и адмирала Колчака. Второй, немедленно после ареста адмирала, восстановил смертную казнь. Эсеровское большинство выявило свое политическое вырождение в большевизм.

Несмотря на все эти похвальные с большевистской точки зрения действия, Политический центр и совет народного управления должны были в двадцатых числах января сложить с себя власть и передать ее Совдепу.

Каков, в самом деле, смысл существования власти, принципиально отличающейся от советской только тем, что народу совсем непонятно, а именно, различием структуры органов управления. Вместо советов—земства, вместо центрального исполнительного комитета—Сибирское народное собрание. Раз становиться на почву демагогии, то лучше отвергать всякое участие в управлении буржуазии. Это народу гораздо понятнее. Только наивные политики могли рассчитывать, что эсеры способны конкурировать с большевиками.

Эсеры, как кроты, взрывают почву, подготавливая ее для революционной вспашки, но сеять и пожинать им не суждено.

На какие силы эсеры могли рассчитывать? На собственную армию? Но это все равно, что строить дом на ледяном фундаменте перед началом весны. На земство? Но опыт

революции 1917 года показал, что крестьянство вовсе не дорожит земствами и принципами демократической избирательной системы. Все земства исчезли с лица земли после Октябрьской революции бесследно и безболезненно: их никто не защищал.

Остается думать, что эсеры, составлявшие большинство в Политическом центре, рассчитывали на чужую силу, на чехов. Последние ненавидели Колчака, Семенова, ожидали от них постоянных препятствий отъезду их на Восток, симпатизировали помимо того демократическим идеалам эсеров, и, несомненно, могли оказать большую помощь восстанию, даже не участвуя в нем активно, а лишь препятствуя правительству и его войскам защищаться, как это они делали в Иркутске.

Однако расчет на чехов явился результатом плохого учета действовавших сил. Политический центр забыл о том, что составляло главную заботу правительства: об остатках армии, которые не могли сдать большевикам и не могли простить предательства тыла. В том или другом виде эти силы должны были собраться и слиться для самозащиты.

Забыто было также, что с Забайкалья начинается зона преобладающего влияния Японии, которая понесла слишком много жертв, чтобы остаться пассивной зрительницей политических переворотов. Япония поддерживает тот порядок, который не поставил бы ее войска и ее материальные интересы в рискованное положение. Этим объясняется в значительной степени, что переворот, задуманный и подготовленный на всей территории Дальнего Востока, удался только частично.

Таким образом, расчет Политического центра на его собственные силы, на народную армию и поддержку населения был преувеличен, а расчет на чехов был неправилен, за упущением из учета действующих факторов, сил, парализовавших чешскую помощь.

20. Мирные переговоры эсеров с большевиками.

За три дня до сдачи власти большевикам иркутскими эсерами, их делегаты начали в Томске переговоры с большевиками об образовании буферного государства в Сибири на следующих основаниях: 1) мир с Советской Россией; 2) борьба с интервенцией; 3) отказ от политических блокировок с цензовыми элементами.

Иркутские эсеры настаивали на создании буферного государства в Восточной Сибири. Они уговаривали большевиков поверить искреннему стремлению сибирских земств

жить в мире с Советской Россией и описывали революционные заслуги сибирских земств, которые всю свою работу в 1919 году направили против правительства. Член делегаций Колосов рассказал, как свидетельствуют опубликованные протоколы переговоров («Новости Жизни» № 94 и сл.), что в октябре 1919 года в Иркутске состоялся нелегальный съезд земств, на котором был поставлен вопрос «не только о необходимости свержения правительства, но и о средствах к достижению этого». «Работа земств облегчалась их легальным существованием»,—так хвастался Колосов, не понимая, какой жестокий обвинительный материал давал он этим против земств, которые, вместо прямой своей задачи—заботы о народном образовании, санитарии, сообщениях, занимались подготовкой на народные деньги государственного переворота, на который их никто не уполномочил.

Дальше Колосов начал страшить большевиков японцами. Япония, по его словам, жаждет продвижения советских войск вглубь Сибири, потому что столкновение с ними даст ей повод осуществить свои захватнические стремления. Но Колосов пересолил и, стараясь окончательно убедить большевиков, что эсеры считают их своими друзьями и стремятся создать буфер без всяких тайных намерений, он заявил, что если Советская Россия имеет достаточно сил для немедленного сокрушения Японии, то «никогда никакого буферного государства не нужно».

21. Американцы—друзья эсеров.

Глава мирной делегации, посланной иркутскими революционерами к большевикам, Ахматов подтвердил, что если бы произошло столкновение советских войск с японскими, то «Политический центр сделал бы все возможное для того, чтобы создать против Японии, совместно с Советской Россией, единый фронт», Ахматов прибавил к этому, что летом 1919 года он вел беседы с отдельными представителями американской дипломатии и вывел заключение, что «Америка готова допустить существование государства-буфера, со включением в орган власти в нем представителя коммунистических сил» («Нов. Жизни» № 93).

«Наиболее крупными представителями американской дипломатии в Сибири,—прибавил Колосов,—были три лица: генеральный консул Гаррис, проживавший в Омске, определенно поддерживавший Колчака, посол Моррис, который постоянно находился во Владивостоке, стоя в оппозиции, но после поездки в Омск, склонялся одно время на его сторону, третьим был генерал Гревс, определенный колча-

товский противник. На поддержку со стороны американцев рассчитывали повстанцы, участники восстания генерала Гайды во Владивостоке, имевшие основания рассчитывать на помощь Америки в случае вооруженного вмешательства со стороны Японии в подавление восстания». Представители американской дипломатии неоднократно в разных случаях при своих переговорах с представителями сибирской демократии высказывались в том смысле, что они находят, что только та власть в Сибири будет прочной, в создании которой объединятся все левые демократические элементы, в особенности же социалисты-революционеры и большевики».

Если какие-то, повидимому, неотчетливые американские дипломаты действительно это говорили (а Колосов не из врунов), то подобный прогноз не делает им чести.

События очень быстро подтвердили то, что было испытано уже в 1918 г., после свержения большевиков. Социалисты без помощи цензовых элементов создать прочной власти не могут. Они провалились в 1918 г. в Омске, и их место заняло правительство Колчака, они провалились вновь в 1920 году в Иркутске, и их место заняли большевики.

Переговоры о буфере еще не кончились, как Политический центр приказал долго жить.

Ошиблись эти дипломаты и в другом отношении: соглашение с большевиками оказалось невозможным даже для социалистов-революционеров.

22. Ледяной поход.

В то время, как происходило свержение правительства и укрепление большевиков, по снегам Сибири, несмотря на свирепые холода и отсутствие каких бы то ни было баз, двигались на восток остатки колчаковской армии. Их вел славный вождь, герой волжских походов—генерал Капель.

Куда шли эти войска, что их ожидало? Они сами не знали. Им было ясно лишь одно, что кругом большевики, и что они должны уходить. Их поддерживала надежда, что где-нибудь да найдут они небольшеvistскую власть; их вела вера в их вождя и ненависть к большевикам.

После падения Омска остановить отступавшие войска и привести их в порядок не удалось. Отведенные в тыл части первой армии подымали восстания под лозунгом «гражданский мир». Еще войска не успели подойти к Ново-николаевску, как он оказался уже большеvistским. Они пошли дальше по направлению к Томску—там оказалось то же. Рабочие угольных копей близ Томска перерезали

путь отступавшей армии, ей пришлось пробиваться с оружием в руках. Дальше повторялась та же история.

Штаб главнокомандующего остановился в Ачинске, между Томском и Красноярском. Здесь произошел, вероятно, не случайно, страшный взрыв снарядов.

Красноярск, этот сибирский Кронштадт, тоже выкинул красный флаг.

Что делать?

Армии уже не было. Все рассыпалось, перемешалось. Войска шли с огромными обозами. Транспорт был целиком захвачен чехами. Дети, женщины, больные—все ехали вместе с воинскими частями. Сыпно-тифозных привязывали к лошадям и саням, чтобы они не выскочили.

Только единство настроения спаивало всю эту беспорядочную массу людей в одно целое, но она утратила привычное руководство и должна была неизбежно рассыпаться.

Но грозная опасность помогла этой беспорядочной массе опять стать армией.

Она находилась под Красноярском. В тылу красные успели уже взять Ачинск. С юга подходили партизанские отряды Щетинкина. Красноярский гарнизон вел переговоры с большевиками.

Брать Красноярск было невозможно,—для этого было недостаточно патронов. В этих обстоятельствах генерал Каппель отдал приказ обойти Красноярск и идти вперед, на восток. Приказ этот выразил общее стремление. Каппель приказал идти. Значит, какой-то просвет впереди есть, и, не задумываясь над тем, куда, сколько тысяч верст, с какими средствами,—тропулись вперед.

Несколько колонн с юга и севера, преодолевая сопротивление красных, обошли Красноярск и вновь сошлись.

С этого момента движение принимает планомерный характер. Приказ начальства строго выполняется, его ждут, ему верят.

Неожиданно для всех генералы приказывают идти на север, по реке Енисею. Этот путь был избран потому, что красные не могли предвидеть подобного маневра, а между тем по берегам рек всегда располагаются деревни, а гладкая замерзшая река представляет лучший путь сообщения. Воскрес инстинкт предков, расселявшихся по берегам рек, и ушкуйников, ухидивших за тысячи верст от родных мест по водным путям.

Шли по Енисею, потом пошли по реке Кану и вышли опять к магистрали, где соединились с авангардом армии, благополучно прошедшим через Красноярск. Шли при тридцатиградусном морозе по льду, но быстрая река Кан еще плохо промерзла, во многих местах лед не выдерживал тя-

желого груза, и из-под льда выступала вода. Пришлось побросать сани с лишним грузом.

Вследствие недостатка пим и тулупов, многие отмороживали себе ноги, а некоторые и вовсе замерзали. Обморозился и сам генерал Каппель, который с 4-й уфимской дивизией прокладывал дорогу по извилистой реке, среди дикой и безлюдной местности, личным примером увлекая других.

У Канска был бой. Дорога была опять очищена, и, попрежнему не зная, что ожидает впереди, армия продолжала продвигаться.

Повстанцы не решались вступать в бой и уходили в тайгу, освобождая путь. Голодная и оборванная армия не теряла присутствия духа. По бесконечно длинным сибирским путям тянулся такой же длинный, как будто бесконечный обоз. Попрежнему ехали жены, дети и больные тифом, которые переносили тяжелую болезнь на открытом воздухе как будто даже легче, чем в госпиталях. Мороз умерял горячку.

Только в Нижнеудинске, который был взят с боя, армия получила суточный отдых, первый от начала похода.

Генерал Каппель с отмороженными ногами продолжал ехать верхом на лошади. Он рисковал жизнью для поддержания духа солдат. Героем он остался до конца. 25 января он ослабшей рукой подписал приказ о передаче командования генералу Войцеховскому. Труп его был принят в чешский эшелон и перевезен в Читу.

Глубоко в душе каждого каппелевца отзывалась смерть любимого вождя. Любовь к нему, вера в него рассеивали мрак безнадежности. Теперь, когда Каппеля не стало, казалось, тучи сгустились, горизонт стал еще темнее, и лютая сибирская выюга, залепляющая глаза, скрывающая от человеческих глаз внешний мир, казалось, стала еще злее.

Но, связанные единством настроений, привыкшие повиноваться, солдаты и офицеры выслушали приказ нового главнокомандующего и опять тронулись в путь. Вновь потянулся бесконечный обоз с женщинами, детьми и больными, и вид этой двигающейся, не знающей отдыха, не поддающейся отчаянию лавины внушал даже на расстоянии трепетное ощущение богатой духовной силы исторического народа, не знающего границ ни терпению, ни настойчивости.

Армия вскоре разделилась на три группы, из которых одна продолжала движение вдоль большого тракта, одна пошла несколько южнее и небольшая часть избрала направление на Верхоленск—Баргузин, с расчетом перейти через Байкал в северной его части.

Главной группе пришлось выдержать бой под Зимой. Тут отличилась Воткинская дивизия; поддержали ее в этом деле чехи.

7 февраля 1920 года войска подошли к Иркутску. Красные потребовали от них сдачи оружия. В ответ на это решено было взять Иркутск.

Храбрые революционеры находились в паническом состоянии. 7 февраля они убили адмирала Колчака и председателя совета министров Пепеляева. Других политических арестантов вывезли из города, опасаясь их освобождения и восстановления правительства.

Иркутск мог бы быть взят, но восьмого февраля на имя генерала Войцеховского чешским командованием была дана следующая телефонограмма.

„Для того чтобы не подвергнуть обстрелу ст. Иркутск с находящимися на ней чехо-словацкими войсками при возможности боя из Глазкова в г. Иркутск и в целях избежания преследования со стороны ваших солдат железнодорожных служащих и их семейств, которые населяют Глазково, что вызовет естественное прекращение работ на станции и тем задержит нашу эвакуацию, я, замещающий командующего чехо-словацкими войсками генерала Сырового, решил ни в коем случае не допускать занятия Глазкова вашими войсками. Пригород Глазково, по моему настоянию, очищен от советских войск, который, ввиду изложенных обстоятельств, объявляю нейтральным местом. Прошу немедленного оповещения об этом постановлении командующего группой генерала Войцеховского и всех начальников его частей, в целях избежания возможных недоразумений. Подлинный подписал: Начальник 11 чехо-словацкой дивизии полковник Крейчий. Начальник штаба подполковник Бируля. Ст. Иннокентьевская, 8/II 1920 года. № 57/а“.

После этой телефонограммы оставалось только обойти Иркутск, воспользовавшись очищением предместья Глазкова и свободным путем к Байкалу. В течение 11, 12 и 13 февраля войска перешли через озеро при сильном ветре по гладкому льду. Этот переход в обетованную землю, Забайкалье, был нелегким. Лица людей потеряли обычные формы. Много лошадей пало, не выдержав этого переезда.

Северная группа, шедшая на Верхоленск, подверглась еще большим испытаниям. Она выдержала бой с сильным отрядом, высланным для задержания ее из Иркутска. Немногим из нее удалось достичь Байкала; в числе этих немногих, кроме солдат, был образцовый отряд томской милиции.

Геройский поход как будто окончился. Но от Байкала до Читы пришлось идти еще шестьсот верст, как и раньше, без средств, при страшном морозе, повсюду отбиваясь от партизан и поневоле обижая крестьян реквизицией корма и лошадей.

В конце февраля каппелевцы стали прибывать в Читу.

Тираж 15000
Заказ № 336
Отпечатано в ВС АПИ

